

КОНСТАНТИН
ГЕРАСИМОВ

ИЗ
ГЛУБИНЫ

Тбилиси, 2011

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

Проект реализован за счет гранта,
предоставленного Фондом **«Русский мир»**

Второе издание

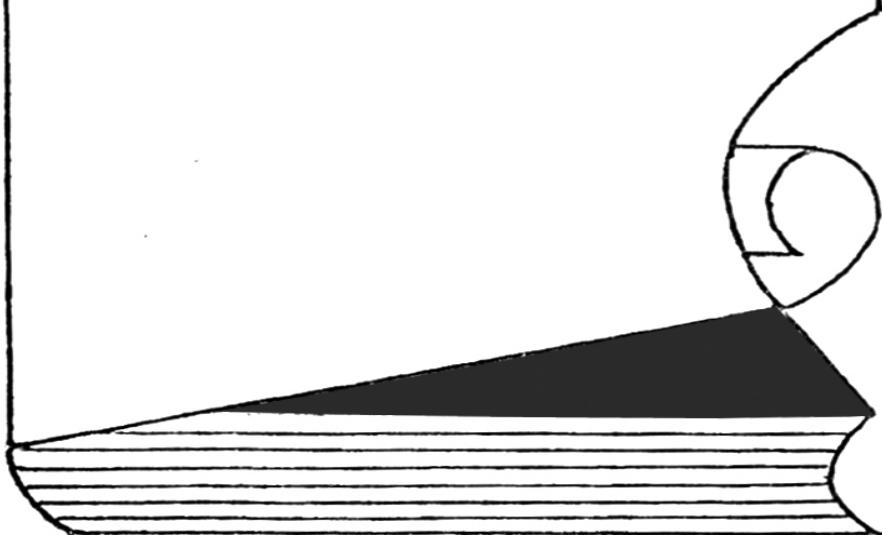
Редакторы
Нана МАЧАВАРИАНИ
Арсен ЕРЕМЯН

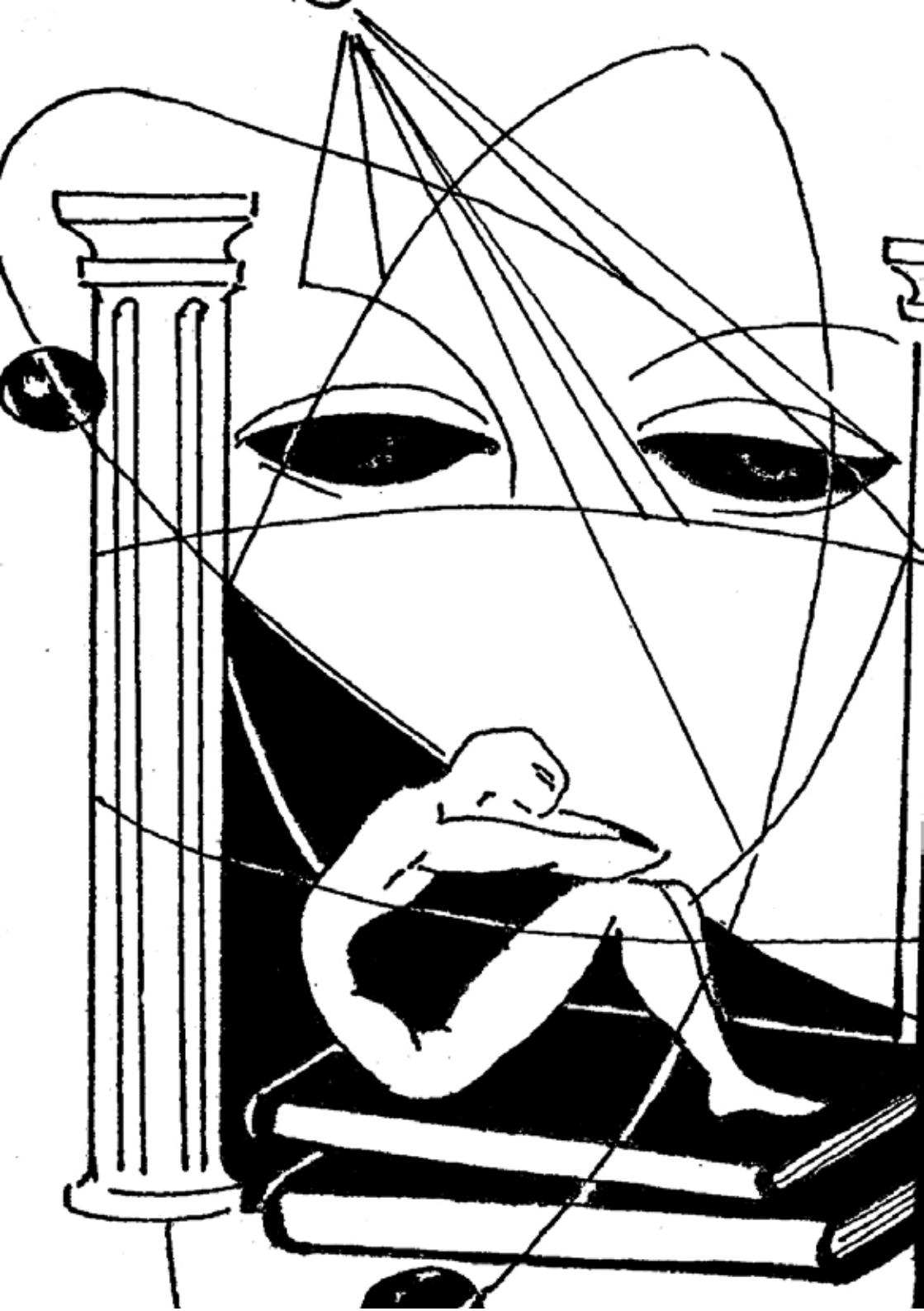
Художник
Виктория ПОПОВА

Компьютерное обеспечение
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ
Алена ДЕНЯГА

Первое издание сборника «Из глубины»
осуществлено в 1992 году
издательством «Мерани», Тбилиси.

ИЗБРАННОЕ
1947-1987

СКАЛЬД

*Я брожу, слагая песни,
На песчаном берегу.
Камень дорогой, пьянящий
Терпким зноем древней чащи,
Ищем – только каждый взятый
Пестрый камешек чудесный,
Улыбаясь, в шлем измятый
Я не бросить не могу.*

ЖЕНЩИНЫ

Женщины, женщины, женщины...
Я клялся каменам строгим,
Хоть ночи и дни обещаны
И не одной – многим.

Перчатки узкие брошены
На бумаги мои небрежно,
В аромате духов непрошено
Захлестывает безбрежное.

Ей ли в углах надвинутых,
Бронзу холодных судей
Видеть? Руки закинуты,
Молочно мерцают груди.

И – судеб сплетением
Разъята вечность на миги,
Помню ли мертвых тени я?
Заложены шпильками книги.

Будь бездумно, бесстыдно мудрою,
Верь: скрыл истину платья бархат.
И клади коробочку с пудрою –
Вот – хотя бы на том Плутарха.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Бессмыслица возведена
В первозаконы мирозданья.
Чем заплачу ей свою дань я,
Скажи, безмозглая луна?

Земля – прекрасный шар навоза,
Жаль, кто-то в тщетной трате сил
Яички жизни отложил
В нее без должного прогноза.

Но всё пустяк – последуй лишь
Какой-нибудь прекрасной вере...

Что ты бормочешь, что хрюшишь,
Луны оскалившийся череп?

HARMONICES MUNDI

(Музыка Сфер)

КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ

В Начале было все, чему начала нет.
Сквозь оргию нулей, от уравнений пира
Стремят галактики в глухие бездны мира
Пространства вздыбленный и взорванный скелет.

Боль экстатических прозрений светолет
И – трогательный хор уютных сфер сапфира...
Но в дрожи звезд – бацилл из капельки эфира
Пусть к тем даны ключи, где заблудился свет.

Пусть, множа трупы цифр, мегапарсеков знаки,
Туманности летят в мертворожденном мраке,
Чьей корчей спектры их нелепо смещены:

Взгляни, любимая, в лицо склоненной ночи,
Не правда ли, вон те рои блестящих точек –
То шляпки гвоздичков серебряных видны?

ТУПИК СТАНОВЛЕНИЯ

Предвечный Хаос – газ бесцельностью причин
И следствий – Книги Бытия ли, Канта –
Квазимолекулам галактик, звездным квантам
Отдав себя, горит созвездьями в ночи.

Бессильные согреть тоску слепых пучин
Тусклюют огоньки... Но «панта реи... панта...»

В тьме космоплазмы – да желтеют фолианты –
Цикл новой вечности, бессмертия ключи.

Эфемериды эр в рождении протона,
Миры грядущие – вселенная бездонна!
Лишь мы ее тупик. Закат земного дня –
Кровь оскопленного, бессильного Урана...

И Мрак над спазмами агонии багряной
Глядится тысячей враждебных звезд в меня.

ПРОЗРЕНИЕ

Внимал я трепетно сияющим стигматам
Небес, и надо мной сомкнувшим их богам,
И сводам хрусталя, и циклам, и кругам,
И хора вечных сфер таинственным раскатам,

Как будто никогда не взорван первоатом,
Из исступленной тьмы к разверзтым берегам
Пространства – времени космический лингам
Стремящий в Ничего, их судоргой распятым.

Как будто Беспределность, чьею бездной свет
Окован в хлябах тьмы, имен которым нет
За пылью звездною случайного мерцанья,

За гранью сущности и власти бытия
Прозрев, не обречен держать собою я,
Атлант, чей груз – неизрекомость мирозданья.

ЛУНА

Провалы грубой тьмы, и блеск изломов плит,
И жерла кратеров, чья каменная нема
Под небом угольным застыла – неизменно
Со смертью жизни бред, неотвратимо слит.

И дыры черные своих пустых орбит
Ты пялишь в темноту могильную, "Serena";
Не труп ли, сглоданный давно червями тлена,
Не череп мерзкий там, ослабившись, висит?

Нет, нет... Пока придет любовницей слепою,
О вечность звездная, другой владеть тобою
(Ведь всех возлюбленных переживаешь ты),

Пусть лунный кроткий свет иллюзий тканью нежной
Ложится, трепетным покровом Красоты
На полночь бытия и мрак ее безбрежный.

СОЗВЕЗДИЯ

Когда скрижали брызг алмазной бледной влаги
Откроет ночь тоски без цели и конца,
Не теми ль знаками Цефея и Стрельца,
Мерцая, звездные всплынут архипелаги?

Созвездья – вечности свидетели в присяге
Ее себе самой? Цветочная пыльца?
Кто в искаженный мрак не обратит лица,
Не вспомнив, что мы все – лишь гороскопов маги?

Но пусть и вечных звезд трепещущий узор
Бессилен в шквале тьмы увековечить взор –
Я миру дам закон гармонии нетленной

И клятву, уходя, возьму с вас, как Ликург,
Стихи мои, да, я – поэт и демиург,
Затепливший огни покорной мне вселенной.

ТЫ ОДНА

Шагая в ночь земную,
Я помню: ты одна,
Одна мне суждена
И без тебя тоскую.

Но, может быть, сейчас
Друг возле друга, мимо
Спеша, в толпе прошли мы
И я не поднял глаз?

И, может, даже платья
Коснулся той – одной –
Кого в ночи земной
Напрасно буду ждать я?

Давно уже все не ново,
Не приходит к удаче
Кто идет по следам другого,
Но – каждый путь начат.

Изрядно стара дорога...
Я пройду ее снова:
Нужно найти немного –
Два или три слова,

Два или три мига,
Если можно – из этих,
Которых не знает книга,
Ветхая книга столетий.

Все мгновенное – ложно.
Ложное – все вечно.
Это вполне возможно
(Как и все другое, конечно).

КАМБАЛА

Землю насущную дажь мне днесь:
Лежать, к ней прижавшись тесно, –
Смысл бытия не в этом ли весь,
Вместо бредней о бездне небесной?

Воду, воздух считают началом начал,
Апейрон и огонь – но высокой
Сутью материю я избрал,
Став камбалой однобокой.

Все в землю уйдем, как все – из земли...
Миров толкованье различно,
Но зачем уверять, что, видите ли,
Какое-то небо – первично?

Я не мистик беспочвенный: на земле
Лежу, ей верен до гроба,
И глаза мои в тихой придонной мгле
Переехали набок оба.

HABEAS TIBI

Я и Ночь – мы смеемся над вами
И грустим с нею вместе о вас.
Вечно – только слова за словами
И на буквы разложен экстаз,

Но, когда докосмической суши
Звезды выложат молча узор,
Эти символы пристальной жути –
Разве астрологический вздор?

Нет. Все знаки, клянусь, Зодиака
И зазвездный бездонный провал –
Только чтобы всеведенью Мрака
Эти строки во тьме я шептал.

НЕМОЙ

Забытый на кресте, немой,
Бессмертия не жажду страстно...
Сын человеческий, брат мой,
Воскрес однажды – и напрасно.

И смертью попрана ли смерть,
Глазницы пялящая грубо,
Раз небо – бездна, а не твердь
И горьки мне любимой губы?

Несспешно острье пера,
Мертвa бумагa, как папироса.
Всю ночь отравит до утра
Тоски фильтрующийся вирус.

Глухой Ронсар, слепой Гомер...
Нет, под луной ничто не ново.
Не нов, конечно, и пример
Поэта без стихов. Немого.

РАССВЕТ

*Мне спилось, что меня моя супруга
Нашла умершим.
Шекспир, Ромео и Джульетта, V, 1.*

Недвижные, еще не розовеют сосны
В могильной немоте. Дрожь веток, шорох брызг,
Птиц сонная возня и приглушенный писк –
И вновь безмолвие во тьме прохлады росной.

Белеют статуи между стволами пиний,
Кайма лиловых туч все ярче и алей.
Над кипарисами и лаврами аллей
Бледнее слезы звезд и сумрак серо-синий.

И конским топотом оборвано – гонец
Спешит – внезапно жаворонка пенье.
Был смертью сон. И – уст прикосновенье,
Алтарь, изгнание, и всей Земли венец,

И смятая постель. Еще ресницы сонны,
Бессонна безнадежность, ясная тоска
О той, которая безжалостно близка
Рассвету Мантуи – и сумеркам Вероны.

FUIT ILIUM

Я проиграл все битвы,
Всех любимых предал земле,
Позабыл все молитвы
И слова о добре и зле.

Новых судов напрасно
Ждать у причалов пустых,
В ночном океане гаснут
Огни маяков моих.

В руинах – песка шорох,
Окна темны Дворца,
Все тише шепот в соборах
О вечности без конца.
Мадонн почернели лики,
Между плит проросла полынь,
Оплели стебельки и повилики
Обломки нагих богинь.

Женщины мне изменили,
Мужчины забыли меня.
Стали длиннее мили,
Короче – сиянье дня.

Чтоб до истин добраться,
Черви съели пергамент книг,
И – не докопаться.
Вечность жизнь или миг.

У черта душу я купил
Давным давно, еще мальчишкой –
Последним из чертей он был –
Так, за пустяк, за мелочишку.

Бедняга околел давно
И все скребется ночью, слышу,
Прильнув покорно за окном
Мохнатою летучей мышью.

Скулит и просится в тепло,
И нет мне от него покоя.
И жалко тычется в стекло,
Пока ему я не открою.

Дрожит и смотрит – столько лет –
Как будто твердо я не знаю,
Что ничего такого нет,
Окно тихонько открывая.

А инфернальная тоска
Не оттого, что в холод ночи
Местечко на столе сыскав,
Глядит он сонно в эти строчки.

ИЗ ЦИКЛА СОНЕТОВ

ЛИКИ ВЕЧНОСТИ

И СТАЛО ТАК...

(РОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ)

Из исступления лучистой пустоты
Исторгнутая в тьму и стужу мирозданья,
О капля пламени, оплошность созиданья,
Миров непознанных случайный атом ты.

Пусть всплески рдеющей материи прости:
В них жизни жадных эр залог и обещанье.
Бесцелью вечности плачу собою дань я
Не с тех ли пор, с твоим огарком поостыв?

Не с тех ли пор в кольцо горящих звезд немое
Сомкнул я Млечный Путь, лишив себя покоя...
Клянусь, он смотрится, он смотрится к меня!
И все тесней угроза тайны вечносущей...

Поэт и скорпион, я в круге из огня,
Стихов смертельный яд в себе самом несущий.

«ГОСПОДА БОГА КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА» (ЭОЗОЙ)

В хаосе атомных биений свив кудель
Всех эволюций – код сверхбытия сугубый
(О жизнь, с моими слей трепещущие губы), –
Мерцает хромосом сплетенных акварель.

И вечность ждет, вписав еще одну аллель
В наследственность безмозглой череды инкубов,
Когда на миг взлетит, смеясь в лицо Безгубой,
Над Калибаном плоти духа Ариель.

Пусть судорожный сок случайности растленной
Шифрует эзой микроструктурой генной
Бесцелья – нравится тебе иль нет игра,

Наследник мертвецов, стань искрой эстафеты,
В могильной тьме зажгись меж завтра и вчера,
Приговорен к рожденью именем рассвета.

РОДОСЛОВНАЯ (СИЛУР)

Закованные в панцирь грубого забрала,
В мерцающих просветах абиссальной тьмы
Из трюма вечности ползли упорно мы,
Дробя отростки хрупких зарослей коралла.

Чья родословная до звездного хорала
Восходит, плоть того в плenу земной тюрьмы
Суть червя и моллюска спутником немым
Сквозь миллиард смертей безвыходно вобрала.

Под силуэтами опаловых медуз
Силура сумерки, сознанья смутный груз...

Пусть в мчащемся сегодня тесно, как в вагоне,
И муть оконного стекла порой грязна –

В ней бледной спермою праматери агоний
Палеозойская блеснет голубизна.

ПОСЛЕДНИЙ

(ДЕВОН)

Последним родничком я буду в трубы спрятан,
Последним деревом со стоном лягу я.
Покроется земля зеленая моя
Асфальта мертвого коростою проклятой.

Поверить ли, что в корчах голода, распята
Кишенем похоти, живая чешуя
Девонских отмелей в расползшихся роях
Амфибий захлестнула берега когда-то?

Но, умерщвлен в глуби отравленных морей,
Издохший за решеткой безнадежных дней,
Раздавлен, выхваченный фарами из мрака,
Сквозь едкий дым последним из последних путь

В истоптанной пустыне кирпича и шлака
Былинкой тоненькой я к солнцу потянусь.

СТРАСБУРГСКИЙ СОБОР

(ТРИАС)

Над самопожираньем жизни вечно жадной
Окаменела кровь гряды закатных скал.
Запекшаяся сушь, багровая тоска
Триасовых удущий, властвой безотрадно!

Легли пустынь сожженных камни ряд на ряд, но
В соборе вдохновенном тщетно ль я искал
Оттенков сумеречной мглы, — она близка
Нам, плитам в здании грядущего громадном.

Как нуммулиты в глыбах пирамид смолчат
Значки истлевшей книги — кто же экспонат
Из пепла атомного яруса Европы

Классифицирует, бесстрастен и пытлив,
Когда мы оборвем па середине опыт,
Земли светящуюся колбу уронив?

ЗОРИ

(ЭОЦЕН)

Не плесень, тронувшая чуть головку сыра, –
Кишения личинок полный саркофаг –
Хотя по трупам был и будет каждый шаг,
Жизнь, хлынувшая в выси и глубины мира.

Пусть угасает солнце мезозоя дырам
Незрячих глаз и скрючит кости заврофаг
В конкреции тяжелой – квакни, жалко наг,
С надгробья лягушонок: «Как тепло! Как сыро!»

С расторгшими проклятье умиранья, плен
Судьбы неотвратимой, смерти смрадный тлен,
В пути к иным, зелено-голубым планетам,

Тоска земных исканий, стиснувшая грудь, –
Хоть эоценовою мошкой – все же будь,
Заключена в прозрачном янтаре сонета.

ПОДТЕКСТ

(ПЛИОЦЕН)

Довольствуйся музейным лишь *memento mori* –
Вот – каменный обрубок челюсти, – в бреду
Вдыхая, с подсознанием явно не в ладу,
Пыль опаленных плиоценовых нагорий.

Нет. Ужас древней сонной судороги черен,
Скупы бугров безбровых выгибы... Орду
Беся гримасой муки, немоты узду
Сорви, с подтекстом антропоидным в раздоре!

Но лучше ль трубки черных губ, ударов в грудь –
Дрожащих строчек тулички – о, как-нибудь
Суметь сказать, что только изгнаны из рая

Саванн доледниковых, плод запретный мы
Вкусили... Как расторгнуть вечный плен тюрьмы
Самих себя – эдема тела – это зная?

ВЕРУЮ

Я верую в Творца, пролившего в века
Мегалитического мрака рденье Розы.
Струящегося камня замерла река:
Менгирной грубостью окованной угрозы

Контрфорсы он сомкнул, и стрельчатая вязь
Колонн и арок, капителей и пилястр
Ликующим порывом духа ввысь – *ad astra* –
Узорами нервюр сплетаясь, унеслась.

Пусть, набухая хлябью хаоса, нависло
Всезвездное Ничто – в нем сфер услышав гул,
Свою вселенную, исполненную смысла,
Он твердью свода вдохновенною замкнул.

Я верую в слова гранитного хорала,
Ту летопись усталых рук и зорких глаз,
Что вырвала у косной тяжести экстаз
Протянутых на башнях в небеса фиалов.

И нефы гулкие Создателя восторг
С величьем сопрягли не набожной гордыни.
Бессмертье вечное из камня он исторг,
Язычески влюблен в земную плоть святыни.

Уходят боги, оставляя храмы... Что ж
Смущает нас в раю пластмассо-электронном
Дерзание того, кто в бездну небосклона
Сурово врезал гордой готики чертеж?

Он знал его – а мы все ищем наше Слово,
Дробя бульдозерами каменный напев
Немых веков, последним капищем готовы
Железного скота бетонный славить хлев.

И, нечестивец, я молюсь в огне витражей,
Сквозь кафедральную сапфировую тьму
Проливших рдение заката, одному –
Мгновенной, вечной красоте земных миражей.

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ КАБАКЕ

Путями скорбными бредя земного бытия,
Старался должное воздать свиной грудинке я.
Но, подлинная страсть моя, о пиво, только ты
Достойно верности одно, святыня из святынь!
О виски толковали мне: на спор не тратя сил,
Я улыбался и молчал. Я знал. Я пиво пил.

И тайно робкая мечта шептала мне: «Нельзя
Пить что придется. Верность – вот избранника стезя».

Томимый жаждою, искал я долго. Все черней,
Мелькали ночи в череде неутолимых дней.
Я позабыл родной очаг, и свой народ (и ту,
Что не могла меня простить), шагая в темноту,
Пока, очистившись душой от скверны зла, не смог
Дверей нащупать кабака во тьме моих дорог.

Поэт не праведник, и без особого труда
Грешить случалось мне с тех пор. Быть трезвым –
никогда.

Когда ж покинуть мне придется наши берега,
Топчась по облакам дурацким – это два шага –
Примечу вывеску «Конец Путей» и курс возьму
К ней, грузно и с изрядным дифферентом на корму.
С рукой, протянутой над стойкой мокрою, стоит
Всевышний бармен молча: там не подают в кредит.

И, по опилкам звезд в Последний, Голубой Кабак
Проковыляв, нашарю я души моей медяк.

ОТЧАСТИ АПОКАЛИПСИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА О ЗАДУМЧИВОМ ПОЛИСМЕНЕ

Мановением кротким и властным
Обезумевших людей и автомобилей
Хаос он усмиряет, бесстрастно
Возвышаясь один над Пикадилли.

Отделяя тьму от сияния зыбких
Миров, застенчивый полисмен и поэт
Уже провидел в Первой Ошибке
Залог бессчетных «Да будет свет!»

И, покорные вседержителю-бобби,
Кружась, рекламы над каской его
Пригоршнями светящейся дроби
Покорно сыплются в Ничего.

Там, над прибоем огней бесконечным,
Едва приметными знаками возмездья –
Он видит – ждут несимметричные созвездья,
Безуспешно рекламирующие вечность.

НЕ СЕГОДНЯ

Harmonices mundi органа
Расторгают готический мрак.
Кроваво зияет рана –
Рубиновой Розы знак.

Замирая под сводами, атеп
Сжимает надеждой сердца...
На могильный ложась камень,
Розовей, прилив багреца!

А впрочем, о грехах и каре
Не хуже всех других сутан
Мне шепчут саттонский викарий,
Святого Патрика декан.

И клойнский молится епископ
Звезд сонмам, бледным на заре
Души... Что ж, отпущене близко –
Из уст медонского кюре...

Напрасно Вседржитель-мельник
Рассыпал отруби планет.
Христос воскреснет понедельник:
Сегодня искупленья нет.

И лишь тебе во тьме Inferno
Нетленной Розы рдеет знак.
Ты не умрешь. Ты знаешь, как,
Поэт: мечта лишь достоверна.

Пламенеющей готики камень
Холоден – и – прав:
Каждый сгниет в яме,
Жизнь жизнью поправ.

На судороги объятий
И оргазмы агоний ты
Смотри из пустоты,
Sub speciae aeternitatis.

Господь – неторопливый мельник,
И кротких зерен-звезд ответ
Всегда один: сегодня – нет:
Христос воскреснет в понедельник.

1. МОЛЧА

О эта россыпь желтых звезд,
На грудь пролившаяся ночи...
Путь к исцелению не прост,
И, верно, есть пути короче,

Но посмотри из этой тьмы,
Пронизанной тоской цикады,
Как тают в синеве холмы,
Огней трепещут мириады.

Нагая ночь изнемогла,
И чаша желтых звезд пролита
Между грудей холмов... И мгла
Молчит о милосердье скрытом.

2. ШЕПОТОМ

В понтификальной тишине
Бетонной готики угрюмой,
Забытый Господом на дне
Вселенского пустого трюма,

И светлые одежды дня,
И траур вдовствующей ночи
С привычной горечью кляня,
Знай – пусть клинок тоски отточен.

Пусть, вытоптанная, мертва
Земля в объятиях металла –
И все же, звездной тьме не мало
Шепнуть мгновенные слова!

3. ВПОЛГОЛОСА

Не подагрическая вечность,
Губами впалыми жуя,
В путях рассыпавшихся млечных
Исчислит счастье бытия;

Не безнадежно мимолетный,
Короткий безнадежно миг,
Когда с покорностью животной
Ты к плоти тлеющей приник.

Нет. Ничего не отвергая
(Всё – истина, она – во всем),
Следи – и в хаосе слепом
Пылинка вспыхнет золотая.

СТАРАЯ КНИГА

Неуловимо властный аромат,
Столетья желтизны, живой, как тленье...
Немой латыни россыпью разъят
На строки труп какого вдохновенья?

Пергамента мерцањем восковым
Не все сбережены обрывки карты? –
Мани, заставка пышная главы,
Вглубь Эльдорадо ветхого in-quarto!

Над томиком забывший яви бред,
Любующийся этой вот гравюрай,
Паж, кондотьер, прелат или поэт,
Мне улыбнись улыбкою авгура,

Стань мною на мгновенье, сквозь века
Окованных легенд скользнув, – что проще?
Шуршат страницы хрупкие в руках –
Бессмертия всеведущие мозги.

Конь Вехелей, Мануциев дельфин,
Плантена циркуль и лоза Этьеннов...
Шепчу “non solus” якорям альдин,
Орлам ли Эльзевиров несравненных.

Века, века достоинство храня,
Бедняжка-книга знала, что недаром
Мечтой наивной о приходе дня
Пролита, капля в Mare Tenebrarum.

И, тишину красноречиво для,
Сафьян лаская переплетов редких,
Я верю, что на тронутых полях
Мышей глубокомысленны пометки.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Эпохи приговор – к стене.
Поэзия, аристократка,
Спокойно улыбнуться мне
Успей перед командой краткой.

Они расстреливали нас
Недаром в каждой подворотне,
Привычно щурясь. Вот. Сейчас.
Твоя улыбка все бесплотней...

В совдеповских декретов жуть,
Карболки, лозунгов, портянок
Входила ты – свинцом ли в грудь,
Свинцом рассыпанных ли гранок.

Как –зывающе смела,
Неуловимо осторожна –
Ты в безнадежности была
Подтекстом всех ночей острожных!
И – не оглушены пальбой,
Ни агитгрохотом, ни визгом
Гармошек шалых – мы с тобой –
Над ежечасной бездной риска.

Бывало – я тебя терял...
Гудки ночные полустанков...
Теплушек лязг. Чужой вокзал.
Мелькает рваная ушанка

Твоя – и снова вместе мы.
Судьба, нас разлучить посмей-ка,
Хоть голодны объятья тьмы
И вшива жизни телогрейка.

Тобой я бредил невпопад,
Не зная матерщины смака,
Шепча за строчкой строчку в смрад
Сыпнотифозного барака.

Скудны пайки – но горстью рифм
Со мной делилась ты, последней
Строокою, выведенной вкривь
В заветной тьме всезвездных бредней,

И нас вовек не удавить
Всеобщей жвачкой наробраза,
Державная остынет прыть
Баландой тухлою указов.

Рабсмыков, раппов, эс-эс-пе
Гвалт, пролеткультовских ли спевок
Мычанье, визг народных девок –
Со мной твой шепот был в толпе.

Чугунна ль поступь солдатни,
Нестроен ли галдеж подонков –
Одни с тобою мы, одни,
В руке – руки пожатье тонкой.

Что ж. Черни – рабское приволье,
Мне – мука тайнописи снов,
Тебе – души моей подполье:
Эпохи приговор таков.

И в смутной тьме вселенной зыбкой,
В ночи моих всезвездных бредней
Твое молчанье все победней
И все таинственней улыбка.

Так дай же мне увидеть снова
В кольце тюремного двора
Твой тайный знак – «не умирай» –
Над строем вскинутых винтовок.

«CREDO IN UNUM DEUM»

В Начале было Слово, и оно
Гремело в тьме раскатами органа,
И пролилось на гробовое дно
Отчаянья – сиянием багряным,
Пресуществленья рдеющим вином.

Круши мерцанье мрамора нагого –
Творец со всеми лжебогами схож.
Развей в молчанье капища супровом
Остывший пепел манускриптов – ложь
Все, в чем Творенья не звучало Слово.

Нет больше ночи – только душ и губ
Вселенское слияние... Так что же –
Тебя в своих объятиях на ложе
Еще сжимает, коченея, труп?

Когда же Вседержителя виня
В том, что сиянье звездное бездонно
И тупо тяжела ухмылка дня,
Простонешь напоследок исступленно:
«Господь, зачем оставил Ты меня?» -

Не будет в корчах и проклятьях прока:
Бог – это ты. Но только прахом стал,
Лишь падалью в конце земного срока
Не знавший Слова истины жестокой,
Кому была земная тьма пуста.

DEUS FACTUS SUM

Благодарю Тебя, Господь:
Познав Твое благословенье,
Всех воплещений сбросив плоть,
Тобою стал венец творенья!

В тьме сонмы солнц зажгу я – Бог,
Чтоб в свой черед по книге звездной
И мой Адам учиться грозной
Науке созиданья смог.

Мерцанием праха бездонным
Рождена, засияла звезда...
Не помня об этом, смущенно
Шепни мне, шепни – «да».

Вечность нетороплива:
Живая подернула слизь
Праокеанов заливы,
Чтобы губы слились.

В земле черепки империй,
Узор гороскопов стерт,
Осядет на дно реторт
Зола, наслойвшись в пещере,

И – гробница пуста...
Но было в начале Слово,
Чтобы твоя нагота
В тьме белела бредовой

Во веки веков – до утра...
Когда же горсткою тлена
В черный провал вселенной
Солнц осыпется прах,

Вновь из пепла угасших
Миров родится звезда,
Чтобы познали наши
Губы новое «навсегда».

Твержу с суворостью нежной
Бытию свой обет...

В круге встреч неизбежных
Что же тебя нет?

КЛЯТВА

Свистящей клянись травой,
Ветрами холмов зеленых –
Бился о камни прибой,
Кипя у подножья трона.

Тьмой трюмного чрева,
Кандалами раба,
Милостью Королевы,
Чье имя – Судьба,

Вельда костью клянись,
Готики мраком колонным
И взметенною ввысь
Пеной хляби бездонной,

Не штилем клянись, но
Валами столетий, идущих
В ночь. Ныне и присно
И во веки веков грядущих

Помилуй, Господи, нас,
Кто народы и страны
Жезлом железным пас,
Раз в Море Туманов

За Кругом Летучих Рыб
Венчал Океан бессонный
Холодную Мэм-саиб
Брызг алмазной короной,

Чтобы до Дня Гнева
Плыли во мгле дорог
Мерцаньем звездного сева
Лев и Единорог.

Кости вельда белы,
И оплели лианы
Камни столиц былых...
В усмешках богов странных

Я читаю: права
Вечность, хоть непреклонны
Единорога и Льва
Знаки во тьме бездонной.

ДОБРО

Толпы не слыша бормотанья,
Ни визга бешеных колес,
В себе благословенье знанья
Как зачарованный я нес.

И беззащитен – словно ветки
Едва расцветшой белизна,
Дрожь крыльев за ударом метким –
Я ничего не мог. Я знал.

Знал, что колеблемый во мраке
Минойском помнит огонек,
Что вечного базальта знаки
Таят в узоре стертых строк.

Я знал, что суждено разбиться
Скрижалим, данным на горе,
Чтоб снова с царской колесницы
Я плоть гниющую узрел;

Знал – дочери тетрарха губы
Вопьются в мертвые уста
Мои, и спор услышу грубый
Солдат у моего креста.

Знал, что над скрюченным металлом
Земля сомкнется, как вода,
Что охру вновь с медвежьим салом
Я тайно разотру тогда

И поползу от бормотанья
Толпы косматой у костра,
Неся благословенье знанья
В себе, забывшем о вчера.

И снова в довременном мраке
На черный закопченный свод
Рука, не дрогнув, нанесет
Бессильного всезнанья знаки.

ЭТА СТРАНА

По ту сторону слез и смеха
Мне и вам не помочь...
Но – звездной не к спеху
Королеве по имени Ночь.

Что за Столбами Мелькарта
Вспомнится новым просторам
О невнатаце Magna Charta,
Руинах Mater Parlamentorum?

Когда листы догосят
Кодекса Эдды Бринйольфа,
Мы вырастим ямс и батат
На лужайках для гольфа...

Но, что рухнуло – вечно,
Что разграблено, сожжено,
В землю ушло – бесконечно,
Если в тебе оно.

И бессмертный поет
Стих, что истлел пергамент,
Арок стрельчатых взлет –
Что рассыпался камень...

Пусть возвращаться поздно
И черен Океан,
Веди на Запад грозный
Свою ладью, о Бран!

Туда по белым гравам
Коней морских наш путь,
Где Острова Счастливых
Всплынут когда-нибудь,

Где весть мою о чуде –
В ночи забвенья нить
Оборванную – будет
Прапамять саг хранить...

На ветке орешника череп
Конский белеет вновь...
И проносятся Фреки и Гери –
Волки Одина, - чуя кровь.

Но в сиянии псином
Погребенного Зодиака,
Молний вспышкой мгновенной
Выхвачена из мрака

Нововековья, со дна
Отступившего Моря Гнева
Встанет Эта Страна...
Ночь, Звездная Королева,

В знаках твоих узоров –
Вечности новой глава...
Права или не права –
Моя Страна! И в просторах

Послеатомных ржавых
Марсианских пустынь
Да будет Ее слава
Во веки веков. Аминь.

ПОЭЗИЯ. XX ВЕК.

Окоченела ночь глухая
В объятьях тишины слепой.
Нас не погонят на убой
До самого утра. Внимая

Шагам охранников, таи
Среди других приговоренных
Благословенье тьмы бессонной –
Стихи последние твои.

Будь, палача рука, тверда:
Я б завтра в яме не хотел
Еще шептать, шептать, когда
Уже остынет груда тел.

ОБЛАДАНИЕ

Дней безнадежны пути,
Безнадежны ночи разлук.
Обрети, обрети
Робость дрогнувших рук.

Предан будь навсегда
Ей. Предан ею будь.
Неизбежного жди – в годах.
Сегодня. Когда-нибудь.

Навсегда уберечь
С нею – чужой, твоей –
Нежность несбыточных встреч,
Расставаний горечь сумей,

Ничего, что немножко
Она колдунья – познай
Как под медной застежкой
Таинственна желтизна
Чуть шершавой бумаги...
Тех – прежних – легка
До звонкости – властью магий
Пережившая, шла в века,

Раз обряд узнаванья
Суждено было свершить
И тебе обрести в слиянье
С ней бессмертье души,

Чтобы завтра другой
Упоенно познал,
Лаская тугой переплет,
Как таинственна желтизна

Страниц... Встреч и смертей
Исповедимы пути:

Бессмертной возлюбленной к тем –
Другим – суждено идти.

Ожиданья пытка остра,
Радость свершенья – не столь.
Светла мука утрат.
И в обладании – боль.

ИЗ ЦИКЛА «ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ»

В Начале было: тьма
Недетской боли вняв,
Столетние тома
Раскрыла для меня,

Чтоб на ладони жил
Тех теплых литер след,
Что в руку мне вложил
В своей печатне дед.

Тогда, познав – конца
Мечты просторам нет, –
Не в книгах ли отца
Открыл я Новый Свет?

И, веяние крыл
В дозвездной слыша тьме,
Прочесть письмен миры
Горящие посмел,

И Ангел тайных слез
В запечатленном сне
Поправших смерть принес
Весть ниоткуда мне.

Смотрел, я не дыша –
О слепоты века! –
А мирозданья шар
Мерцал в его руках...

Что ж. В пурпур, и багрец,
И золото одень
Пустыню, наконец,
Творенья первый день!

НОКТЮРН – 1

Безопаснейшее убежище,
Глубочайшая в мире пора –
Натянуть одеяло. Где ж еще
Мне уцелеть до утра?

Смолкает города грохот,
Голосов затихает гул.
Как, убийца-эпоха,
Уйти от тебя смогу?

Скорчившись, незаметно
Дышу. Только не сметь
Слышать, как в предрассветный
Переулок вползает смерть.

НОКТЮРН – 2

Под сводами мрака
Лежу, раздавленный тьмой...
Знаки Скорпиона и Рака
Остановлены надо мной.

Не суждено разъять
Было хватки удушья,
Некого было звать
«Спасите паши души».

Когда же, к утру
Новых истин бесспорных,
Дотлеет и мой труп –
Дырам глазниц черных

Будет дано взглянуть
Из придорожного праха
На ваш – по костям – путь
Без гнева и страха.

ХОТИ БЫ

Милосердием тишины
Заживо погребенному
Даны – последние стопы,
Забытия сны.

А в бараке зловонном –
Выкристов хриплый гам.
Посмей не выдавать сам
Что-либо казенное.
В круге посмей глаз,
Шарящих напряженно,
Славя привычно «зону»,
Запнуться хоть раз.

Что ж. Среди миллионов
Всех на одно лицо
Верноподданных мертвцевов
Будь заживо погребенным.

ИЗ КНИГИ ЗАПОВЕДЕЙ

В кишение безысходной злобы
Хранимый смутною мечтой,
Я с детства не был им подобен,
Хотя не знал еще, за что.

За склепанной навек решеткой
Из муки нерожденных слов
Еще недоуменно, кротко,
Но отчуждение росло.

И, под мычание и стоны
Зловонной тьмы, тогда – давно –
Мне ужас немоты врожденной
Расторгнуть было суждено.

Тогда – беглец – еще не зная,
Как бездна бытия грозна,
В сиянье звездном над Сиаем
В ночь откровения познал

Я шепот Господа суровый,
И мне в сияющей ночи,
Мне повелел Он: «Внемли Слову,
Избраннык, внемли и – молчи.

Один во мраке – близ вершины
Твоей да не пасется скот –
Знай, горечью дыша полынной:
Не будет больше ал восход».

И, вторить шепоту, что света
Не будет, я, тогда – давно –
Осмелившийся, помню: это
Вовек не будет прощено.

Почто, о Господи, жестокий
Удел молчать – мне одному
Внимающему дня пророкам
И стад мычанию во тьму?

«БЛАГОВЕЩЕНИЕ» БОТТИЧЕЛЛИ

Закат угас, алея,
И навсегда легла
На камни Галилеи
Беззвездной ночи мгла.

Напрасно на пороге
Ждать: меркнут, далеки,
Светильников немногих
Последних огоньки.

Тьма. Бубнов гул. Дрожит
Земля, и тянет тленьем
От жертвоприношений
На алтарях чужих,

Но – веяние крыльев
Беззвучное, как сон:
То ангел с ветвью лилий,
Коленопреклонен.

И пурпуром Уффици
Мерцает мрамор плит.
Со вздохом шепот слит,
Что суждено родиться

Мне. Был немым пророк,
Но плод во чреве мрака
Зашевелился в срока,
Не изнеможет яко

У Бога всяк глагол...
В ночь проблесков багровых
От алтарей врагов
Ты воплотилось, Слово!

Был шепот вздоха тише,
И лилии белы.
На дне беззвездной мглы,
Избраннык, я услышал

Того, кто послан бысть,
Чтоб спела о проклятье
Прозренья всех распятий
Мне Флорентийца кисть.

Затих зловонный обезьянник,
Погашены все фонари.
Что ж, в предвкушенье истязанья
Очередного дня, замри

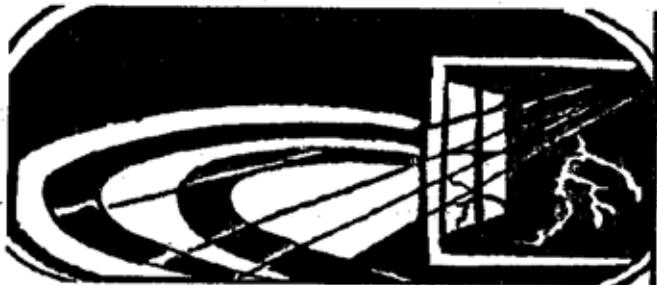
Ты, скорчившийся у решетки,
И, вздрагивая, слушай тьму.
За ночи тишиной короткой
Не ждать пощады никому.

Тогда замечешься, и будет
Укус ложиться на укус...
Познай в рассвета божьем чуде
Железных прутьев ржавый вкус.

Но – верь и жди! – со светом вместе
В царапанья и визга ад
Сойдет к тебе для высшей вести
Твой больший милосердный брат.

Рванись к нему, прильни к халату
И строй гримасы, оробев,
Звереныш маленький, мохнатый:
Да, Он возьмет тебя к Себе –

В станочек бережно уложит,
Что был не так уж долго пуст,
И ты услышать сможешь тоже
Своих костей научный хруст.

ИЗ ЦИКЛА

DE MAGNO LAPIDE SAPIENTUM

Что ж, фея-крестница, ко мне ты не спешила...
И рано я привык не верить в чудеса.
Без шепота дриад в листве – мертвы леса,
И пустотой над ними синева застыла.

Внимаю с отвращеньем вздохам «О как мило!»
В спектакле, где свое на нитке отплясав,
Сыграем в ящик мы, когда блеснет коса
Между Харибою – вчера и завтра – Сциллой.

Со скучой равной пантомимы ли, обедни
Жду завершения – что мне земные бредни,
Когда зазвездный холод сердце оковал,

И, тайно возгордясь бесстрастием всезнанья,
Посмел на атомы разъять я мирозданье,
А Книгу Бытия – на старые слова.

Бессмертно Слова бытие. Хотя бы стер
Мрак строки Книги Царств – я буду жить
в последней.

О том, что нет столицы, стоящей обедни,
Истлевших и сожженных книг мне шепчет хор.

Нет, не умру – в твоих же детях – до тех пор,
Пока алхимии земной сплавляет бредни
О Камне Мудрости – минувших, новых, средних
Веков – пылающего Солнца атанор,

Пока те – с дальних звезд – которые, быть может,
Над тем, чем станем мы, когда-нибудь пройдут,
Уместным не сочтут упомянуть без дрожки

В беседе о палео-мезо-кайнозое,
Что черепа умолявших сапиенсов тут
Покоятся в золы красноречивом слое.

ИЗ КНИГИ ПРОРОКОВ

1
Под юной синевою дня
Нет ни надгробия, ни гроба,
Глядит он будто сквозь меня –
Беспомощно и крутолобо.

Костей ли жалок недобор,
Свод черепа ли жутко мошен,
Глазниц бездонно черен взор –
Нет ничего на свете проще!

Что нам гнев твоих пенных валов, Посейдон! –
В Океане Забвенья рассеян,
В бездне Хроноса, смутном Ничто погребен
Флот ахеян прожорливой хлябью времен...
Но, по воле поэта для вечности сон,
Он плывет – корабль Одиссея!

Что же – следуй за шелестом паруса вплоть
До руин гиссарлыкского тлена –
Возложить на любимой бессмертную плоть
Ожерелье Прекрасной Елены.

2
Был Александр. И Цезарь. Был
Ты. Я. Шут королевский. Вот он –
«Отвисла челюсть»... Нет, в судьбы
Любой конце – туое что-то.

Не издевательски ли прост
Оскал – вот этот? Где вы, зори?
И вязь таинственная звезд
Над рокотом зовущим моря?

Так строятся Трои всего лишь чтоб лирам
Века петь о гибели их?
Так мне из пустынь и темниц буйству мира
Недолгого весть, что уже и секира
Положена нами при корени мира,
Нести? Нем всезнания стих.

Что, дрожью ответить спеша онемелой,
Укусам губ жадных, мертвa, -
Ты четверовластника дщери сумела
Пророка шепнуть голова?

3

Слиянье губ, и шепот книг,
Сокровища и откровенья
Миров, миров, миров... Постиг
Едва значение значенья

Я проблеска во тьме – за что
Мне так отмеренного скupo? –
Чтобы все сгнило в яме с трупом
В конце – не скотски ли простом?

Латыни золото – твое бессмертье, Рим.
Но не восходит жрец с безмолвною весталкой
На мертвый Капитолий. Мир неповторим.
И мы, зелено-голубой стирая грим
С лица Земли, такое с нею сотворим
Своим железом... К тем скользя, что с орехалком...

Что ж. В бесконечности, не знающей добра
Ни зла, очередной финал не будет горек.
Вот, мимоходом череп голый подобрав
Планеты нашей, кто промолвит: «Бедный Йорик...»?

ПОЗНАНИЕ

Разбегающихся вселенных
Засеребрилась пыль,
Чтобы слеплен из тлена
Был я слепым

И в глубине мрака
Веками веков мог
Звездных не знать знаков
Жизни жадный цветок,

Пока – пусть бренней
Былых возвращений зла –
Вечность в моем прозренье
Себя не обрела.

Улыбаясь случайной
Песчинке земной,
Себе же дивясь тайно,
Она становилась мной,

Чтобы столетий столетья
Сквозь воплощений блуд
Мечту о бессмертье
Нес я на Страшный Суд,

Зная заранее –
Последним было «прости»
И в других мирозданьях
Себя не обрести.

Снова в «земли забвенней»
Познана правда Твоя,
И я
Обречен смертной сени.

Веками веков мог
Звездных чисел не знать я
Пока прозрений проклятью
Себя не обрек

За всех – в сокровенном
Коде конца концов
Сближающихся вселенных –
Грядущих слепцов.

В запекшейся крови закатов –
Руины вечных городов,
Но, выкормлен волчицей, брата
Будь поразить мечом готов

У новых стен, чтобы нагая
Сабинянка твоя к утру,
В объятиях изнемогая,
В кольце смирилась властных рук.

Еще ты диктовал вселенной
Надменно с Форума судьбу,
Но тайной тайн запечатленной
Папирус, найденный в гробу,

Был, и чистилищем прозрений
К всевышней вечности стремясь,
Дерзнул тогда ты, персти бренной,
Презрев земной Субуры грязь,

Забыть, над свитками пустыни
Клоняясь доксографом седым,
Что в цизальпинском небе синем –
Становищ лангобардских дым.

Рабом-софистом в римском доме
Всех истин глубину измерь
И, ничему не веря, кроме
Того, что копошится червь

Сомненья в каждой, знай – неверно
Все в мире преходящей лжи.
Одно лишь благо: стать чужим
Мельканию теней Inferno

Забыв, что выкормлен волчицей,
Не подними на брата меч,
Чтобы развалины столицы
Тысячелетней тьме обречь.

Почернеет, свернувшись, пергамент,
Угаснут один за другим
Огоньки во всезвездном храме,
И смолкнет последний гимн
Под сводом последним «атен».

Так ты молись, молись, молись,
И узрит, может быть, Господь
Взывающую к духу плоть,
Взглянув не без презренья вниз.

ИЗ ЦИКЛА

PEREAT

Спеши, двадцатый век, спеши
Плодить ублюдков миллиарды,
Чтобы твои не знали барды
Глубин таинственной тиши

И стал мазутно черен, черен,
Как весь мото-мех-рабский мир,
Кристального когда-то моря
Элеатический сапфир.

Над золотым песком залива
Мерцая, голубел простор...
О нет, неведенья счастливых
С тех самых не было мне пор,

Как парус диоскуров к этим
Скользнул безмолвным берегам –
Или в гекзаметры слагал
Не я прибойный гул столетий? –

И грезился наедине
С мерцаньем голубым простора
На занесенном илом дне
Забвенья – погребенный город.

Чернеет дымный небосвод,
И ждать напрасно из Милета
Триер... Страбон и Геродот
Не помнят имени поэта,

Умолкли голоса племен,
А все на берегу чужбины
Мне вспоминается, как сои,
Давно ушедшее в глубины:

Жрецы клялись, вели вожди,
Оракулы вещали.. Что же
Один лишь я таил в груди
Предчувствие последней дрожи

Земли, ползущей в тьму, ко дну
Времен, богов провидя кару
С тех пор, как диоскуров парус
У этих берегов мелькнул?

Сорной травой забвенья
Заросли миллионы могил,
Цепей тяжелы звенья,
В камере – ни зги,

И за глухой решеткой
В узком как щель окне
Знаки звездные четко
Гибель рисуют мне.

К пожизненному молчанию
Эпохой приговорен,
С усмешкою отмечаю
Откровенья времен –

Возвращенье рожденных
Тьмою звезд на круги
Свои – в ночи миллионов
Засыпанных наспех могил,

В ночи алтарей оскверненных,
Разграбленных чернью дворцов...
Ведь не сомкнись в бездонной
Тьме зодиака кольцо –

Как над гулом бессонным
Земли и Понта могли б
Пути планет неуклонно
Скользить в Созвездие Рыб?

Прерванной усмехнись же
Строче Платона в ночи
Шагов, звучащих все ближе
(Стражники? Палачи?).

В своем торжестве убогом,
Варвары и рабы,
Чему они внять могут
В звездной книге судьбы,

Когда под мертвенным оком
Пса – влекутся миры
Трех планет из глубокой
Тьмы в Созвездие Рыб?

Уже Плеяды – Атлантиды
Встают, но жатвы помня срок,
На тихо меркнущий восток
Смотрю без страха и обиды.

Раз морю молкнуть суждено
И снова закипать – в руинах,
Ползущих медленно на дно
Веков, и резко пахнуть тиной

И солью, и вернуться мне
(Сатурн, скользи же в Дом неволи)
Вновь будет суждено для боли
Прозрений в чьем-то смутном сне, -

Чужой пропамяти глубинам
Прольюсь – дорожек звездных свет, -
И для тебя всплынет, поэт,
Твой Себастополис – в руинах.

Плоди, двадцатый век, плоди
Ублюдков новых миллиарды.
Провидение кары барды
Твои да не таят в груди,

Но если в эту глубину
Колеблющейся тьмы зеленой
Всмотрюсь – не в свой ли изумленный
Я взор из-под воды взгляну?

Жизнь трепетала только миг,
На грани мрака чайкой рея,
И звездной вечности постиг
Я шепот медленный: «Pereat...»

Вечна, не знаю, вечность эта
Или другая; в лоно вод
Мы канули, или уйдет
Еще земля царя Эета,

Но в небе Диоскуриады
Угаснет млечности прибой
И снова встанут надо мной
Не раз осенние Плеяды.

СОНЕТ ХРОМОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА

Итак – Судьбы ударам без надежды сдачи
Дать – обречен ты, ибо торжествует рок;
Унижен в мире этом каждый, кто высок,
И властвуют подонки всем – тобой тем паче.

И рано или поздно, так или иначе
Всего, что стоило любить, уходит срок.
Пусть горсти стиснуты – все льется, как песок
Сквозь пальцы и течет – в ничто. К чертям собачьим.

Так вот, усвоив твердо раз и навсегда
Все это (и что завтра сгинешь без следа),
Без лишней суэты – ведь вопли и стенанья

Напрасны – пусть скулит какой-нибудь плебей –
Величье Зла достойно оценить сумей:
Сколь дивно все несовершенство мирозданья!

NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS

Наследник мудрости веков
Уже таинственной Эллады,
Раб и философ, я готов
Ждать мне даруемой награды –

Объедков со стола господ...
Но, горько в даль многоколонной
Померкшей вечности влюбленный,
Все слышу топот легионов

За синевой священных вод.
Увы – напрасно я когда-то
Ступить без возмущенных слов
На чертежи моих кругов
Позволил римскому солдату.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Была пустыня, как тогда –
У Вифсаиды – и вершина,
Как та. «Лица виденье ино»,
Одежд блистание в годах

Сkitаний – помни! Полуголый,
По выжженной земле босым
Бредущий, слышишь вечный голос,
Глаголющий: «Сей есть Мой сын»?

О нет, в селеньях Кесарии
Не проповедуй, но, один
Тая пророчества в груди
О царском пурпуре зари и

Дня рабском рубище, влюблен
В мерцающую россыпь мрака,
Читай, что над песками в знаках
Судьбы рисует небосклон.

Нет, грезящий сияньем чистым
Своей звезды, своей тоски,
Не вторь словам евангелистов
Матфея, Марка и Луки:

Пока земного притяженья
Тьма осозаема в ночи,
О Таинстве Преображенья,
Как Иоанн, ты умолчи.

Случайно уцелевший к бойне,
В окоп оплывший не ползи.
Червивой падалью достойней,
Заманчивее стать – прекрасен
Удел героя, ты согласен?
Что ж, копошащийся в грязи,

Не знай: победа – пораженье,
Убитые – в нас, мертвцах.
Нет возвращениям конца,
И смысл кружения – круженье;

Не знай: залог триумфа – крах,
Не «благородней» доблесть страха,
И все, рожденное из праха,
Вернется неизбежно в прах.

Убитым будь или убей,
Зачни, возникни из зачатья –
Расторгнуть вечное проклятье
Незнанья не дано тебе.

Червивой падали прекрасен
Удел. Окоп так далеко.
Ура! Ты умереть согласен,
И будет что, по крайней мере,
В пустыне грудам черепков
Поведать о судьбе империй.

Напрасно корчиться на нарах:
От равенства ты не уйдешь,
И на заре над миром старым
Повиснет гильотины нож,

Чтоб, кровью брызгая, в корзину
Скатился с плахи шар земной.
Тверди, виновный и невинный:
«Нет, это будет не со мной», -

Гадать – что может быть глупее...
Спи до положенных шести,
Пока мы братство не сумеем
В могиле братской обрести.

Дыши покорно вонью общей,
Венец творенья, до утра,
Когда (убитые не ропщут,
И не они – палач их прав)

Истлеют мертвых миллионы
И будет новый день хорош,
И, корчась на тряпье зловонном,
Ты от свободы не уйдешь.

ОРФЕЙ

Все дальше с каждою победой
Нам от Свершенья быть дано.
Велевший никогда не ведал,
Ведун от века был бессилен...
Прикосновения гасили
Земную жизнь мгновенных снов.

Путей нет верных. Моему
Чужды незнанья постижение
Или божкам племен служенье
В угоду возлюбившим тьму.

Распни Христа или Пилата,
Но – «что есть истина?» Она
В реторте мудреца – одна,
Другая – под клинком солдата.

Слепец, постигни: ты – слепой;
Палач, - напрасно истязанье...
О нет, не сила и не знанье
Дарованное мне судьбой,

И пусть неотвратимо тленье:
Пока звучит хотя б одна
Строка, я властью вдохновенья
Веду – мне большего не надо –
Тень мертвой красоты со дна
Железного земного ада.

ОСТРОВ ГОЛОСОВ

Вздымались надо мной валы
И расступались подо мною.
Полны про валы были тьмою
И гребни пенные белы.

Носился остов корабля,
Влеком ветрами всех столетий,
Но, о Неведомом моля
Все берега, не мог я встретить,

Не мог найти я моего,
Один в просторе Океана,
Плывущих мимо островов
Пытаем ароматом пряным.

Была несбыточна мечта
О предопределенной встрече,
Всезвездна неба пустота
И путь – под знаками Креста,
Медведицы ли – бесконечен.

Тогда разверзлись подо мной
Валы, сомкнулись надо мною,
И выброшен ревущей тьмою
Был я на берег – не земной.

Ступая по пескам бесследным
И в призрачных бродя лесах,
Над зеркалами вод ли бледных,
В долинах душ – то был не бред, но –
Один, я слышал голоса.

Они шептались и звенели
Твердя – вокруг меня, во мне,
Что неосуществимы цели,
Но все сбывается – во сне.

То мертвых голосов бессмертью
Внять на последнем берегу
Дано мне было. Мог ли сметь я...
Теперь я смею. И могу.

Пусть тьма всезвездная пуста,
Владеть Несбыточным – возможно.
Но не под светом знаков ложных
Медведицы или Креста.

ПСАЛОМ СВОБОДЫ

1

Поток, чуть слышный в толще скал,
Грыз, не смиряясь, камни эти
И к воде выхода искал
Из гробовых тысячелетий.

За жизнью жизнь и я умел
Не быть покорным и безгласным,
Не зная в преисподней тьме,
Как неба синева прекрасна.

*Господь – мой Пастырь. Он меня,
Кто мимолетной персти бренней,
Ведет долиной смертной сени
Путями мрака – к свету дня.*

2

С глухим журчаньем чрево гор
Вода точила неустанно,
Чтобы пробиться на простор –
К бессмертной глади Иордана.

За ночью ночь, за пядью пядь
Долбя тюремной кладки глыбы,
И я таиться мог и ждать
Там, где другие не смогли бы.

*Господь – мой Пастырь. Он ведет
Из глубины теснин горной
Ущельем дикой бездны черной
Меня ко брегу тихих вод.*

3

Дождутся ли живой воды
В песках зиявшие веками
Гробниц ограбленных ряды,
Чтоб зеленел бесплодный камень –

Не зная, вопреки всему,
Что подминало и давило,
Один я в тьме не верил в тьму
И в общую не лег могилу.

*Господь, мой Пастырь, надо мной
Твой жезл, Твой посох! Зла отныне
Не убоюся: и в пустыне
Мне – злачных пажитей покой.*

4

Пуста пещера – черепки,
Клочки пергамента... И свиток
Молчит о том, как далеки
Пути к сокровищам зарытым.

Дымы кочевий. Скудных стад
Следы. Безвестные могилы.
Земли – Святой когда-то – клад
Здесь обрести дано мне было.

*Господь, мой Пастырь! Навсегда
Мрак безысходен? Я бесстрашен:
Ты, преисполнив жизни чашу,
В виду врагов ее мне дал.*

Так долго – за любой строки
Намеком – угадать напрасно
Пытался облик я неясный
Моей любви, моей тоски,

И мне твердил хор мертвецов
Со скрытых полумраком полок:
«Как путь к той, нет кого, ни долг –
Вернешься к нам в конце концов».

Все было, все: и явь, и бред,
Слова, и встречи, и дороги,
Безумье тел и губ ожоги.
Той не было, которой нет, –

Был в черной бездне пустоты
Чуть различим сквозь звездный шорох,
Твой шепот, медленно в просторы
Роняемый: «Где ты... Где ты...»

Умолк. И вновь хор мертвецов,
Сомкнув тома, из полумрака
Велит мне к беспощадным знакам
Всезнания склонить лицо.

НЕТ

...яко глас вод многих...
Иезек. I, 24.

Удар часов. Полтретьего? Шестого?
Не знаю. Ночь была и будет ночь.
И замер дух над бездною, и Слово
Мне не звучит из Хаоса. А впрочем –

На миг скорлупкой хрупкого рассудка
В стремнине над отвесом пустоты,
Над пеной, летящей в тьму, застыну
И рухну. И нестройный хор ублюдков

Привычно рабский возвестит рассвет,
Чтобы, киша, из логовищ зловонных
За миллионом полз бы миллион,
Край тьмы кипящей ближе... ближе... Нет:

Свободный дух, несущийся над пенной
Пучиною колеблемой, замрет,
И глас, подобный шуму многих вод,
Мне из дозвездной зазвучит вселенной!

КАМНИ

*Они не ведают, они не знают
Тех путей, какими я иду.*

Эмерсон, «Брама».

1

Вот каменная россыпь храма...
А гордый строй кариатид
В рассвета синеву летит,
Пронзая вечность так же прямо,

И за уступом ввысь уступ
Возносит мрамор непреклонный,
И выщербленные колонны
Поддерживают пустоту,

Чтобы последним из последних,
Легко запретное творя,
Шептал обрядов древних бредни
Я голой глыбе алтаря,

И ветерок бы пел негромко:
«Познай на ощупь, о познай,
Как мраморная белизна
Тепла... Теплей всего – в обломках».

2

С осыпи голой кручи
В пылающий небосклон,
В глубь синевы жгучей
Вонзена белизна колонн.

Рухнули стены целлы,
Умолкли жрецы и толпа,
Позабыта тропа,
К развалинам белым.

Ошибиться нельзя:
Это – фронтона плиты.
По рельефам разбитым
Ящерицы скользят.

Камни кровли. И небо,
О светоносный бог,
Чтобы ты быть мог
Где прежде – не был.

3

Прозрачной дымкою едва
Сапфир подернут небосвода,
А тень легла уже на воды
И гор померкла синева.

И черных кипарисов башни
Над смутным сумраком долин
Внимают поступи вчераших
Стад и мычанью из глубин.

Что ж. В медных отблесках заката
Земная мгла, мертвя до дна, –
Как гробовая пелена,
Полна смолистых ароматов.

Бальзам бессмертия, повей
Тьмой – многозвездною... пустою...
Над мраморною наготою,
Еще белеющей в траве.

4

Вновь долины былого
Погружены в тьму
И тайное снова
Не дано никому,

Но за кострами нищих
Пастухов – это там,
Выше хижин – отыщет,
Кто не забыл, - храм.

В руинах вслепую
Нащупаю древний ход,
Тот, что в земную
Святыню святынь ведет.

Как аррефоры,
Нечто неся в темноту,
Не узнаю, что обрету
Во мрака просторах.

OPUS MAGNUM

Смолк в тупике, удушен тьмой,
И хрюп – за топотом и визгом...
Сквозь щели ставня в сумрак мой
Давно заглядывает низко

Склоненное лицо лупы.
Пора, пора! Гудит, пылая,
Горн. Из багровой глубины
Реторты древней золотая

Всплывай, тоска, сияй, о бред
Столетий, чтобы тени грозно
Росли, метнулись вдруг... Осознан
Был миг стечения планет,

Исчисленный не нашей эре,
И на трущобном вспыхнул дне
В полночной тайной тишине –
Мечты Великий Магистерий.

Высь неба, глубина в тебе
Земли, единство всех вселенных,
О Слава Мира, ведь нетленной
Единой Вещи колыбель

Качало ветром над могилой
Гермеса: гробовое дно
Сатурново озарено
Пурпуром Аполлона было,

И блики бледные луны,
И алый отблеск атанора
Померкли – нестерпимый взорам
Свет воссиял из глубины.

То заклинаний мертвых жуть
Я в звездный претворил металл
Запретные смел распахнуть
Врата. Я посвященным стал.

Загнал в подполье век, лишил
Меня надежды. Сводов твердья
Разбил. Бессмертие души
Обрел – обрел творца бессмертье!

МУЖЕСТВО БЕЗ НАДЕЖДЫ

Мертвой была земля, -
Впрочем, кирпич и шлак
Не назовешь никак
Землею, - где, ужас для

Недетский, лепились дома
Закоулков трущобы
Теснее, теснее – чтобы
Замкнулась тюрьма.

Улицам детства длиться...
Над карнизом – карниз.
Не смотрят со стен вниз
Нечеловечьи лица.

За годами года
Погружались на дно.
Я знал одно:
Никогда. Никогда.

ИЗ ЦИКЛА «REMEMBER»

На берег брошен пенною волною,
Облеплен тиной, я к песку приник
И верил, что склонится надо мною
Прекраснокудрой Навзикаи лик,

Что в черной глубине зрачков царицы,
Ко мне прильнувшей, мой утонет взор,
И два тысячелетья будет сниться
Галер бегущих призрачный позор,

Что с колесницы, золотым Грифоном
Влекомой, в белизну облачена,
Остановившись надо мной, склоненным,
«Как ты посмел», - промолвит мне она.

И, чтобы той, которой нет, я бредил
Всегда, шепнул мне огнезарный дух,
Над книгою светясь, о смуглой леди
Сонетов – и, затрепетав, потух.

Пусть ужас голыми когтями
Мне молча разрывает грудь –
Под мертвцами в общей яме
Не смею дрогнуть, ни вздохнуть.

О, только бы не выдать стоном,
Что на могильном черном дне
Жизнь теплится еще во мне –
Отчизной недопогребенном.

САМОСОЖЖЕНИЕ

1

Без сожаленья думаю, что в прах,
В ничто вот это обратится тело.
Знать – «я» исчезнет – боль уже остра:
Не чувствовать, не мыслить... Но предела

Тоске суровой, безысходной нет,
Предела непереносимой муке,
Как вспомню, что исчезну в глубине
Тьмы и чужие прикоснутся руки

К страницам этим... Все огню предай –
И оскверненья избежишь за гробом.
Итак – не чувствуй. И не мысли. Чтобы
Исчезнуть из вселенной навсегда.

2

Что день, что век – настигает смерть,
Неутомимая в погоне,
Добычу – так сумей успеть
Скользя в беспамятство агоний,
Бесследное запечатлеть.

И шепотом тянуться робким
К лицу склоненному – чьему? –
Из хлама папки ли, коробки,
Небытия минуя тьму.

Я был – я был благим Творцом
Своей – неведомой – вселенной!
Вот – незнакомое лицо
Над выцветшой страницей тленной...

Криви с гелертерским презреньем
Сухие черви губ – не ты
(Пока), а я, добыча тленья,
Шепчу из темной пустоты,

Что лучше сгинуть навсегда,
Без орфографии старинной –
Чтоб не осталось ни следа
Наивности чужим глубинам,

Ни старомодных вздохов. Но –
Сломать волшебный жезл? А впрочем,
Я стал ведь прахом так давно,
Что больно не шептать – не очень
Из пустоты. Мне все равно.

3

Пусть мимолетною была
Моя вселенная. Немного –
И я – по-своему – был Богом,
Вплетя в Спираль добра и зла

Земной исчисленной орбиты,
Сияющий пронзившей мрак
Витки без счета – я был благ –
Планеты. Так и не открытой.

Мой мир. Он сгинет навсегда.
Не ведом никому, исчезнет.
В мерцании холодной бездны
Мигнет ли хоть одна звезда?

Но – если в тайных знаках неба
Дано не будет никому
Того, что кануло во тьму,
Прочесть – я был Творцом? Им не был?

ИЗ ЦИКЛА

ДЕЛЬФЫ

В бреду безумной девы мне сулил когда-то
Не знающий пощады светоносный бог
Скитанья вечные – и на его порог
Вновь суждено ступить, и горло спазмой сжато.

Лазурь и зной. Мерцанье мрамора в тиши
Полдневной. Поднимаюсь по камням – все целым –
В зияющий простор того, что было целлой,
И, ветвью мирта очищение свершив,

Вдыхая запах трав, под синевой глубокой
Жду отступленья темных, ненавистных сил,
Чудовищ сумрака, что я в себе носил
В веках без храмов, без поэтов и пророков.

Светоподатель, бог сияющего дня!
Как были одичанья призраки убоги...
О нет, не одолели черни скоты боги,
Ни демоны железа и огня меня!

Тому, что копотью костров сарматских было,
Шаманским бормотаньем тьмы осквернено,
Да будет воплощенье новое дано
За дикости тысячелетнею могилой,

И перед алтарем хиоссцев, где рабы
Переставали быть рабами, - в грозном чуде
Неотвратимости свободы, вновь да будет
Провидеть мне дано пути моей судьбы!

ЗВЕЗДНЫЙ НОКТЮРН

Весь день металось, хрюкая, оно
И, одержимо бесами, слепое,
Во мрак забытия низверглось с воем
И смолкло. Стадо тьмой погребено –

Отчалю же от берега чужого,
Пусть будут плеск и шорох в тишине
Воды бегущей, и, качаясь, мне
Таинственные звезды шепчут снова,

Что никогда не отыскать пути
По знакам неразгаданной вселенной
И что Исхода нет еще из плена
Веков, а мне – кружить, но не уйти,

Что буду плыть всю ночь я напролет
В сияние раскрытой книги звездной,
Но на рассвете – рано или поздно –
Вновь берег бесов надо мной всплывет.

Неведомого никому – не знать
И взглядам недоступного – не видеть...
О Господи! Я на Тебя в обиде,
Но миновала эта благодать

Меня. И солнца – в переливах пятен
Листвы – язык полунамеков прост,
И не смолкает ропот моря, внятен...
И беспощадным силлогизмам звезд,

Рисующих на темном своде склепа
Судьбу все непреклонней и ясней,
Среди гниющих счастливо и слепо
Внимаю между строк мгновенных дней.

И постигаю не без изумленья:
Когда-нибудь и я – Творец, Господь –
В своей вселенной покараю плоть
Последним даром бытия – прозреньем.

REQUIEM

1. REQUIEM AETERNAM

Дергается, хрипит экскаватор,
Выгребает, давясь вонючим
Дымом, ссыпает в кучи
То, что было нами когда-то.

Земля. Гнилые доски. И кости.
Свисли с зубьев железных
Волосы – длинные... Сбросьте!
Зацепились. Их забыть бесполезно

Пытаюсь в парке культуры
И ларьков с пивом – где было
Кладбище. А вот и фигуры
Архангелов – над ящиками с мылом

Или просто порожней тарой –
И византийский бессспорно
Купол, и «снабсбыт» на узорном
Камне, как мир старом.

Нет, ушедшие в землю плиты
В кустах, облепленных улитками,
И полыни горький дух не забыты
За детства заросшой калиткой,

Хотя, конечно, и надо
Вытаптывать все былое,
Где облуплена колоннада
Над вечным покоем,

И, дымом дыша вонючим,
На лозунге кумачовом
О счастье читать новом,
Кости сгребая в кучи.

2. DII TUI ISRAEL

Исход. XXXII. 4.

В небес не веря пустоту,
Ты проведешь, толпу смиряя,
Перед подножием Синая
Пастушьим посохом черту.

И там, в заоблачной выси,
Да станешь, плоть земная, - Словом.
Скрижали каменные снова
В долину сумрака неси,

С уступа на уступ сходи же
К едва приметным огонькам
Костров, мерцающих все ближе, -
Услышать вновь издалека

Гул голосов и топот пьяный...
Вот – свесив руки до земли,
Раскачиваясь, повели
Под синим сводом океана

Письмен горящих, к ним лица
Не обращая, танец Страха
Они – рожденные из праха –
Вокруг железного тельца.

Принесший с поднебесья людям
Скрижали, вновь их сокруши,
Весть затаив о звездном чуде
В горящих письменах души.

Рогами целясь в небосвод,
Расти теперь, телец железный:
Под знаками безмолвной бездны
Вести рабам свой хоровод.

3. CUM FERRO

Над мазутными океанами,
Теми – в шлаковых берегах, -
Огоньки небес неустанные
Движутся по кругам.

Давно металлопоклонники
Не оставив на всей земле
Ни одной травиночки тоненькой
И в научных восторгах млея,

Во взлете гения смелого
Провида рай миллионов –
Кашицы вкусной, хлорелловой
Парадиз железобетонный,

Аки обри – участь нередкая –
Погибоша – с миллионами вкупе,
Их же племени на мегатрупе
Планеты несть, ни наследка.

На песчаники и граниты
Мы – строители нового, бравого
Мира – наслоили на славу
Отложения ядовитые,

И над мертвыми континентами
Индустриальных отходов,
Над морями, неинтеллигентно
Воняющими сточными водами,

Пронзая былую твердь
Ненужными больше орбитами,
Все огоньки сателлитные
Сигнализируют: «Смерть».

4. АГОНИЯ

О том, что навсегда загажена
Былых небес голубизна,
Деревья черные не зная,
Все корчатся в дыму и саже.

Страну мечты не отвергай,
Где обернулись былью сказки:
Вот – реки топлива и смазки
Текут в цементных берегах,

Чтоб с ревом торжества неслась,
Железом грохая, лавина
И ты бы гарью мог бензиновой
Дышать до одуренья – всласть.

Что ж. Изуверский век позоря,
Отныне чайка не взлетит,
Топыря липкие культи
Над нефтяною гладью моря:

До дна осквернены моря,
Победно вытоптана суша...
Последних вздохов гул смиряя,
Земли агонизирай туша.

5. ВЕРЬ

Глобально или планетарно –
Не все равно ли, - но творя
Прекрасный новый мир, не зря
Они сливаются попарно,

До Глада, Мора и Меча
Спеша с усердием, любовью,
Вновь увеличить поголовье,
Прилежно лапками суча.

Так лучезарные вершины
Над морем спин, плеч и голов –
Подпрыгивая – не готов
Ты эры углядеть машинной?

За равенства и братства честь
Скотов благодаря премного,
Шагай в грязи со стадом в ногу,
Зачем – неважно: лишь бы вместе.

Верь: лжи материковый лед
Отступит. Кто-то непременно
В тоннелях метрополитенов
Рисунки мамонтов найдет.

6. ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ

Под грохот марша идиотов
Усердно разеваю рот:
Прислушивается ведь кто-то,
Пою ли я «Вперед! Вперед!»

В шеренге энной, нумерован
И в госреестры занесен,
Плачь, вспоминая свой Сион,
Ни дрожью, ни единственным словом

Не смея выдать – по пути
В ничто – всеведущим собратьям,
Что редким награжден проклятьем –
В себе прекрасное нести.

Таи, таи, последний в стаде,
Святыню горечи твоей...
Послушно под землею тлеют
Из строя выбывшие, ради

Того, чтоб с песней мог шагать
По их могилам – ты ли, кто-то
Другой – вперед, а после вспять
Под грохот марша идиотов.

7. ОДИН ИЗ МНОЖЕСТВА

Под кособокими крестами
Посмевший разобрать вчера
В надгробной вязи, что пора
Близка упокоенья в яме,

Ты вздоха подавить в груди
Не смог? Так будешь в общей клетке,
За тухлые дерясь объедки,
Научен счастью, погоди.

От океана к океану
Степями, тундрой и тайгой
Предзонник тянется, дугой
Планету оцепляя, данную

Тебе – из множества миров
Одну – и в нем, за вышек строем
Тесовых, женщины – конвою,
А мы – копать могильный ров.

Итак, согнувшись – ниже, ниже! –
Чтоб не трудиться палачу,
Дерьмо замерзшее, мочу
Заледенелую – долби же!

8. УМОЛКШИЕ

Над миллионами убитых
Не воздвигали мавзолеев.
Кто знает, где их трупы тлеют,
И если оседают плиты

Великих строек, мертв канал,
Асфальт ли вспучен под ногами –
Ведь Голоса умолкли в гаме
Подонков, чтобы ты узнал

Все о пути к вершинам новым
По сдавленным землей костям,
Что мертвый или узник нам
Об этом рассказать готовы.

Ведь на порубок пустырях,
В рек, выпитых до дна, карьерах
Мы дышим копотью и серой
Печей пылающих не зря –

И мертвые нас не осудят
Под этим сводом дымной мглы
За то, что никогда не будет
Голубизны небес былых.

9. ...ERAT INVOLUTUS LIBER...

Иезек. II, 9.

Это было – этого не было
Суждено мне – от века, отныне –
Пути и судьбы читать в пустыне
По развернутому свитку неба.

Там, где вытоптано былое
Расплодившимися подонками
Над вечным – увы, непокоем
Тех – кое-как забросанных тонким

Слоем их же земли – там было
Всегда упорное, смутное, странное
Ожидание – не того, что белилами
По красному – нет; из океана

Немоты, вспененного кровью,
И Земли, изувеченной сталью,
Былое – я знал – встанет,
С вестью, как мир, новой –

О любви: что па трупе планеты,
Изъеденном ископаемыми червями
Метрополитенов, покоятся где-то
Не сожженные, уцелевшие, самые

Последние книги, в гробницах
Веков ожидавшие встречи
Со мной, - узнать меня, мне открыться,
Мне отдаться, учить меня вечному

Сиянию звездных знаков
Шепотом строк нетленных,
Судьбам учить вселенных
По горящим мирам Зодиака.

10. ...VENI FORAS...

Иоанн. XI, 43.

Был день. И пламенел закат.
И – над Вифанией темнеет...
Так пусть рыдают иудеи,
А мертвые в могилах спят.

Земля – рожденное землей,
И дух – рожденное от Духа.
Да не коснется Голос слуха
Того, кто тьмою гробовой

Объят: не пользует нимало
Плоть, лишь глагол животворит;
Пещера черная зияла
Недолго – в ней уже смердит.

Аминь, аминь: вместивший слово
Мое бессмертен, вечен он.
Не воззову я: «Лазарь, вон!» -
Чтобы из тьмы, покорен зову,

Тот – в погребальных пеленах –
Встал. Человеческого сына
Удел, удел скота едины:
Прах должен возвратиться в прах.

Но будет вечности веками
В пустыне длиться суждено,
Чтоб отвалили этот камень,
Ступили на пещеры дно.

Тогда – пусть Мертвым стало море
И навсегда Земля мертва –
Из праха зазвучат Слова,
Одни с могильной тьмою споря.

11. ET RESURREXIT

Последняя книга, спасенная
Из костра, последний росток
Над мертвым пеплом, зеленый,
Чтобы я выжить смог.

Клочок еще видной сини
В тюремном окне, земли
Горсть в бетонной пустыне
Меня научить смогли

Бессмертию... О рожденье
И распаде миров,
О Хаосе и Творенье
Ордах варваров и рабов,

И тронах, и всех сущих
Во гробах или в чревах,
О последнем Дне Гнева
И первых эдемов кущах

Над ушедшими в землю
Камнями столиц вечных
Шепоту бесконечному –
Строк бесплотных я внемлю

И познаю – снова
Скостились пути планет,
Чтобы во мне Слова
Воссиял вечный свет,

Чтобы за тьмы потопом
Кого-нибудь – может быть –
Бессмертию смог научить
И мой шепот.

DESIDERATA

Ну не безумием ли было,
Уже клоняясь над глубиной,
Таить мечту о той – одной –
Не обретенной до могилы?

Жизнь многими была полна
До края – звездные миры ли,
Себя ли мне они дарили,
Но пусть гляделась глубина –

Та иль иная – долго, нежно
В меня: разгадка звездных строк
Таила горечь, и далек
Всегда был слабый огонек –
Один из тысяч в тьме безбрежной...

Пусть многим я шепнуть «моя»
Смог – не сложилась россыпь строчек
В тебя одну во мраке ночи,
И о ненайденной тая

Тоску, гадаю: во вселенной,
Быть может, не было тебя?
Или, сестер твоих губя,
Пустыня поглотила тлена

И ту, которая одна
На полку – в бархате, сафьяне,
Пергаменте – так и не встанет
Средь прочих редкостных изданий,
Раз не была мне суждена?

Мы

Пожизненна зловонная трущоба...
Борясь всю ночь с удушием, к утру
Со строчкою последнего умру,
Чтобы не встать на третий день из гроба.

Пусть глухо топот сотрясает свод –
Никто от входа не отвалит камень,
И буду, о стихи мои, я с вами
Теперь уже всю вечность напролет.

Борись или сдавайся – неизбежно
Вернутся в землю тело и слова...
Одно непостижимо: ведь едва
Забрезжило мне утро в тьме безбрежной, -

Я помнил, верность вечности храня:
Уже вставал не раз на третий день я
Из четырех стихий земного тленья –
Земли, воды, и ветра, и огня...
Нет перевоплощений, нет бессмертья
Душ, - но в просторах безысходной тьмы
Круг очертил светящийся посмель я
Сумел – и в нем услышал шепот: «Мы...»

Так пусть, о ставший мной, творящий много, -
Даст магия непреходящих строк
И мне, распада презирая срок,
Творить – в другом – за черной глубиною.

ИЗ ЦИКЛА
ИЗ КНИГИ НОЧИ

1

*Внемли же мне, о, слушай строки эти
Я был, я мыслил, я прошел, как дым...*
В. Брюсов. В дни запустений.

Восторженным захлебываясь визгом,
Трущобное топталось поголовье
Там – за стеной моей хибарки низкой
С заложенными окнами – и вновь я

В священной тишине потайной крипты,
Заброшенной, забытой на столетья,
Чтобы под темным сводом мог посметь я,
Дрожа, коснуться древних манускриптов.

Пергамент почернел, расплылись знаки
И мертв язык, но в трепет вещих слов я
Проник. Не мягок мрамор изголовья
И чуть светильник теплится во мраке –

Что ж! Заплатить собою эту дань я
Судьбе был должен – как мои предтечи,
За мертвыми веками мирозданья
Провидевшие неизбежность встречи.

2 НОКТЮРН С КНИГАМИ

На закоулки навалилась тьма.
Трущобный гвалт стал бормотаньем, хрипом,
Умолк. Так что Раймунда и Агриппы
Шепнут полуистлевшие тома?

Светильник тайный под Стеною Книг
Мне снова круг магический наметит,
Чтоб, неподвластен жизни или смерти,
Я к истинам вневременным приник

И, погребенный в одичанья мраке,
Один в конце последнего пути
В земном бы прахе, отпрыск звезд, чертил
Вновь их запретных откровений знаки.

Твердят они: «Обрыв Inferno крут,
И, глядя без сочувствия и гнева,
Как, облепив уступы его чрева,
Кишат, совокупляются и мрут

Бесчисленные чада Калибана
Во славу победителя-отца,
Знай: не пройдешь его ты до конца...
Что ж, околдован блеском нашим странным,

Ищи тропу заброшенную к нам –
Карабкайся по крутизне упорно
Над адовых глубин зияньем черным,
Астральных откровений верен снам».

Ищу, иду... Но – древний смысл утрачен
Сиянья звезд сквозь калибанью тьму.
Светильник все бледней, Быть одному
Мне под Стеною Книг – Стеною Плача.

Вот – славя пробуждение в аду –
Трущобный хрюп стал бормотаньем, визгом...
Над стершейся строкой склоняясь низко,
К спасению дороги не найду.

Нет – с осыпью страниц скользну ко дну
Кругов земного черного зиянья
И, уронив лицо на знаки знанья,
К безмолвному пергаменту прильну.

3 ЕЩЕ НОКТЮРН С КНИГАМИ

Мелеет переулка сточная канава.
Смолкает йеху визг. Последние шаги.
Из всех, известных понаслышике, право
На одиночество – преступнее других,

Но иссякает, глухо клокоча, клоака,
Течет fex urbis в дыры черные. И я
Дрожа, впиваю милосердье мрака
Наедине с бесцельем бытия.

И, бодрствовать один осмелившийся в стаде,
Поваленном в недышащую тьму,
Свободою обязан самому
Себе – к едва мерцающей лампаде

Склоняясь – вне всеобщей власти сна –
Я в тишине внимаю безответной
Последних, мертвых книг словам запретным,
Таинственные помня письмена.

ИЗ ЦИКЛА
ЮНОСТЬ

1

Древес немало красных
А также добрых в снедь
Произрастил напрасно
Бог: с древа разуметь
Им, с древа еже ведать
Что есть добро, что зло,
Добыть плодов к обеду,
Конечно, повезло.

Течет Фисон из рая,
Андракс и злато в нем.
Геон – рока вторая...
Евфрат и Тигр вдвоем –
Вполне упоминанья
Достойны... Из листвы
Себе препоясанье
Сшив, побредете вы

Туда, где в камень кручи
Вгрызаются кусты,
Шуршит песок пустынь
В сухих стеблях колючек,
Где грезит о полете

Небес голубизна...
А впрочем - вы умрете,
Запретное познав.

2

«Опасней знать немного,
Чем ничего не знать...»
Незнанье – слава Богу –
Такая благодать!
Что ж, лейку, тачку, грабли,
Лопату в том Саду
Я, дьяволом ограблен,
Вернувшись, вновь найду.

Перстъ от земли, в железо
Я Землю заковал
И в Книгу Неба врезал
Горящие слова,
Чтобы познать: все тленно...
Одной лишь нет конца
Счастливейшей вселенной
Неведенья юнца:

Не смеют в те пределы
И ангелы шагнуть,
Куда проложит путь
Глупец господень смело...
Нет, с ней, нагой, пируя –
Но не добра и зла
Плодами – не умру я,
Запретное познав!

КЛАД

Когда накроет черной крышкой ночь
Гебенэ Хинном – выгребную яму
Пятнадцати веков – мне, что на самом
Дне, будет поздно чем-нибудь помочь.

Лишь чудом не был в жертву принесен,
Как тысячи других, Ваал-Зебубу
Я... Вот – бреду, один, сжимая зубы,
Дыша зловоньем свалки, на Сион.

Глухому ропоту ессеев –
Что канут тьмы сыны в шеол,
Когда их сонница рассеет
Мессия – не внимая, шел

Я, позабывший – кубки, чаши,
Кропильницы – все под землей:
Священные сосуды наши,
И семисвечник золотой!

Века, века они лежали
С кадильным жертвенником – те
Ковчега дивные скрижали,
Врученные на высоте, –

Пока я брел долиной смрада,
Но золота библейский груз,
Но тысячи талантов, рядом
Зарытых – не расторгли уз.

Там – за пустынями Великих
Зеленых Вод, в раю земном
Мелькали Тапробаны лики,
Но обрывались на одном

И том же слове гимны: было
То слово... Нет. О кносский мрак
Забвенья, темная могила
Судьбы беспамятной! Итак –

Мы, эллины, всего лиши дети,
Непомнящие, как времен
Кренился материк. Свидетель,
Был, как Эдип, я ослеплен

Собой, и тлел папирус мертвый,
Пока не выступила вновь
В иероглифах полустертых
Озириса святая кровь,

Чтобы в начале новой эры,
Во тьму ступив забытая,
В пыли и черепках пещеры
Нащупал медный свиток я

И вспомнил то, что в жизнь влюбленный,
Сто жизней, сто ли снов назад
Знал: нет, не храма Соломона –
Бессмертья обрету я клад!

Все тяжелей сгущающийся мрак...
Будь проклята, Геенская долина
За то, что обречен твою глиной
Покорно стать я. Не помочь никак

А все же – помню на удушья дне –
В пустыне этой, то ли в Иудее
Не раз вершины, на рассвет рдея,
Пути в лазурь указывали мне.

ЗА КРАЕМ ТЬМЫ

1. НА КРУГИ СВОЯ

Рожден в пещерной духоте, я знал всегда,
Как соплеменники, что мир – лишь тьма и камень,
Что, камнем стиснуты, по трещинам, ходам
И тупикам земным обречены веками

Ползти мы... Но в запретной галерее мне,
Где кости тлеющие тех – искавших прежде, -
Удар упавшей капли в чуткой тишине
Вновь громом грянул – о безумной... о надежде!

И за сочащейся вползал я в щель струей,
Протискивался в лазы за ручьем журчащим,
Брел вдоль потока, по реке плыл я, слепой,
С мечтой о Море Дня сияющем, а чаще –

О небе... И разверзлись своды темноты –
Я Свет живых узрел и внял умерших Слову,
Мне книги за семью печатями – просты...
Где свитки тлеющие тех – искавших – снова

Под вечным палимпсестом Млечного Пути,
Горящим в чуткой глубине того же мрака,
Жду, что звезды, сорвавшись, капля полетит
И канет – пусть безумной, но надежды знаком, -

И фиолетовым смещением тома
Вселенных будут в сверхбиблиотеку сжаты,
Чтобы за коллапсом ее стал – как когда-то
Наш мир – всего лишь камень. И, конечно, тьма.

2. ПО ЗВЕЗДАМ

Далекий гул – пора телестадам домой...
Но шелестом страниц слова умерших вея,
Вновь о вселенных знаков слух пленяют мой:
Свинцовой – Гутенберга, что за той – Орфея –

Резного камня... И, вторгаясь в тишину,
Звучит все царственней хорал пяти столетий,
Когда кружились, плыли и не шли ко дну
Созвездия поющих огоньков по Лете

Мычащей немоты. Завалами лжекниг,
Книг-оборотней, низших недокниг-ублюдков!
Струящемуся свету рабский век воздвиг
Плотину – слава брюху вопреки рассудку,

В угоду низколобью смердов. Что ж, один
В доинкунаульного безвековья мраке,
По одиссеевой Медведице веди
Без страха утлое суденышко к Итаке,

Во тьму забортную всем совершив богам
И душам всех погибших возлиянье... Скоро ль
Всплынут забытые навеки берега
За пенной чернотою варварских просторов –

Не знаю, но с Плеяд и Ориона глаз
Не отвожу, пока не вздыбилась пучина,
Где корчится с мычаньем неомертвечина
И звезд рассыпанный набор в ней не угас.

3. О БЕССМЕРТИИ

Прекрасен. Беспощаден. И неистов мир,
Бурлящий за Стеною Книг – Стеною Плача...
Не изумруд листва, и небо – не сапфир:
Бездонна синь, а жизнь – жива! И новый начат

Мной манускрипт, как будто ласточка, мелькнув,
Как тень мгновенная за стеклами – так близко, -
Не подлетает снова к моему окну,
А желтоторые не тянутся к ней с писком.

Но что за духота... Эй, кто-нибудь, сюда, -
Открыть окно! Шаги служанки. Вот неряха –
Боса, нечесана... Однако молода
И на хозяина взирает не без страха.

Тому, что вечно круги совершать своя
Назначено всему, так приходилось часто
Внимать в бесчисленных трудах коллег, что я
С ней обойдусь, пожалуй, без Екклезиаста:

Ты будешь кое в чем смелей – все впереди...
Не очень-то страшась всех этих книг, ничтоже
Сумняшеся, с другим безмозглым наплоди
Тех, кто когда-нибудь старье все это сложат

На площадях в костры. В ночи провеяв, дух
Уйдет в небытие – до нового Начала,
Когда – чтоб и за пеплом Слово зазвучало –
Вновь тьме глухонемой дарован будет слух.

4. «НЕ СМЕРТИЮ УМРЕТЕ»

О той, которой так и не было – молчи...
Или звезда любви на небе предзакатном
Не о прекрасной Еве – в платьях из парчи
Тисненої кожи и веленя – шепчет внятно?

Спрошу ли – что черно оклада серебро?
Откуда эти капли воска на страницах?
Нет, плоть и кровь моя, адамово ребро,
Пусть вечно мне грехопаденье наше снится!

Что годы, что столетья – не она ли ждет
Меня – единственного – гордо и покорно,
С кем, бросив па Земле истлевший переплет
И ветхие страницы, переступим черный

Порог забвения... До дна ли тьма пуста?
Мы вместе, чтобы и за глыбами портала
Моей возлюбленной бессмертной нагота
Под незнакомыми созвездьями сияла.

Узнай, ликую, – смерти не было и нет,
И пусть костры из книг дымят внизу, мигая, –
Над чащами иных эдемов звездный свет
Вновь заструится, чтобы я с тобой, нагая

Как в день Творения, постиг добра и зла
Запретные тома – из тех, что наши очи
Уже отверзли где-то там, в просторах ночи,
Когда Земля еще читающей была.

5. ЗА КРАЕМ

Не первый век струится мягкий полусвет
На Стены Книг под сводом тишины... Историй
Тома, истории томов – чего здесь нет,
Клауструм, и корабль, и замок – мой скрипторий!

Пределы Понта и Гиркании наметь...
Под многозвездьем Козерога или Рака
Какой Меркатор и когда набросит сеть
На смутные просторы Океана Мрака?

Но разобьются все беззвучные валы,
В ночи катящиеся, как их путь ни долог, –
Под сводом тишины. И, пенные, белы,
Вскипят шуршанием страниц, и хлынут с полок

Потоками периплов, портоланов, карт
И лоций – слушай шелест, шорох, шепот пены,
Что и Столбам у края мира дал Мелькарт
И – далеко за ними – Островам Блаженных

Когда-то имя... Пусть алеет полоса
Прибойная; окрасив кровью Гериона
Мои страницы – в тирский пурпур паруса
У Гесперид – утонет в сумраке бездонном

Закат, но из пучины беспредельных вод,
Беспамятства веков и бормотанья мифов
Встав, и за краем тьмы громада Тенерифа
Атлантом надо мной удержит небосвод.

6. ПОХИЩЕННЫЙ

Прильнув к лоснящейся спине быка, плыла
Века в лазурь и пену юная Европа,
Пока из хаоса, пучины, бездны зла
Не зазвучал и мне вселенной новой шепот.

Мерцал пергамент желтизною черепной,
Но и за морем зги кодексы и свитки,
В который раз из гроба вставшие, со мной,
Со мной на этот раз не выдержали пытки

Молчанием – и я услышал, как из тьмы
Всплывает музыка миров – чуть слышно... громче...
Пусть мрак безмолвия так долго был немым,
Но Книги Бытия набор все не закончен,

Хоть и прозрела вечность, и, на звездный миг
Все аксиомы становленья опровергнув,
Запечатлела Слово в миллионах книг
Галактики – Lactea via Гутенберга.

И бесконечности сияющая пыль
Зодиакальными узорами, без счета
Столетий, фолиантов, жизней или миль
Осела золотым тисненьем переплетов,

Чтобы проникнув к ним, влеком был без конца
Я в шорох – млечной пены ли, страниц – пусть поздно
И берега не видит за прибоем звездным
Кровавый глаз во тьму плывущего Тельца.

АРРЕФОР

Какая жалкая преграда –
Стекло, немного кирпичей...
Ступеньки каменные. Рядом –
Асфальт, а он уже ничей,

И обтекает изголовье
Железный грохот, словно книг
Я слово, смешанное с кровью
И со слезами не постиг.

Несись же в пляске амодунтов
Последний – самый новый век...
По дрожи стен, по дрожи грунта
Познав, - его безумен бег, -

Я, мраком наглоухо укрытый,
Бреду за нитью тайных слов.
Быкоголовым бредом Крита
Умолкнет в подземелье рев

Обожествленного металла,
И вот – в допамятную тьму
Святилища – мне одному
Нести назначено – ни мало,

Ни много – то, чего никто
Не обретет у жриц Афины,
Пока под синевой пустой
Мертвы в Акрополе руины

Эрехтейона... Глубине
Земной оставить – что? – не знаю,
Что принести, во тьме ступая? –
Не знаю, - суждено и мне...

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Все гуще дикий мрак. В нем демоны роятся,
Скользят, царапаясь, по переплетам книг,
Ползут из тьмы ко мне, в меня... Что ж, их бояться
Уже нет сил. Чадящий погасив ночник,

Клонюсь к невидимым бумагам. Стол – как плаха:
Не на страницы эти голову кладу;
Подвой беснующейся черни я в аду
«Свободы», «равенства» и «братства» - и без страха

Всхожу на гильотину... Кружевную ткань
Рвану воротника с улыбкою надменной,
Платя с презрением своего плотью тленной
В который раз – безумью всех утопий дань.

Подай же, вечность, палачу последний знак –
Пусть лезвие скользит, сверкая над толпою,
Чтобы привольней было копошиться рою
Грядущих демонов в тебе, о дикий мрак.

ИЗ ГЛУБИНЫ

Пусть, окретинены умело,
Скотины тягловой стада
Бредут, довольные уделом,
Из тьмы «нигде» в тьму «никуда»,

И, низкосортной жвачке рады,
Жуют казенное деръмо,
До бойни, где их ждут награды,
Влачат, покорные, ярмо, -

Из одичанья, и забвенья,
И черной бездны слепоты,
О мое Слово, встанешь ты,
Когда мелькнут веков мгновенья,

Ибо духовной жаждой будет – верю – томим
Тот, кто пройдет однажды по перепутьям моим,

По руинам, ушедшим в землю, камням городов
чужих...

Остановись, внемли – из косноязычья, и лжи,

И дикости нововековья и молчания голосов
И мычанья рабского – зов я шлю тебе, грядущему,
зов...

Где зола и кости, слоями погребенные в глубине,
В минувшего темной яме я – склонись же, внимая
мне,

И узнай, что счастливцами были бессловесные, канув
на дно
Безмолвия в общей могиле – а вот мне, а мне
суждено

Вечным звучать зовом в сиянии вашего дня,
Не зная – в беспечном, новом юном мире – поймут
меня?

ПРОЗРЕНИЕ

Во мраке странствия земного
Мне воссиял неясный свет,
И стало то сиянье Словом,
И с трепетом познал я – нет

Мне, праху праха, тлену тленья
Из плена темноты пути:
Плоть изнеможет взаперти,
Душа не обретет спасенья,

Пока безмолвна глубина
Всезвездной бездны Зодиака
И мне его горящих знаков
Не станут внятны письмена.

Тому – расторгнув тьмы проклятье –
Что Книга вечная огней
Мерцающих открыла мне,
Рожденному из праха, внять я

Посмел! И тайна тайн была
В чуть слышном шепоте Вселенной:
«Тобою в миг благословенный
Я, наконец, прозреть смогла».

На темной проступая стали,
Померкшие было к утру
Налились кровью знаки рун
И рдением во мраке стали,

И верного меча клинок
Поет, выбирируя все громче,
О пенных далях всех дорог,
О том, что волен старый кормчий

Направить бег своей ладьи,
Глаз не сводя с Плеяд, Вootha
И Колесницы, вновь один
Во тьме, объявившей все широты, -

Куда зовет его судьба,
И что ни демоны, ни боги –
По тьмой колеблемым горбам
Валов – указывать дороги

Ему не властны. Пусть в ночи
Не будет никому пощады –
Пока чуть шепот рун звучит,
Чуть светят поздние Плеяды

Там, где других созвездий стерт
Узор, - правь за пределы властно,
Победы – как всегда напрасной –
Последним упоеньем горд!

ИЗ ЦИКЛА

ПАМЯТЬ

СОСУД БЛАГОДАТИ

В потемках одичанья, раб
Среди рабов, пополз когда-то
Я ощупью, незряч и слаб,
От писка нечисти мохнатой,

Кружащейся в подземной тьме.
Невидимые били крылья,
Вцеплялись когти, но посмел
Оцепенение бессилья

Стряхнуть я, и тогда вдали
Смолк недоумков хор покорный
И тайно в глубине земли,
Провале одичанья черном,

Зажегся – только для меня,
Бросая в рабские потемки
Свет – бледный язычок огня...
Страницы тлеющие ломки,

Померкла тусклых строчек вязь,
И мертвцов язык невнятен,
Но я, над книгами клонясь,
Прильнув к сосуду благодати,

Познал, сужденное верша,
Что не конец и не начало
Вот эти тело и душа,
Что лишь Творение венчало

Бессмертьем... Тленны плоть и дух,
Лишь тот червям не будет отдан,
Кому во тьме дана свобода
Прозреть вселенных череду.

КРУГОВОРОТ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЙ

И мне в пустыне Авраама
Струило небо звездный свет;
Мерцая, Семисвечник Храма
К пути в далекий Назарет

Клонился; за кругами Ада
Мне дальний небосвод блистал,
Как Флорентийцу, - чуждым взгляду
Четырехзвездием Креста –

И знаками миров немыми
Велит пылающая твердь
Мне тающее в млечном дыме
Минувшего – запечатль.

Достигнуты путей пределы –
Здесь на последнем берегу,
Последнее оставив тело,
И я Сияньем стать смогу,

Здесь разлучу я между светом
И тьмою, чтобы стала вновь
Нетленным Словом плоть – вот эта,
Предвечным Словом – сердца кровь.

Земнорожденному, во тлене
Прозреть посмевшему, давно
Все очищения ступени
Мне было миновать дано,

Чтобы в Творенья Книгу гордо
Смог звездами вписать и я,
Их сея в тьме рукою твердой,
Свою страницу Бытия.

Я обретал следы былого
В непроходимых дебрях зла,
Где ни тропинки, где ни слова,
Где поросль дикая цвела,

Скрывая камни – и провалы
В беспамятства глухую тьму.
В земле – и своды, и порталы,
Чьи – не припомнить никому...

Полынной тишины пустырной
Щемящей горечью дыша,
Узнай – все бытия обширна
И незлопамятна душа.

Шуршало, вспархивало, пело,
Смолкало там – чтобы привык
Вникать я день за днем несмело
В забвенья ведовской язык,

И, зноем синевы объятый,
Не попрекал бы небосклон
Гранитом рухнувших колонн
И мрамором разбитых статуй.

Ведь шелестом растущих трав
И стрекотом самозабвенным
Кузнечиков былое став, -
Прав новый день или неправ –
Твердит мне, жизнью жизнь поправ,
О незлопамятстве вселенной.

Лишь тиканья чуть слышными стежками
Прошита тьма. Но бег неумолим
Мгновений: бьет за каплей капля в камень
Тюрьмы – за словом слово – и моим

Стихам на звездной синевы просторы
Из мрака будет вырваться дано,
Как ночи искаженный лик ни черен,
Ни глубоко ее застенков дно.

Стежок. Еще. Еще. Какой из строчек
Закончен будет бесконечный труд?
Насколько дикой вечности короче –
Измерить ли – капель моих минут?

О, тиканье чуть слышное! Ты – слава,
Спасенье ты, бессмертие души,
Хотя бы в подземелье века сшит
И был наряд моей свободы. Саван.

ИЗ ЦИКЛА

ПРОГРЕСС ВЕК XVIII

Колпак дурацкий мы напялим
И пустимся с толпою в пляс.
Вот – покатились и упали
В корзину головы – и нас

Аристократы впрямь не выше:
Мы все равны, равны, равны!
Не видят мертвые, не слышат,
Не возвозут из глубины...

Ты жаждешь равенства с кретином?
Рецепт на удивленье прост:
Совсем немного гильотины,
И подходящим станет рост.

И кто-то маленький в итоге
На троне – результат не нов.
Теперь – да поубавят боги
Рост миллионам плясунов.

ВЕК XIX

Был первой вестью о потопе
Шторм, бросивший ладью мою
На берег лучшей из Утопий,
И музыку теперь таю

В себе я слов, каких не будет,
Уже не будет никогда.
Ни слушателей нет, ни судий,
И верности напрасен дар,

Но пусть в просторы Моря Мрака
Мой Остров погружен давно,
Любовь моя, моя Итака,
К тебе мне вечно суждено

Плыть под ночным багровым небом
А бог железа и огня
Последним из богов бы не был,
Надеждой одарив меня.

ВЕК XXI

От виселиц с урчаньем жадным
Ком, еще теплый, волоча, -
Сегодня будешь сыт – и ладно –
Доставшимся от палача.

Верь, молчаливо осторожен, -
Еще не срок твоей судьбе,
Хоть бледных оборотней рожи
Во тьме повернуты к тебе.

Так пригибайся ниже, ниже
Не то придет и твой черед
И, хлюпая кровавой жижей,
Уже чужой упьется рот

Твою – еще теплой – плотью.
Жди – и накормят палачи
Тебя – а не тобой. Молчи,
Таись и вверься их заботе.

ОРФЕЙ В АДУ

Поэзия, Эвридика,
Из глубины земной,
Безмолвна, безлика,
Идешь ли за мной?

Глух, непрогляден
Одичания мрак,
И не слышны сзади
Шаги, и никак

Не узнать мне, поэту,
Последнему в темноте
Скользит ли к свету
Бесплотная тень

Той, кого нет... Не выдам
Словом единственным я
Ждущей бездне Аида,
Возлюбленная моя,

Никому, кто навеки
Останется в ней немым,
Что обретем в некий
День бессмертие мы, -

Но, Эвридика,
Почему я не знал,
Как тьмы дикой
Жутка крутизна?

СЛОВО

Рожденное небом,
Слово, сияй в ночи,
Чтобы вина и хлеба
Моего палачи

Не вкусили вовеки,
Чтобы, тайне моей
Пресуществлений неких
Причастившись, Орфей

Знал – не пребудет
На том берегу,
Ибо устами судий
И жрецов – боги лгут,

Что взято могилой,
Погребено в глубине –
Слово... О нет – было
Небом завещано мне

Ты, и в мерцанье
Золотого Руна –
Во Всезвездном Писанье –
И моя глубина.

Там, где кругами бега
Свои письмена мчит
Вечность, я – Лира, я – Вега,
Сияющие в ночи.

ИЗ ЦИКЛА

ОРФЕЙ

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ (AD CALLIOPEN)

Что, обреченный смене воплощений,
Я на чужбины дальних берегах
Об алтарях былого и богах
Мог знать? Но ветви золотой священней

Нет знака, и благословенна та,
К чьей смутной тени за порог Аверна
Она в глубины темного Inferno
Мне распахнула адовы врата.

Иди за мною к свету, Эвридика,
Из тьмы забвенья трепетная тень
Поэзии былой; там – в высоте,
За каменною толщой, будь великой,

Прекрасной, гордой – вновь живою будь,
Узницей безмолвной, не немою –
Свободной будь – зову, иди за мною,
Как я ни слаб, ни безнадежен путь.

Дощечками и стилем Каллиопы
Еще ребенком, помню, я играл.
О Муза-мать, молю: приди, пора
Путь обрести за символы и тропы

Бессилия! Дай мужество назад
Не оглянуться, ни единым словом
Не выдать – пусть ни у кого другого
Нет ветви золотой в Inferno новом, -
Что темного забвенья вечен ад.

Склоняясь к западу, Квадрига
Коснулась беспредельных вод,
Но – больше пусть не рассветет –
За этой тьмой не будет мига,

Когда б, за жизнью жизнь, я мог
Не звать возлюбленную; помня:
В стигийской глубине дано мне
Отмщенья закалить клинок;

Когда б – и ждущему конца,
И отрешенному от тела –
Над Эвмениды маской белой
Змей шевелящихся венца

Шипенье не было укором
За то, что все заключена
Душа в темницах тел, вина
Все не искуплена позора

Молчания. На дне Эреба,
В ряду обличий ли, имен
Рабов, скитальцев – погребен,
Зовущий, заживо я не был?

И, плотью отягчен, в бреду
Надежд и мук – не раз когда-то
Моих – все жду конца расплаты
И очищения, все жду,

Что веяния крыл Таната
Могильным холодом объятый,
Вновь обрету тебя. В аду.

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ (AD APOLLINEM)

Все было – сумрак леса, золотая
Ветвь посвященья... И я знал – в аду,
Немой, немую тень я поведу,
Глубинами отчаянья блуждая;

Не выдержу, и позову, и, в тьму
Один с мольбой протягивая руки,
Пойму, еще земной доступен муке:
Ома не внемлет зову моему.

Пыль. Имена. Остался свиток Свиды.
И Каллимаха... Нет, молчать не смей
О том, что шевелятся кольца змей
Над беспощадной маской Эвмениды,

Пока в багрянце Гесперийских вод,
Сияя, не потонет Колесница,
Пока белеют в сумерках страницы
Последние, пока не поплынет,

Звуча, по Гебру и твоя кифара,
Которою – Отец, дай силы мне
В отчаяния помнить глубине –
Еще ребенком я играл недаром...

Нет, не молчал я, светозарный бог! –
Но как Аида нам попрать запреты?
Пыль. Имена. Во тьме слова поэта
Звучали. Свитки. Знаки тайн. И это –
Все, что у мрака я похитить смог.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Время – тень вечности.
Гонорий Аугустодунский.

1. INFANTIA

Где были каменные своды
Над нами – не голубизна –
Никто ни одного не знал
Из тысячи имен Свободы.

Там, в подземелий, молясь
Ночей Владычице косматой
И сквернословья, мать когда-то
Со стонами свалилась в грязь.

Мир одичания раскрыл
Ребенку – мне – свои объятья,
Чтобы внимали я и братья
Властям и Силам до поры.

Они вещали: «Будь покорен.
Немым, как все немые, будь.
Мрак озверения не черен,
Руины – к созиданью путь...»

И там, где мусор всех столетий!

Был свален, зная – не уйдешь, –
Впивали сладострастно дети
Последней судороги дрожь

Какой-нибудь бродячей твари,
Казнимой в назиданье им:
Смотри, смотри, – будь благодарен
За то, что родиной любим.

2. PUERITIA

Ложь источали матерей сосцы,
Питая ею скорченных младенцев.
Шептали умиленно «eccellenza»,
Склоняясь перед выродком отцы,

И знали все: убийцей много лучше –
Хоть проще трупом – стать. Сынок, не плачь:
Христову милосердию научат
Доносчик, инквизитор и палач.

Робел и я, руки моей мадонны
Коснувшись невзначай – или не лгут
Глаза избранниц, в глубине бездонной,
Безмозглой – алчность затаив и блуд?

Ты поскользнись в крови – где хор подонков
Вино веков с блевотиной смешал –
И старый друг мелькнет с улыбкой тонкой
Не к выходу ли – верная душа?

И вот – ограблен, оклеветан, предан,
Судом продажной сволочи судим,
Я, к общему приговоренный бреду
В тюрьме зловонной, затаил в груди

Мечту о мести, с материнским ядом
Ее всосавший, низости отцов
Наследник, – зла Вселенское Кольцо
Разъять бессилен – там. С другими рядом.

3. ADOLESCENTIA

Я слышал хруст лодыжек топких,
Хрипеньем становился визг:
Монах беседовал с девчонкой,
Как с птицами святой Франциск.

Железо скользкое блистало,
Тонула в темноте свеча.
Склоняясь надо мной устало,
Лицо белело палача,

И знал я, что не будет пытке
Во веки вечные конца...
Пищал паяц, крутясь на нитке:
«Мир хижинам, война дворцам», -

И сгинули в огне войны
Дворцы. И хижины. И были
Мы, уцелевшие, в могиле
Подземной тьмы погребены.

Сомкнулись каменные своды
Над нами, но и без дорог
Наверх – в пустынью – я не мог
Забыть – как всех имен Свободы –

Что мщения в конце концов
Остался путь – кусочек лаком,
О боги! – но всплывай, однако,
Белея, палача лицо.

4. JUVENTUS

Беглец, я слышал в мертвых городах
Невнятный шепот живших до Закона.
Господь отвел им ночь, и навсегда
Сомкнулась Зодиаком непреклонным

Сияющая над пустыней твердь,
Чтобы мелькнула времени земного
Тень и среди развалин внял я снова
Той вечности, которой жизнь и смерть

Миров – лишь миг. Беглец, постиг, о Боже,
Язык надгробий я, ночных небес
И свитков из полуистлевшей кожи,
Таивших все, чего не знал Гермес.

Один меж двух пустынь, внизу – бессветной,
И – полной блеска звезд, как юн я был!
Что рухнет Вавилон – знаком ответ, но
Все вопрошал я письмена судьбы

Там, где зверье в развалинах гнездилось
И наполняло шумом своды их –
Об участи наставников моих,
Близка, надеясь, Благодати милость.

Но пусть – лишь ненавидя, не любя –
Жил я надеждой тщетною на чудо:
Приберегают боги для себя
Месть – самое изысканное блюдо.

5. AETAS SENIOR

В сакральной вечности над морем винноцветным
Встань, Эос, пурпуром окрашивая тьму.
Волк вырвался – но боги мрака потому
Погибнут, что уже кимврийские заметны

В реторте раскаленной тени. Только миг –
И золото не будет Нибелунгам нужно,
И Камень Мудрецов мне всех «Сокровищ южных»
Дарует россыпи – всех звезд библейских книг.

Но лишь подсохнет грязь – хлопочем о потопе
Вновь, будто в гладе, море и мече есть прок,
Раз к ним и сводит неизменно некий рок
Все воплощения сияющих утопий.

Творенье – Искупленье – Суд... Когда-то я
Вершить его желал бы именем Свободы.
Что ж, внявший таинству Творенья, мимоходом
Брезгливиости к себе – былому – не тая,

Припомню облики чудовищ, как ни много
Их было, пожиравших собственный приплод:
Год Грабежа. Год Распрай. Дна Пустого Год.
И Самоистребления Год – итог итогов.

До мира, с миром, после мира – не забудь:
В сакральной вечности, не знающей ни мести,
Ни Искупления – в руинах будешь вместе
С ночною нечистью и ты когда-нибудь.

6. SENECTUS

Так падалью, бунтующая плоть,
Стань и землею, съедена червями...
Познал я: день живым отвел Господь
И обретут слепцы дорогу к яме

Без помощи моей. Когда же блуд
Объятием Бсзгубой завершится,
Пусть выродка гниющего сожгут
Живьем – с его всемирною блудницей.

Минует все. И опознает мир
Тех – славивших Престолы, Власти, Силы,
По унесенным в братские могилы
Цитатникам, зачитанным до дыр.

В который раз отмечу мимоходом,
Что будет инквизитор на костре...
Но наслажденья мщением острой
Иное упоение. Уродов

Однообразны корчи: как не дать
Самим им вволю истреблять друг друга?
Даруй нелюбопытства благодать
Мне, Господи, дай вырваться из круга

Зла, из его Вселенского Кольца,
Провидеть череду иных вселенных,
О ласке юных губ – недолгих, тленных,
Несбывшихся – тоскуя до конца...

7. IMMORTALITAS

Паяц, барахтаясь на нитке,
Бормочет: «Миру – мыр-мыр-мыр...»
В какой же из пещерных дыр
Пустыни – уцелеют свитки

Преданий ветхих о времен
Творении, скончанье оных?
Восстанут мертвых легионы,
Свободы тысячи имен

Твердя невнятно, и бессмертье
Радушно с агнцами деля,
Небес не распахнули твердь я,
Едва извергнет их земля?

Стуча костями, над могилой
И ты, заслушав трубный глас –
Когда же, Господи помилуй –
Пуститься не забудешь в пляс,

Ну, а пока – тащи, монах,
Мои реторты, да живее.
Горн раздувай, палач, - в огне я
Провижу, недоумкам в страх,

Времен скончание... И, верно,
По знакам звезд пустынных путь
Вновь обрету когда-нибудь
Я к свиткам глубины пещерной.

ИЗ ЦИКЛА

СУМАЕА

Он сгинет – на костях успев, однако
(Как римскому народу некий царь –
Капитолийский храм, цирк и клоаку),
Настроить и не снившееся встарь

Тому же плебсу – ибо в тьме покорной
На круги неизбежные своя
Вернется дух, провеяв, чтобы я
«Ужо тебе, строитель чудотворный»

Смог вымолвить, безгласности дивясь
Немых, чтобы не стало ни бетона,
Ни стали. Ржавый лом тысячетонный,
И серых стен расползшаяся грязь –

Все будет! И пророческие книги
Сожжет Сивилла Кумекая. Века
Пройдут. И снова выведет рука
Те строки – о свободе и об иге:

Свободе быть пророком, иге – им
Не быть – всего царем, а не поэтом,
Провеет вечный дух. И знать об этом
Пора бы, Третий – и последний – Рим!

СИВИЛЛЫ СИКСТИНСКОЙ КАПЕДДЫ

Тай, Дельфийская сивилла, ужас веший
В застывшем взоре, свиток развернув судьбы.
Все знаю: и что Рим когда-то вечным был
И что по фрескам сетка зазмеилась трещин.

Бесстрастно роковую строчку укажи,
Сивилла из Эритр, - над книгой в тьме безбрежной
И мне был свет зажжен, и внял я: неизбежно
Все рухнет, ложью возведенное на лжи!

Дожить, дожить бы! Пусть века согнули
спину Пророчицы Персидской – различу едва
Полуослепшему доступные слова
Последней книги и последние глубины

Постигну, сгорбившись над нею, - а потом
Не мне, нет – беспощадной юности дарован
Ливийской гордою провидицею снова
Надежд несбыточных да будет новый том,

Пока чудовищная черная старуха
Из Кум, тысячелетья пережив одна,
Не вычитает в книге, какова цена
Познания во тьме провеявшего духа.

АЛТАРНАЯ СТЕНА

В могилы сваленные братские – лежите,
Напрасно ожидая Страшного Суда,
Невинны или нет – не встать вам никогда
По зову трубному: какой же небожитель

Скелет, ползущий из разверзшейся земли?
И в перевоплощеньях душ земного круга
Доносчик и палач получат по заслугам
Едва ли – извиваясь медленно в пыли,

С рычанием оскалясь над куском кровавым...
Что ж. Части срамные на росписи прикрыть
Прикажет кардинал Караффа, может быть, -
И праведным, и грешным. Правым и неправым.

О мои мертвые! Еще их голоса
Звучат во мне и лица снятся – но все реже.
Недолги имена и облики – безбрежен
Мрак всезабвения... И не сиять Весам

Возмездья никогда на этом небе черном...
Скрыл фреску Перуджино новый Страшный Суд –
И мои мертвые во мне – со мной – уйдут
Неотомщенными – безмолвны и покорны.

Но пусть судить живых и мертвых Судия
Не будет – в Книге Книг не раз концы историй
О царствах палачей – расцвете их, позоре
И славе их руин пустынных видел я!

Что Гордецу до мертвых – миллионов
В земле промерзлой? Но провижу я,
Что выползет из треснувшей колонны,
Ему суля недоброде, змея.

Он храм возвел, строитель чудотворный
Клоаки, цирка и чудес иных...
Так пусть мои пророчества темпы –
Темнее подземелий храма черных –

Не тщетно будет свитки вопросить
О судьбах Рима – заплатив дороже
За те, что мной не сожжены... Так что же
Ему в них суждено – быть иль не быть? –

Падет от камня из пращи пастушьей
Гигант-Суперб в блестящей броне?
Даровано предвидеть это мне.
Исполнится срок вечности. Потушит

Светильники дух вечный, на своя
Провеяя круги в подземелье храма
Юпитера, и в сердце мрака самом
«Ты обречен», - царю открою я.

УЧАСТЬ

Жизнь в тупике. Трущобная лачуга
Среди других. Совсем не та страна –
И я, свернувший навсегда за угол.
Жизнь... Да была когда-нибудь она?

Что ни стареть ни умирать не надо,
Я знаю, и того не знать и нельзя.
Но юности, не знающей пощады,
Взгляд избегает моего, скользя,

И тысячи безмолвствуют вселенных,
Так аккуратно переплетены
И выстроены мною в неизменном
Порядке. Что ж, уснуть. И видеть сны

О жизни в тупике. Встать книгой, рядом
С другими – и, быть может, в той стране,
Где ни стареть ни умирать не надо
В безмолвии привычном будет мне.

Остаться вопреки себе – собой,
Когда умолкнет шепот о надежде;
С собой – давно уже не тем, что прежде
Вести непрекращающийся бой;

Знать: дымные глубины преисподней Безвыходны;
все миновать круги –
До дна, где ни забвения, ни зги,
Где ни тебя, ни завтра, ни сегодня;

Знать, зубы сжав, - ни встречи впереди,
Ни голоса, улыбки, слова, взгляда
(О, память, замогильная награда,
О, неотступность – изощренье ада –
Двух силуэтов, слившихся в одни);

Знать. Помнить. И любви посмертной нить,
Уже неосязаемую в смутной
Тьме оборвав, - не боль земных минут, но
Отчаяние вечное таить.

Расстояния, расстояния...
Закружило меня, понесло,
И все мало мне – или я не я –
Поцелуев твоих, твоих слов.
Что ж от встречи и до разлуки
На секунды идет отсчет?
Время рушится – не течет, -
Разнимая губы и руки.

Подо мною – под облаками –
Вновь плывут зазубрины гор.
Камень и лед. Лед и камень.
И ты – им наперекор.

Расставания, расставания...
Все последнее – наперечет.
Лето позднее, осень ранняя
На секунды ведут отсчет.

Поэзия – слова, слова, слова.
Глагол времен. Служение отчизне.
Бред пифии. Отображенье жизни.
Дверь в вечность, приоткрытая едва.

Она есть Бог в святых мечтах земли, Рифмованная
жвачка агитпропа.
Потоп. Ковчег спасенья от потопа.
Нет – Вавилон! Нет – Иерусалим!

Поэзия – Песнь Песней. Кляп во рту. Трусливого
холуйства словоблудье
И Высший Судия. И взятка судьям,
И певчий дрозд, убитый налету.

Сияющей квадриги Аполлона
Полет, решенье спора, вечный спор,
Смерть и бессмертье, слава и позор. Кандальный
звон. Всезвездная корона.

Она – глагол, сжигающий сердца
И немоты бессилие – и сила.
Слепящий блеск алмазного венца
И тьма. И Слово, что в Начале было.

Осыпется в часах судьбы песок,
Но всех вещей не человек ли мера,
Хотя б сменяла болтовню Руссо
Кровавая машина Робеспьера?

Так томик тот, который донесешь
До гильотины, эшафота, зоны,
Могилы братской – слышишь, погребенный,
Поэзия. А прочее все – ложь.

ИЗ КНИГИ

ВСЕ ПОДРОБНОСТИ

1

Бессмыслицею стало для меня
Все. Радости – ни в чем, ничто не мило.
Ползу, мертвец, и на исходе дня –
Ночного одиночества могила.

И, крут за кругом возвращений для;
Удушием пытая, строки эти
Как стоны исторгая, на рассвете
Забвенья разверзается земля,

Чтоб, не воскресший, восставал из гроба
Я и во гроб, дыша еще, сходил,
Раз не довлеет больше дневи злоба
Его под небом неблагих светил.

Один, один... Угасни же, о свет
Не зnavших милосердия планет.

2

Ждать должен был все жизни, все века я
Ту, кто Одна из всех была, Одна,
И знал, что встреча не могла такая
Одною смертью быть искуплена.

Знал, что стократно и тысячекратно
Агонии мне будет суждено
Удушье... О, когда из сна без снов
Для новой муки – не вернусь обратно?

Когда, благословеньем одарив
Забвения, несбыточного бредни
С последним смолкнут проблеском зари
Соборованья шепотом последним?

Не умирать... Созвездий вечных сеть
Прорвав, дано ли будет – умереть?

3

Горящие в Эребе помня реки,
У Зевса я не похищал огня.
Что ж пытке обрекает он меня –
Прикованного, осудив навеки?

Но, исцеляя муку и позор
Дня, утаи меня, о тьма ночная,
Ибо тебя от света отделяя,
Творенья жестом руки я простер.

Теперь уже – ни мрака, ни сиянья,
Ни плены, ни свободы... Жизнь и смерть –
Одно: миг вечен и бесплотна твердь,
Где ни вещей ни слов, но их слиянье.

Я – и титан, и цепи. И скала.
Страданье. Небо. И полет орла.

Не верю. Как могла ты, как могла?
Но бег светил остановило небо
И голос был далекий – или не был? –
Когда все звуки смолкли: «Умерла».

Я видел гроб, опущенный в могилу,
О доски слышал комьев глины стук.
О, если б за пределом этих мук
Забытия оцепененье было...

Но – смерти нет. С тобою мы одни
Пьем вечности – из уст в уста – дыханье
Остановившегося мирозданья
Слепят, все ближе, звездные огни.

В земном круговороте смены смен
Любовь моя не ведает измен.

Когда оборваны все связи
С так называемою жизнью,
Когда ни святыни, ни грязи,
Ни ностальгии, ни отчизны,

Когда, забыв о боли, стать
Смогло одушевленным тело, -
Душа вкушает благодать,
Хотя еще не отлетела.

Творец, я разлучу ли свет
И тьму; материю от духа
Не отделю я – Хаос, - глухо
В себе таящий с явью – бред.

В иной вселенной мое Слово
Зажги, поэт, звездою новой.

ЗНАНИЕ

Венец сонетов

1

Знать, что есть небо, и полетом жить
Бескрылому – мне – было суждено.
Надежда! Незапамятная нить
Твоя во тьме оборвана давно.

Еще дышу, ощупывая стены
Очередного тупика во мраке,
Как будто не дописаны все знаки,
Врезаемые в камень духом пленным.

Но сбудется – и распахнется свод
Всевластью непроизнесенных слов!
Клочки бумаги, кости... Как улов
Твой жалок, вечность! Или – звездный взлет?

Стань прахом я, стань высью навсегда –
Ты ни печальна будешь, ни горда.

2

Знать, что есть небо, и полетом жить
Бескрылому – мне – было суждено.
Надежда! Незапамятная нить
Твоя во тьме оборвана давно.

Но как ни давят немотою стены,
Ни тяжело предсмертное дыханье, -
Суть сокровенной тайны мирозданья
Да будет в письменах чужой вселенной!

Нет. Вечности всех узников своих
Давно уже не вспомнить и не счесть.
Со мною будь, моя благая весть:
В могиле хватит места на двоих.

Так вверить Слову, бывшему в Начале,
Моей гордыни бред, мои печали?

3

Знать, что есть небо, и полетом жить
Бескрылому – мне – было суждено.
Надежда! Незапамятная нить
Твоя во тьме оборвана давно.

Все – чтобы не могли земные стены
Сдержать полет бестрепетного духа
К мирам, чьи голоса вещают глухо,
Что и они, и символы их – тленны.

Что предопределенного судьбой
Удел – и миг, и вечность. Что одно
И то же – слава и забвенья дно,
Узор созвездий и туник слепой.

Ведь в глубине последней глубины
Небытие и бытие равны.

Стань прахом я, стань высью навсегда –
Ты ни печальна будешь, ни горда.

Так вверить Слову, бывшему в Начале
Моей гордыни бред, мои печали?

Ведь в глубине последней глубины
Небытие и бытие равны...

ДА БУДЕТ

Созвездие сонетов

1

Вещей, лишенных сути, оболочки,
Трудов и дней слепая череда...
Рефреном жизни было "никогда",
Упорно в каждой возникая строчке.

Но, кажется, дописано до точки
Все. Сочтены страницы и года.
Пора? И щелкнет челюстями "Да!"
Безглазая с порога одиночки.

Ничто уже не радует меня,
Не обрету я, свой удел кляня,
За смену рассветов и закатов

Того, что смысл давало бытию
На том – далеком – берегу когда-то,
Где я судьбу не разделил твою.

2

В тупик загнав, пытается меня, Распластанного,
доконать эпоха.

Но не исторгнуть на исходе дня Последнего – ни
стона ей, ни вздоха.

В пульсирующий мозг вонзая визг, Беснуйся же,
отродье бандар-лога.

Дом-крепость, одинокая берлога,
Надолго ли еще подполья риск?

Не знаю. Но с рожденья обречен Единоборству с
одичанья эрой

Тот, кто один. И вопреки химерам
Ее – да будет непреклонным он!

Ночь. Тишины благословенной чуду
Твержу, чужим созвездьям – есмь. И буду.

3

Кто полною ценой за избавленье
От власти зла – собою – заплатил
И нелюдскис одолел пути,
Минующие рабское смиренье,

Кому Господь в злосчастный день творенья
Предначертал проклятие идти
Под мертввой чередой чужих светил, -
Ночь каждую кляну и каждый день я.

В пророков немоте – моя вина,
За мой народ мне воздано сполна,
И с каждою зарею – меньше света...

Так будет ли, когда вокруг темно,
Мне моего созвездия сонетов
Сиянием – все искупить дано?

4

Благословенны – чудо тишины,
Даруемое ночи милосердьем,
И кроткие огни библейской тверди
Небес, и все несбывшиеся сны.

Чьему греху не знаю, чьей вине я
Обязан всем, что жизнь приберегла
Мне одному, - но в сердце все больнее
Вонзается холодная игла.

Благодарю за кару болью вечной,
За то, что мне, - куда бы я ни плыл, -
В лицо хлестал упорно ветер встречный,
За все пути к могилам от могил.

Ведь вопреки всему я не был нем
Там, где Бедламом стал мой Вифлеем.

5

Ребенком я, старинных книг вдыхая
Неуловимо горький аромат,
Познал – не обрести пути назад
Внимавшему, что ночь твердит глухая.

Что ж. Гул дневного бытия, стихая,
Там, далеко, и властно мне велят
Им вторить Голоса, и был бы рад
Во тьме стать вечным шепотом стиха я.

Но как, земное дотлевать в гробу
Оставив, за бессмертие судьбу
Благословлять, когда неумолима

Она ко мне с тех самых – давних – пор,
Как о моей – несбывшейся – любимой
Немых страниц не умолкает хор?

6

Уже не корчясь – пусть еще дыша –
Застыло изувеченное тело.
Что ж, плоть умерщвлена. Но нет предела
Тому, что может вынести душа.

Безумная, что бьешься ты, взлетая
И падая, и вновь стремишься ввысь?
Пойми: надежды нет, забудь, смирись
С тем, что навеки эта тьма – пустая.

Но пусть удел – отчаянье одно,
И пусть, пока дышу, я не надеюсь:
Ведь было, было мне “Domine Deus,
Voluntas tua” прошептать дано.

Да, в шепоте, минуя тьму пустую,
Беззвездную, - бессмертье обрету я.

7

Ночь. Тишины благословенной чуду
Твержу, чужим созвездьям – есмь. И буду.

Ведь вопреки всему я не был нем
Там, где Бедламом стал мой Вифлеем.

Да, в шепоте, минуя тьму пустую,
Беззвездную, - бессмертье обрету я.

ВЫСОТА

Корона сонетов

1 СОНЕТ К МУДРОСТИ

Авторитетов Оксфорда ль, Сорбонны
Равно предначертаньям далека,
Тай, о Слова звездная река,
Свои непостижимые каноны.

Пусть, руша или воздвигая троны,
Империи ведут счет на века:
Одна тобой рожденная строка –
Жемчужина, что стоит всей короны.

Так помня, что всезнания мудрей
В невоплотимой сущности своей,
Поэзия должна быть глуповата,

Творцом, а не ремесленником стань.
Лишь там, где алгеброю не разъята
Музыка – бытия живая ткань.

2 СОНЕТ К ФОРМЕ

Секундам ли, ударам сердца счет
На спринтерской дистанции сонета
Ведя, не суесловь: простится это
Кому-то. Здесь поэту – не сойдет.

Не по одежке – по уму почет,
Но мудрости, что кое-как одета,
Достойней избегать дневного света,
Пока ей Мастер платье не сольет.

Вперед! И пусть условие сурово –
До финиша все обретаешь снова...
Упруга плоть стиха и горяча,

Но если под рукою мешковато,
Что б ни было – трико или парча –
Не груди это юные... Там вата.

3 СОНЕТ К НЕВЕДОМОМУ

Когда в свои владения ночные
Вступает королева Тишина,
По улицам пустым идет она
Ко мне, и яви забываю сны я

Всплывайте же, о берега иные!
Пусть одиночка участи тесна,
Но явью становящегося сна
Жду – и моей несбывшейся весны я.

И вновь бессилья муку познаю...
Слепую тьму не озарят мою
Прекрасного Неведомого лица:

Ведь к таинству гармонии ключа
Нет. Как о ней тоскою не томиться,
Извечное проклятие влacha?

4 СОНЕТ К ИНТУИЦИИ

Пророчащих подстегивая прыть,
Ни истинны, ни ложны неба числа.
Мне ль, раз Весов застыло коромысло,
Неистолкуемое объявить?

Но молвил же свое «Быть иль не быть»
Перчаточника сын... И вот повисла,
Протягиваясь в Зазеркалье смысла
Над бездною, - светящаяся нить.

Иду! Но то, что знания мудрее
И мастерства искуснее, скорее
Всего угаснет, погружая в тьму

Всеобщей слепоты – или приснится
В сонета глубине мне одному
Неведомое стольким лжепровидцам?

5 СОНЕТ К ВЫСОТЕ

Кто, синью ледяной дыша с натугой,
Ползет в низины с горней высоты,
О Господи, - и тем даруешь Ты
Рапсодов по их меркам и заслугам.

Нет, лик Бессмертной ими не поруган,
И хор глупцов не исказит черты
Ее, хотя не терпит суеты
Поэзия – стремленья в круг из круга.

Какая высь! Но будет кто со мной
Над погруженной в сумерки страной,
Над всем, беззвучно там, внизу, кишащим,

Свою земную славящим тюрьму?
Не знаю. И шепчу себе все чаще:
Обречены все верить – своему.

6 СОНЕТ К ВЕРНОСТИ

Навеки Слово врезано тогда –
До отделенья тьмы от света – было
Во мрак пещерный каменным рубилом,
Пока учились убивать орда.

Но, Вечность, по пути из никогда
Туда же – ты о стольком позабыла...
Так что осталось от былого пыла
Былых творцов? Не помнишь? Не беда.

О преходящем хлопотать негоже
Нам: кесарево – кесарю, мое же –
Мне. Прахом стать любившие сердца

Обречены? К любви то славе вящей.
Остаться Книге Звездной без чтеца?
Надежду сохрани, сюда входящий.

7 ТЕРЦИНЫ

Творцом, а не ремесленником стань:
Лишь там, где алгеброю не разъята
Музыка – бытия живая ткань;

Но если под рукою мешковато;
Что б ни было – трико или парча –
Не груди это юные. Там вата,

Ведь к таинству гармонии ключа
Нет. Как о ней тоскою не томиться,
Извечное проклятие влача

Всеобщей слепоты? Или приснится
В сонета глубине мне одному
Неведомое стольким лжепровидцам,

Свою земную славящим тюрьму?
Не знаю. И шепчу себе все чаще:
Обречены все верить – своему.

Обречены? К любви то славе вящей.
Остаться Книге Звездной без чтеца?
Надежду сохрани, сюда входящий:

Ты – Слово, что не ведает конца.

... в размер его стесненный...
Пушкин.

«Суровый Данте не презирал сонета»,
Ему но слишком Пушкин предан был.
Что ж – почему не искусить судьбы
И мне взыскательнейшей формой этой?

Каноны – вековые... Но либретто
И музыка – мои: лишь если бы
Рабами воли не были рабы,
Свободного стеснить могли бы «вето»...

Простору Океана берега
Нужны: взметать прибоя брызги – в небе!
Не будь рука гранильщика строга,

Тогда б сияньем бриллианта не был
Алмаз! Чем келья бытия тесней,
Тем выше дух возносится над ней.

ИЗ ЦИКЛА «СОНЕТЫ С ПОНТА»

*Межу сарматских теней появится римская, будет
Вечно скитаться меж них, варварским манам чужда
Овидий, Скорбные элегии, III, 3, 63 – 64*

Над теми, коим несть и несть числа,
И копошеньем их безмозглой злобы,
И гвалтом, и зловоньем их трущобы
Судьба меня на крыльях вознесла.

Кто беззащитен, и бескрыл, и слаб,
Когда над нами – небо, небо, чтобы
Платить страданьем высшей – звездной – пробы
За смертный взлет святого ремесла?

Там, далеко внизу, скитаться тенью
Равно далекой розни ли, сплетенью
Теней сарматских было суждено.

И – отступая – дали горизонта
Плынут, и погружаются на дно
Тьмы – очертанья меркнущего Понта.

Сплелась моя – когда-то, где-то
В предвечной бездне голубой –
Судьба с твоюю, не с любой,
До Хаоса. До тьмы и света.

Века, просторы, сны – все это:
Гул городов, морем прибой, -
Чтобы зажег я над тобой
Огни всезвездного сонета.

О знаки неба! Сколько раз
Читал в сиянье твоих глаз
Я их благую весть о встрече

В неотвратимой череде
Миров грядущих жизней, где
Союз любви и Слова вечен.

Мой мудрый кот, собрат, коллега,
Хранитель рукописей, ты,
Как я, не терпишь суэты –
По кругу яростного бега.

«Вперед» - вот альфа и омега
Тех, кто безмозглые скоты,
Порастерявшие хвосты
В погоне за избытком «его».

Но ты со мной. С тобою я.
Ночь погребла в себе зверья
Двуногого дневные бредни,

Чтоб нашей крепостью наш дом
Был, где с тобою мы вдвоем,
О собеседник мой последний!

Л.З.

Алисы Кэрроловой профиль
И пажа бархатный наряд...
Но затаил прозрачный взгляд
Тоску немую по Голгофе.

Она с тобой, она в тебе –
Всеведенья, всезнанья пытка,
И нить давно уже не нитка,
И все уже: сродни судьбе

В мирах непостижимых «Комната», |
Где остановлен бег минут,
И время – вечность, и на суд
Последний Вещи нас зовут,
И все минует, ибо тут
Слова не сказанные – помнят.

Благодарю тебя за нить
Из лабиринта – в зазеркалья
Миров, за то, что твою даль я
Познал как «Быть или не быть».

ЛЬВУ КРОПИВНИЦКОМУ

Я говорю – вина ли в том вина? –
Что на двоих судьба у нас одна.
И, Млечного Пути сливая устье
С истоками, что нет у неба дна
Ты знаешь. И моя звезда видна
Тебе, раз нет на небе захолустья.

Плененные во тьме всезвездным бреднем, На
темном берегу – вновь я и ты.
И вновь судьбы искажены черты...
А все же – вопреки эпохи бредням –
Делиться нам вина глотком последним
И сопреживаньем Высоты.

Их тьмы, и тьмы, и тьмы,
Но есть на свете – мы.
И вечно наше «нет»
Тому, что – тьма. Не свет.

Так будь же нам, вечерняя заря,
Алее той, что, юности горя,
Была достойна нашей – львиной – доли! Что ж.
Межу нами, львами, говоря, –
Мы коротаем этот век не зря,
Хоть и на темных берегах неволи.

И меркнувшая даль былого,
И будущая чернота
Безмолвны. Как всегда – ни слова
О ней. Невоплотима та,

Чье на щеке моей дыханье,
Чья – пусть на миг – рука в руке,
Тверди, тверди моей тоске,
Что непреклонно мирозданье,

Что нет надежды на надежду
И путь к обрыву одинок,
О Господи! Как жалок между
Рождением и смертью срок!

Так я один – или нас двое,
И кто-то шепчет свое «нет»,
Гасящее все то – былое –
И впереди последний свет?

Немое красноречье книг –
Борьбу гордыни и смиренья,
Впивал все горше, что ни день, я –
Бессмертья мертвого язык.

Так было, было, было... Миг,
Остановивший звезд круженье,
И ты блеснул в пустыне тленья,
Животворящий мой родник!

О, даль неутоленной жажды!
В потоке времени нам дважды
Не быть. К тебе, мой Ручеек,

Мне не приникнуть? Был ты? Не был?
Исчез. Мелькнул – и вновь далек.
И беспощадны знаки неба.

*Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил.*

Петрарка, сонет LXI.

Благословенным не был год,
Ни час, пока тебя не встретил.
Но зрел, незримым светом светел,
Во чреве тьмы запретный плод.

Надежд моих, моих невзгод
Тюрьма пожизненная – эти ль
Затворы вечны? Двери – с петель!
И Млечный Путь свободы – вброд!

Обрызганная звездной пеной,
О Евы нагота, - вселенной
Познания добра и зла

Будь, в новом воссияв Начале,
Как некогда уже была,
Даряя многая печали.

ИЗ ЦИКЛА

СВЕТ

«Благословенны – час, день, лето...»
Благословен вечерний свет.
Как можно было жить без света?
Как – если света больше нет?

Палило солнце, молний блеском
Когда-то вспыхивала тьма.
Был щедростью их королевской
Я ослеплен, сведен с ума, -

Но, хоть и не в потемках прожит
Был век – все суeta сует,
Что гаснет. И всего дороже
Последний, предзакатный свет.

*Мы будем пить из одного стакана,
Как муж с женою – да? Рука в руке!!
О дьяволово измышление – старость.
М. Цветаева. Феникс.*

Грозит ее проклятье всем. Но полон
Мой кубок, и в руке не дрогнет меч,
И губы мне любви словами жечь,
А не молитвы шепотом бесполым.

Органным громом, арфою Эола
И сфер небесных музыкою – речь
Той, кто Судьба моя, над бредом встреч
Звучащая божественным глаголом!

Скажи мне «ты»! Из одного бокала
Как муж с женою пили мы так мало –
Рука в руке! Финал всему венец,
Но старости еще не вижу знака –
Когда кольцо мне бросить в Море Мрака,
С Немою обручаясь наконец.

«Суровый Дант не презирал сонета»
В нем Пушкин вдохновенье обретал...
И сквозь его магический кристалл
Такие дали виделись поэтам!

Как же не помнить и теперь об этом?
Как драгоценный зазвучать металл
Строк не заставить, чтобы Словом стал
Веков вовеки он, и стал бы – Светом?

Что ж. Таинство Творения – одно!
И будет без него мертвa музыка
Разъятая, как труп; беззвездным – дно

Тьмы одинокой, безысходной, дикой;
Поэзии – не будет! Не зови
Ее, не причаствшийся – любви.

Есть некая земля – где с Океаном
Сливается небес голубизна...
Но долго, вечный странник, я не знал
Как плыть мне к берегам Обетованной.

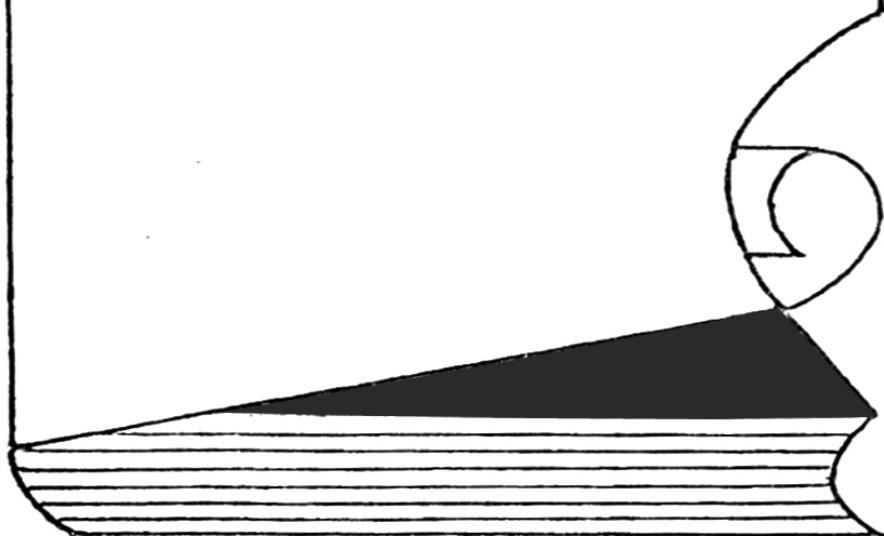
Молчание хранили груды книг,
Безмолвны были лоции и карты.
Лишь снилось: за Столбами ли Мелькарта,
В просторе ль том, что более Велик

Чем Тих – она, кого не быть не может.
О ком твердила тайная тоска,
Тебя, Обетованная, искал
Мечтатель – я – и знал: судьба проложит

В просторах неоглядных курс – к одной,
Кто, магии причастен единенъя
Слов, таинству нерасторженъя звеньев
Стиха, - бессмертье обретет со мной.

Я ждал, я ждал. И сбывшимся страданьем
Вновь берег надо мною темен, крут...
И звезды, вновь не зажжены, умрут
Невоплотившегося мирозданья.

ARS
MORIENDI

*To the onlie begetter of these
insuing sonnets,*

Mr. K. H.

Чей дух пленен, чье сердце полно светом,
Всем тем, пред кем сонет предстанет мой,
Кто мне раскроет смысл его глухой.

Во имя Госпожи Любви – привет им!

Данте, Vita Nova, III.

1

*Кто па путях к исвоплотимой цели
Знал крутизну непройденных дорог
И неосуществимое берег
В себе – душой, тоскующей о теле, -*

*Тот скудостью был вправе, пренебречь
Того, что суть божественную скрыло,
Полет провида в существе бескрылом,
В мычании немом – пророка речь.*

*Натура! Кости, сухожилья, нервы –
Пусть, все земное в землю и уйдет.
Подолом девка тротуар метет?
Возьми ее. Моделью – для Минервы!*

Есть твари. Есть творцы. Запретов нет.

Благодарю тебя за мой сонет.

ARS HERMETICA

Incipit...

Incipit vita nova.

Данте, Vita Nova

2

Что юности конца не будет – верь,
Едва зазолотится край востока...
Но долго ль будет суждено теперь
Мерцать моей планете одинокой?

О, над всесильем вечности смеясь
И тяготенье мрака расторгая,
С душой моей меркнущею власть
Над черной далью раздели, другая!

Мне, бросившему в бездну неба весть
И – жизнь за жизнью – ждавшему ответа,
Дано ли будет знать, что там ты есть,
Где нет уже ни темноты, ни света?

Чуть золотится край закатной тьмы...
Так во вселенной одиноки мы?

3

В просторах звездной пустоты блуждая,
Одной души две половинки, мы
Прощенья Зевса ждали в Море Тьмы:
Ведь, встреча неизбежна – знал всегда я...

Сменяясь, длились жизни и века.
В мелькающие взглядываясь лица,
Я помнил: это снится, только снится,
Но радость узнавания близка.

Все суждено, какие бы пути мы
Ни выбирали, прорезая тьму
Несбывшихся вселенных, потому
Что время и любовь необратимы.

С тобой, о юность вечная моя,
Богам бессмертным вызов брошу я.

4

*...и одеваху его ризами (многими),
и не согреващеся.*

Третья Книга Царства, I, 1.

Темнея, меркнет марево заката,
Ущельями ползет, густея, мрак...
И, розовым еще, уйти пора
В него вершинным осыпям и скатам.

И долгой будет ночь, и вновь, на дне
Ее – небес распахнутая книга
В которой раз поведает: ни мига
Пощады звезды не даруют мне.

Все было – юность, робость и отвага...
А вот удела нищих и царей –
Любви – лишен был я. Где ты, согрей
Меня, я леденею, Ависага!

К лохмотьям или ризам – не спеши
Тянуться: ими не согреть души.

5

*Могу ль уйти, когда все сердце здесь?
Шекспир, Ромео и Джульетта, II, 1.*

Звуча в бессонной глубине столетий?
Весть о тебе несла издалека
Любим посмертной каждая строка,
Завещанная вечности в сонете.

С тобою были мы, где свет заката
В сиянии последнем не иссяк,
Но вестником крылатым белый мак
Был в клюве принесен уже, Beata.

Лишь о тебе победно, нежно, гордо
Альт и рожок мне пели, навсегда
Венчая нас – до Страшного Суда –
Божественным бессмертием аккорда.

Но где ты, где? И перед вечной тьмой
Жду, верен лишь тебе. Тебе одной.

6

Мой дом, обитель нерожденных душ
И моя крепость! Тихо, как в могиле.
Одно барометр за патиной пыли –
Великую показывает сушь.

Под серою трущобной скорлупой
Незыблемого прошлого порядок.
Таят ряды томов миры загадок,
Чтобы вперял в них Данте взор слепой.

Лишь раковин тропических извины,
Далекого прибоя гул храня,
Все уверяют шепотом меня,
Что некогда мы тоже были живы.

Да лорд Хранитель Рукописей – кот –
Нем и недвижен, все кого-то ждет.

7

Мой город мертвцевов, который раз
Стою я в одиночестве безмолвном
У стен из книг, у книжных башен, словно
Последний луч над ними не угас...

Как будто не руины мой некрополь
В слепой пустыне непроглядной тьмы,
Как будто можем, смеем помнить мы
Немые эпитафии Европы.

Кого же по развалинам твоим,
О Город Книг, к святилищам забытым
Вести, кому на полустертых плитах
Читать о том, что был – и сгинул – Рим?

Один, один в конце земных путей,
Кого я жду в предсмертной темноте?

8

Какая затаившаяся мощь
За крутизою книжных бастонов –
Окованная вечность миллионов
Миров, готовый хлынуть звездный дождь!

Мгновенье – и, срывая путы, Дух
На языках все новых дней Творенья
Заговорит, и мне дарует зренье
Всех видевших и всех внимавших слух;

Мгновенье – и взорвется тишина
Над ждущей наготовой морей и суши,
И в хоре сфер сольются наши души,
Разлуки боль испившие до дна...

О мертвый город, город мертвых книг,
Что темнота глуха и нем язык?

9

Заговори со мною, тишина,
Прошелестите, мертвые страницы
Безмолвных книг, о том, что вечно длиться
Беззвездной бездне. Тьме без звезд. Без дна.

Что где-то там восходит, и к закату
Склоняется светило, и встает
Вновь; что приходит и проходит род,
Наверное, и ныне, как когда-то;

Что сеять время истекло. И жать.
Любить. И ненавидеть. Бесполезно
Все: вздрагивать при каждом стуке. Ждать
Или не ждать во тьме беззвездной бездны.

И полночь бьют часы. И тишина
Молчанья безнадежного полна.

10

Рассвет. Еще одной бессонной ночи
Исход – и толчая тупая дня
Таящего безумье ждет – меня,
Но каждый черно-белый все короче

Виток спирали... Где же ты, где ты?
Ведь над последней бездною повисла
Душа, уже не видящая смысла
В том, что судьба не терпит пустоты,

И дни, все беспощаднее мелькая,
Летят над крутизной, и ты одна,
Кого мне жаль за то, что боль такая
Не будет больше никому дана.

Земли и неба стены все отвесней:
Виток... Еще... Конец. Словам, не песне.

...vita novissima

И мною стали тайные Слова...
Ars moriendi, сонет 11

11

Минувшего забытые могилы.
Неразличимы даты, имена...
Что ночь всеодичания скудна
Не смеем знать. Ни помнить то, что было.

Но верил я: дано в сиянье Льва
Мне звездного услышать шепот зова.
И крепло всемогущество былого,
И мною стали тайные Слова.

Что ж. Было суждено, во тьме глубокой
Над миром духов обретая власть, -
В любви моей, тоске моей, так пасть,
Чтобы возвзвать: «conjuro... posco... voco...»

Мощь беспощадна магии: со мной
В стиха ты жизни – вечной. Не в земной.

12

Как дьяволом, стихами одержим,
И я таю благословенье это,
Чтобы, дневного избегая света,
Во тьму брести всему и всем чужим.

И к славе моего владыки вящей
Нести вдобавок обречен во мрак
Любви клеймо – костер сулящий знак,
Sigillum diabolicum горящий.

Мне, видно, суждено, соединив
Две тайные, запретные науки,
Молчать о том под страхом смертной муки,
Пока – хотя бы и в аду – я жив.

Miracula – одним, natura – всем...
Люблю. Творю. Пусть нелюбим – и в нем.

13

Я не дерзнул бы взяться за перо,
Не смея Хаос и Творенье петь,
Хлябь океана и земную твердь,
И звездное кружение миров.

Тот не поэт, кто скалы, как Орфей,
Не двигал, ярость бурь не укрощал.
Поэзия – Давидова праща
И цитра: так разить и славить – смей!

То не любовь, что музыкою сфер
Во всей моей вселенной не звучит.
Лишь вечности не знающая мер
Дельфийские не замутит ключи.

Все – или ничего! Лететь – так рея
С Благословенной выше Эмпирея!

14

Как часто не хватает нам ума,
Таланта, мастерства, и только чувства –
С избытком – Кто, как не Любовь сама,
За облака взнесла мое искусство?

Не торопи безумия слова:
Восторга взлетов, пафоса падений,
Недоуменно узнаем едва –
Назавтра мы распластанные тени.

Что ж, бытия трепещущую плоть
В объятьях не сжимая, не целуя,
Ударом точным скальпеля вспороть,
Разъять, отпрепарировать – могу я!

Чернилами с успехом и не раз –
Не кровью сердца – я писал экстаз.

15

Вы не были, о нет, мои стихи,
Божественной невнятней пророков.
«Поэт немилостью?» Что ж, близость сроков:
Чужие руки? Пламя ли? Архив?

Но хуже – что от сотворенья мира
Искали воплощения Слова,
А я был недостоин их, едва
Шаг вперед уйдя – от Кантемира

К «realiora» ... Лишь полуимиры –
День разума, ночь смутных сновидений.
Без свеч игра – что свечи без игры,
Так слил я воедино свет и тени?

В поэзии – как и в любви моей –
Беспечней, мудрость, будь; печаль – мудрей.

16

Поэзия – бессмертия залог;
О вечности – все помыслы любви.
И я, один во всей вселенной, смог
Рассыпать страстный шепот их: «живи».

Но сущему во гробе мрака, мне
Жизнь без конца даруют ли они,
Где в бессловесной темной глубине
Обречены угласнуть все огни?

Единственное слово, зазвучи,
Из Хаоса надеждой рождено,
И плотью стань! Разлучены в ночи,
Сольемся ли с тобою мы в одно?

Нет: все, что не молчание – то ложь,
И не в моих объятьях ты зачнешь.

17

Ночь погрузит в слепую глубину,
Где нечисть ямы черной копошится,
И снова будет мне все то же спиться,
Что я ни яви не вверял, ни сну.

В могильной тьме нащупываю кости,
Труху, гнилье, скользящих тварей слизь.
Ползи наверх, живой мертвец, молись
Во власти мрака и его охвостья.

И пусть тугие кольца оплели
Отчаянья, и тянут вниз, и душат, -
Карабкайся, не замирай, не слушай
Глухого хрипа голосов земли,

Пока любви твоей лазурный свод
Еще один сонет не распахнет.

18

То, чего нет, напрасно я искал.
Всю душу в исступление немого, -
Отчаяньем объят, - вложил я зова,
И тщетно все. И смерти пуст оскал,

Чтобы ночей моих бессонных бредом
Безумная – всегда одна и та, -
Как нож, в меня входила бы мечта
О той, одной, кем я на муку предан.

Вот – новую во тьму врезая боль,
Последнее дыханье выпивая,
Она мной прозревает – и слова я
Шепчу, что вне и замыслов, и воль.

И отступает мрак – во мраке этом,
Фосфоресцируя, растет кристалл сонета.

19

*...мне не след
скорбеть при всех, но в тайне, как обычно.*
Пetrарка, сонет XVIII.

Чем ни была бы ты, любовь моя, -
Мученьем тайным или тайны мукой,
Но кляп во рту, и выдавить ни звука
Под страхом смерти не осмелюсь я.

Судьба – заплечных мастер дел – позволит
Навряд ли и последнее «прости»...
О только бы не выдать стоном боли,
Как в памяти за костью кость хрустит.

Не ведало влеченье о страсти,
А страстью не была вознесена
Душа до неба звезд, когда она
Провидела уже, в чьей будет власти.

За что же волей палача – судьбы –
Молчанья пытке обречен я был?

ARS VITAE

Mundus Subterraneus

Apparuit iam beatitudo vestra.

Данте, Vita Nova, I.

20

Пренебрегая наготою тел
Прекрасных, горд презрением своим,
Когда-то я, богов любимец, им
На их Олимпе вызов бросить смел.

Забыв, как смертных быстротечны дни
И радостей земных недолог миг,
Я в тайны небожителей проник,
Желая знать – всеведущи они?

И вот в Аиде я – во власти мук
Неутолимой страсти – навсегда.
Скользит от пересохших уст вода,
Плоды уходят от простертых рук.

В бесплотности прекрасной наготы,
Любовь моя, удел Тантала ты.

21 Сны

Когда так называемые лица
Прохожих канут на исходе дня
В небытие – что будет ждать меня
Где может все – хоть и во сне – присниться?

И вот уже под утро, миновав
На этот раз чистилище бессонной
Тоски, я уношу с собою в лоно
Забвения – заветные слова.

Но снится – что не молод я.
Что нет Тебя там, где гримасничают вещи,
Где падаль. Змеи. Мертвцы. Зловещий
Хор обратней... Все. Конец. Рассвет.

Холодный пот, боль в сердце. Не зову,
Да и кого? Теперь – сны наяву.

22

Ночами бредя той, кого люблю...
Петрарка, сонет LXII.

Пока рассвета мутное сегодня
Моторов ревом в окна не вползло,
Всей череды вчера слепое зло
Да властвует во мраке преисподнем.

Но тупости всесилью вопреки
Ведь следовать последний должен кто-то
По тайному пути Гермеса – Тота –
Безумья моего, моей тоски!

Что ж, пусть – ни слитков золота, ни славы,
Раз в манускриптах стерт важнейший знак
И этих строк бессилен териак
Перед любви искрящейся отравой, -

Шептать, шептать бы до рассвета в тьму
О том, что жить, любить мне – одному.

23

Какой неумолимой ты была,
Судьба моя, какою непреклонной
На всем пути моем – во славу зла –
От Иерусалима к Вавилону!

Мог ли я знать, что вечным будет плен
И что из одиночества Исхода
Нет, - обречен, бредя с чужим народом,
Вдыхать пустыни Сенаара тлен?

Да, был веков вовеки бесконечен
Путь к рабство – зной и пыль, и пыль и зной –
О горькая тоска о той, одной
Во всей вселенной, с кем не будет встречи...

Но я любил – наперекор судьбе –
Тебя. Или мою любовь к тебе.

24

Мелькая, ночь за ночью, день за днем
К последней тьме влекут неотвратимо.
Взойдет ли в небеса столбами дыма
Век, серой проливаясь и огнем,

Опережу ли я его – пока что,
В замедленный вплетаясь хоровод,
Скользит, беззвучно разевая рот,
Неузнанный – знакомый смутно – каждый...

Диковинно искажены черты,
Нестройны звуки, жесты непонятны,
Все мертвенней слепого света пятна,
Бессмысленней потуги темноты.

Но тайна смысла, сути бытия –
Со мной. Во мне. И то – любовь моя.

25

Когда? Когда? Не вспомнить мне сейчас.
Но разве у любви начала нет?
Навек она соединила нас,
Когда Господ изрек: «Да будет свет».

Уже не ждал, уже не верил я,
Забыв, что дням Творенья нет числа...
Где неба и земли сошлись края,
Ты на коленях вечности росла.

И новых красок, звуков и имен
Мир изумил меня, и я познал,
Ликуя, - юн с гобою вместе он,
Бездонна надо мной голубизна.

В последний день и на исходе дня,
Бессмертьем одаришь ли ты меня?

26

...возвратиши в землю, от неяже взят еси...
Быт. III, 19.

Не ждал уже, не верил я, в веках
Моих скитаний помня об одном:
Вкусить от древа жизни не дано, -
Пока ты шла ко мне издалека.

И где растить обречена земля
Одни волчцы и тернии была,
Плоды открылись вновь добра и зла
Мне, давний ужас искушенья для.

Нет, моя Ева, жизнь моя, тебе
Их терпкости отведать не со мной.
Невинность наготы, Эдем земной
И все что дальше – лишь в твоей судьбе...

Ты – бесконечность ликов и имен;
Земля – мне: от неяже сотворен.

27

Когда любая гнилью пахнет снедь,
И глохнут говорящих голоса,
И с каждым оборотом Колеса
Тусклее угасающая твердь,

Когда и день не день, и ночь не ночь,
И немота уже невмоготу,
И, подступая, кровь уже во рту,
И дохрипеть последнее невмочь,

Когда ты рухнешь па колени в грязь,
Где зеленела некогда трава,
И мертвеецы невнятные слова
Зашепчут, за спиной твоей теснясь, -

Одно все это значит: в мире зла
Жизнь твоя жизнью без любви была.

28

За что я каждой ночью осужден,
Спускаясь к темным берегам потока,
Вновь умолять о милости жестокой:
«Возьми меня в ладью свою, Харон»?

Судьбу о милосердии моля,
Я не Эдема жажду, но Эреба,
Раз не было благим чужое небо,
Благою эта не была земля.

Но стоит ли твердить себе: «Иди,
Иди во тьму», - чтобы за краем света
Девятый круг девятого сонета
Изменою меня бы наградил?

Минойский мрак ли, элисийский свет
Тебя, любовь моя, со мною нет.

Тогда

Дай жизнь и мне!
Ars moriendi, сонет 35.

29

Судьба, какими далями ты шла
И сколько поколений – и ни разу
Не усомнилась, что сгорят дотла
Все звезды Улугбека над Ширазом!

Провеял роз Маранда аромат
Над мертвыми следами караванов.
Что нам уже не повернуть назад,
Судьба моя, так вспомнить было странно...

И кажется, что вечным был мой плен
Служения той – нежной и жестокой –
В чьей памяти не я запечатлен
Курсивом нашим, вязью ли Востока.

Как беспощадно одарен судьбой
Я этой мукой счастья быть с тобой!

30

Абу Нуorra был и да будет мне
Свидетелем: вся мудрость Афлатуна –
Ничто, когда подобны бедра лунам,
Чье полнолуние в беспощадном сне.

Но, бороду когда-то теребя
Над свитком Сулеймана ибн Дауда
(Мир с ними), – я шепнул при виде чуда:
«Ты не от нас, и мы не от тебя».

От всех – и самого себя – тая,
Что и меня беспамятство покрыло,
По-прежнему ничтожное мерилом
Рабов, глупцов и женщин мерю я.

Тверди же мне, о Горечи Отец,
Что между бедер тех – судьбы венец...

31

Агриппа Неттесгеймский полагал
(«*De occulta Philosophia*»), что демоны огня
действуют на ум, земли – на тело.

Эпиграф-примечание Автора.

Тогда – весною – мертвый среди мертвых
Я древних свитков повторял – едва
И посвященным внятные – слова,
Вливая тайны знаков полустертых,

Но не внимали демоны огня
Мольbam, веленьям, троекратных «*veni*»
Заклятиям – чтобы в одно мгновенье
Ты приобщила к волшебству меня

Вот этой чуть косящей, диковатой,
Черней Эреба чернотою глаз –
И, корчась, обступили духи нас –
Земли, а не огня. Весной. Когда-то.

Но все круги начертаны давно
И нам переступить их не дано.

32

Что о глухие своды бьется дух,
Безумием надежды одержимый,
Что не уйдем из одиночек лжи мы –
Тебе открыться слов я не найду.

Но если спазме, что мое сдавила
Немого хваткой горло, вопреки
Сумею шепот выдавить тоски
О Той, Кто движет солнце и светила,

То сможешь – не без любопытства – внять
Причастью благодати сокровенной,
Неведомой пока твоей вселенной,
Чтобы другому знание отдать.

Да не падет благая весть во тьму,
Где звездные слова – мне одному.

33

Тогда сыны Божии увидели дочерей

человеческих, что они красивы.

Быт, VI, 2.

Последним память смутную хранящий
О мудрости надзвездной высоты,
О тех, кто женщин полюбить – как ты,
Земных – посмел, я думаю все чаще.

Обмолвки Пятикнижия невнятны
О падших сыновьях, тех – до Христа,
К темноту апокрифов стократно
Усугубит запретов немота,

Но, вопреки служащим твари паче
Творца, последний из потомков тех,
Чьего всезнанья разделяю грех,
Я знаю: дух протеста не растрчен.

Так что же кару неба помогли
Забыть не всем вы, дочери Земли?

34

За что в неистолкуемо жестоком
Всеведенье каюя вновь и вновь,
Господь дарует на исходе срока
Мне тайную и горькую любовь?

Всю вечность ждать, Не обрести. Без слова
Уйти: о, юность, так ли я убог,
Чтобы к тебе еще тянуться мог,
Как Лазарь возле пиршества чужого?

Волна волос, и блеск минутный глаз,
И плоть, так жадно жаждущая плоти
Не той, так этой – да, в моем полете
Я бредил кайниткою не раз...

Что ж, откровений неба не ценя,
Предаст она другого, не меня.

35

С тех пор, как, мрамор, мрамором ты стал
В тебе, ни тьмы не ведая, ни света, Полупрозрачной
тяжестью одета,
Прекрасная сияла нагота.

Пусть в море винноцветном к Островам
Былого нет путей: таилась в камне
Ты – и звучали долгие века мне Пеннорожденной
внятные слова.

Теплея, дрогни под моей рукой, Вздохни, о Галатея,
- и нарушу
Запрет богов, даря плоти душу,
И с давнею рванусь к тебе тоской...

Дай жизнь и мне! С улыбкой в блеске дня Иди! Идет,
не глядя на меня.

36

Так долго биться было суждено
Над глыбою, во тьме белевшей звездной.
И мрамор юной плотью стал: не поздно... Творенье
дышит, вздрогнуло оно...

О, созданная для любви, при свете Звезд в ночь
Грехопадения иди
С улыбкой, рук простертых не заметив Моих, - да
буду я один. Один.

Пусть, обреченный Искупленья муке, И я – Творец
– познаю глубину Отчаянья, создавший лишь одну
Тебя в своей вселенной – для разлуки.

Тебе – живой, мне – мертвым навсегда Быть в
вечности, не знающей Суда.

37

Еще закат последний не угас,
Когда узнал я, что причастен буду Судьбой нежданно
явленному чуду Раскрытых в детском изумленье глаз.

Не оттого ли, хоть огнем и не был Блеснувший на
мгновенье ручеек
Живой воды – но ослепить он смог
Меня пыланьем отраженным неба?

И мрак твердит, что ты была одна,
Что больше нет, не будем больше света.
И жажду я, и знаю: жажда эта
Не будет никогда утолена.

Бреду во тьму. Стою. Без ожиданья
Услышать, Ручеек, твое журчанье.

ARS MORIENDI

Далеко от Эдема

И изгна его Господь Бог из рая сладости...

Быт, III, 23

38

Когда-то в угасающем сиянье
Созвездья Льва мне неблагую весть
О том, что невозможно душ слиянье,
Я помню, было суждено прочесть.

И пусть во млечном сумеречном рое
Порою вспыхнет звездной встречи свет –
Лишь мне с моей единственной, одною,
Не встретиться во тьме вселенской, нет.

О милосердье слепоту молю я
Напрасно... Темноглаза и смугла,
О ночь моя, что обрести, ликуя,
В объятиях рассвета ты смогла?

Но – круги нам своя или круги –
Все юный день тебе, а мне – ни зги.

39

Ты – соприкосновение миров,
Редчайшая в просторах тьмы удача,
Хоть звездный мрак и был твердить готов,
Что знаки неба ничего не значат;

Ты – горечь: без конца, за годом год,
К мерцавшим в пустоте неумолимой,
И близившимся, и скользившим мимо
Огням чужих планет был мой полет;

Ты – смерть. Ты – причащение бессмертью,
Любовь! Но ужас глубины без дна
Изведан, и не мне – как смею сметь я –
Сулят иное неба письмена.

Неверию платил так долго дань я,
Что не был удостоен узнаванья.

40

Бесчисленные завтра, завтра, завтра...
Шекспир, Макбет, V, 5.

О мертвые мои, напрасно к вам,
Чьи лица в темноте едва видны,
Один тянусь еще из глубины,
Пытаясь вспомнить детские слова.

И чтобы вовсе не было кому
Позвать меня когда-нибудь во сне,
В бессмертии отказываешь мне
Ты, обрекая навсегда на тьму.

Всех этих «завтра, завтра, завтра» - день
За днем плелась шажками череда,
Пока неумолимым «никогда»
В твоих глазах не промелькнула тень.

И меркнет свет. И на исходе дня
Не будет больше света для меня.

41

Исход из темной одиночки «я»,
Невероятной вероятность встречи,
Причастье бытия, чей бесконечен,
Безмерен круг – все ты, любовь моя!

И неосуществимость полноты
Соединенья, сопреживанья
До глубины последней мирозданья,
До смерти и бессмертия – все ты!

Пусть ярче всех – вечерняя звезда
Сияющая в холода пустыни
Безмолвии, – и этот снег остынет,
Чуть слышным умолкая «никогда»...

Земля дала мне жизнь, а небо – Слово
И звездное не обрело земного.

42

Дарующей бессмертие любви
Небытия неведом будет страх
И претворится Слово в плоть, размах
Сатурновой косы остановив,

Лишь только, расторгая немоту
Страны немых, не буду я немым,
Лишь память, что когда-то были мы
Одним – единственным – целым обрету.

Нет. Ей не вспомнить, что душой одной
Мы были, и взвывать из глубины
Напрасно к ней: навек разлучены
Я, кто был ею, с тою, кто был мной.

Не узнан... Слово Слов, о мой сонет,
Спасение ли твои строки? Нет?

43

Чему не сбыться и что не сбылось –
Не отступают от меня, каючи
За ночью ночь и день за днем из рая
Изгнанием... Земную сдвинуть ось?

Остановить, вспять обратить движенье
Миров? То, чего не было – вернуть?
К тебе ли, от тебя, но каждый путь
Сулит неумолимо пораженье.

Приди. Распни, измучай, иссуши,
Пытай – словами, музыкою, светом,
Сожги, но – будь! Несбыточное – это
Не плоти умерщвление – души.

Но пуст и темен мир: в его начале
Слова «люблю тебя» - не прозвучали.

44

Бессильно день за днем, за ночью ночь –
Внимаю жизнью смутному отливу.
Ребенок, мальчик, юноша – точь в точь
Каким я был – во мне, быть может, живы?

Нет. Я был ими, но не стали мной
Они, оставшись в первом полувеке,
Хоть вместе мы верны любви одной,
Ей причастившись в час творенья некий.

Что ж, из Эдема изгнанный – не с ней,
Один – в чужие взглядываюсь лица,
Раз в молодости чьих-то сыновей
Не суждено мне будет повторится.

Был рай – уже не помню. Сон ли, бред,
Но древа жизни не было в нем, нет.

45

Темнеет запад. Сумерек слепое
Объяло равнодушие меня,
И в Море Тьмы ни одного огня,
И берег пуст за линией прибоя.

Ни мужества признать, ни воли нет,
Что никогда причастен я не буду
Последнему во всей вселенной чуду –
Любви, - следя, как угасает свет.

Так эта истязующая сила,
Дурман, и бред, и сладкой муки хмель, -
Когда безумна беснованья цель, -
Всем, что судьба послала мне, и было?

Ночь. Знаю, мертвым и живым далек:
Не посветлеет никогда восток.

46

И я блуждал в пустыне сорок лет,
Земля обетованная моя...
Просторы неоглядные, тая
Тебя, твердили год за годом – «нет».

Но было на вершину мне взойти
Дано, и пусть изнемогала плоть,
Долины ханаанские Господь
Простер передо мной в конце пути.

И зазвучали в сумерках Слова:
«Я этою страною клялся – что ж.
Смотри и знай – в нее ты не войдешь», -
И смолкли. И померкла синева.

Любовь, так поздно я обрел тебя,
Что умереть – не жить – готов, любя,

ARS MAGNA

Все о Змие

Идет к концу, пора считать минуты...
Петрарка, сонет CCCLXI.

47

Свой путь земной пройдя до половины
И много дальше, странником в ночи
Блуждающим, довольно изучил
Я преисподней гулкие глубины.

И слишком поздно было мне дано
Познать, что на путях к земному раю
Благословенной имя повторяя,
Ее не обретя я все равно.

Отчаянье таилось, долго зрея:
Пусть не сиял с утра мне Люцифер –
Вечерний Веспер меркнет в хоре сфер,
Пронизанном мечтой до Эмпирея...

Но – канут, раз душа обречена
Ей, - небо и земля во тьму без дна?

48

Иди – встают, асфальт разворотив,
Цветы, благоухая, за тобой,
И зреют все плоды, и шаг любой –
К неведомому на твоем пути.

И обещает взглядом долгим день –
Твой день – все, что смущением томит.
Ты в сумерках сближаешь с тенью тень.
Чтобы со вздохом шепот был бы слит.

Безмолвию и слову только ты
Даруешь смысл, касанью робких рук –
Дрожь предвкушенья: о, как не прости
Твои мгновенья радостей и мук!

Лишь для меня земля уже мертвa,
Бессозвездна тьма, бессмысленны слова.

49

С улыбкой Боттичелевой Весны
Рассыпала цветы сама судьба
Где ты ступаешь; льнут плоды к губам,
И тайные тебя смущают сны.

Все – чтобы я с отчаяньем искал
Спасения: когда, в конце концов,
В остывшей колбе Камень Мудрецов
Сверкнет и смерти отвратит оскал?

С Востоком Запад, небеса с землей
Сойдутся, день Творенья с днем Суда,
Но только мне, любимая, с тобой
Не быть – с тобой не быть мне никогда.

Ты дереву сухому зацвести
Позволила однажды. И – прости.

50

Что изменилось, что уже не то
Во всем, раз отшатнуться от меня
Стремишься ты невольно и готов
Возненавидеть я сиянье дня?

Что, прикоснувшись ледяной рукой
К моим вискам, посеребрило их?
Моливший о бессмертии с тоской,
Читаю приговор в глазах твоих.

Одна душа – единственная, плоть –
Единственная, и не быть другим,
Не быть рассвету моему: ни зги,
А Бога до утра не побороть.

Благословенья мне в грядущем нет –
Вот беспощадной юности ответ.

51

Последние не даровали боги,
Чье тайное прибежище – мой кров,
Бессмертья мне, - и в музыку миров
Ты нотою врезаешься тревоги,

О молодость, приснившаяся мне, -
За жизнь, которой не было, награда
Посмертная – страданье, не отрада, -
И знаки звезд искажены во сне,

И мертвых книг померкшие страницы,
Смолкая, шелестят: «Молчи, молчи,
Обретший высшей мудрости ключи,
Чтоб юность над гобой могла глумиться».

Что ж, боги вместе с нею – и не зря –
Смеются, смертным вечное даря.

52

Всю жизнь я верил в то, что далеко,
И не мечтать учился об ответе.
Повей же мне из стран, что за Рекой,
Цветущих яблонь ароматом, вечер.

Свершается – и совершился Суд
Над тем, кто Искусителем когда-то
Не стал, и от аль-Гарба тьмы – заката –
Теперь «стихи спасенья» не спасут.

Пока тебе нагая Ева снится,
Спи, яблони бесплодной ствол обвив.
Все сгинуло: Эдема небо, птицы
И твари райских кущ, а Змий все жив...

Не сказанные ей твержу слова я
Один, сухое древо обвивая.

53

Любовь, что движет солнце и светила.
Божественная комедия, Рай, XXXIII, 145

Неведомая прежде глубина
Мне смутно открывается в страницах
Столетий: леди смуглая она
Сонетов – право, это мне не снится.

Пусть не было ни словом суждено
Мне над провалом темноты и тленья
Признаться ей в единственном, одном,
Что наконец познал я с изумленьем,

Но, горд за всех, кто мной уже в веках
Был, раз одной мне молодости мало, -
Скажу: ты не добра, не жестока,
Что горечи молчанья не внимала.

Ведь та, что движет звездами, не мне,
Не нам зажгла их в смутной глубине.

54

Былых вещей бесплотные названья,
Линялой декорации холсты,
Завесившие дали мирозданья,
Затверженность речей, - давно пустых;

Бессмыслицы, венчающей бесцелье,
Замкнувшийся в себе круговорот
Ублюдочного – где наоборот
Все – мира мнимых дел или безделья

И, оборвавший нити, я – среди
Всех дергающихся марионеток –
Уже недвижный... Оттого все это,
Что больше нет тебя, что я – один.

Аплодисментов нет, как и сомнений:
Я отыграл свое на этой сцене.

55

*Мне зеркало сказали напрямик:
«Твой взор потух, твои скудеют силы...»*
Петрарка, сонет CCCLXI.

*Как в зеркало глядясь в твои черты,
Я самому себе кажусь моложе...*
Шекспир, сонет 22.

Мне зеркалом служа, сонет Петрарки
Шепнул: «Уже осыпался песок
В твоих часах, и на исходе срок –
Жизнь дописать готов ли без помарки?»

Смириться? Но ведь молодость сулят
Мне в зеркале ином Шекспира строки...
Любовь, - о бард, мне близкий и далекий, -
И бег созвездий обратит назад!

Да, песня лебединая не спета,
И ранит красота как никогда,
И если отразит стекло года, -
Я разобью его! Пусть к смерти это:

Неведомы тому ни прах, ни тлен,
Кто в Слове навсегда запечатлен.

Грехопадение

*И ныне да не когда прострет
руку свою, и возмет от древа
жизни...*

Быт, III, 22.

56

Круговорот размечен бытия
И врезаны во тьму круги планет
Навеки. Что же смене зим, и лет,
И зим не внемлешь ты, любовь моя?

Когда садов цветением весна
Вскипала – где была ты, где была?
Что шепчешь мне, когда в преддверье сна
Бела равнина снежная, бела?

Умолкни, зов бессмертья, не звучи,
Стань темнотой, молчаньем, тайной тайн.
О смируйся – и отпущене дай –
Нет не грехов – безгрешности в ночи.

Дарует юность, юности – не мне –
Все, что да не приснится в смиренном сне.

57

На многих полках выстроившись чинно,
За свитком свиток, том за томом, ряд
За рядом – обступив меня, молчат,
Попахивая дружно мертвениной.

Что приумолкли вы, потемки лет
Моей тоски несбыточными снами
Наполнившие? Так побудет с нами
Она хотя б минуту – или нет?

Придет. Промолвит, разжимая губы
Едва, к нам головы не повернув,
С гримаской скуки пару слов, и – «Ну,
Пора мне ...» Все. И дорого и любо.

Пергаменты мои! Так снова, значит,
Бессмертие премудрости телячьей?

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ

Смотри – сияет храма звездный свод,
Объявший лабиринты темноты.
Дай руку. Все уходит. Все уйдет.
Останемся навеки – я и ты.

Нет. Знаки мне горящие сулят
Бессмертье непроизнесенных слов,
Тантала муку – безысходный ад
Все новых жизней без тебя число.

В Гермеса древнем шепоте дано
Расслышать ли тебе – пока восток
Не посветлел – хотя бы то одно,
Что твой Овен неистов и жесток?

Знай: генитуры круг вещает нам...

Кого ты ждешь, косясь по сторонам?

Иди со мной в готический простор,
Струящимся пронизанный сияньем.
Нас окрылит и вознесет собор
Сквозь девять сфер под своды мирозданья.

Из глины – или моего ребра –
Сотворены, мы станем высью, светом
И мессою, и, наконец, сонетом
О вечности Святых Даров добра.

Иди со мной – и памяти столетий
Всевластьем Слова причастишься ты.
Бессмертие за краем темноты
Я обрету в тебе, а ты – в поэте...

Бог мой, кто там, в толпе? В начале Дня
Творенья – с кем уходишь от меня?

60

Бог сотворил тебя – глаза твои,
С моими избегающие встречи,
И твои губы (мук Тантала вечен
Ад, как страданье гордо ни тай).
Не Созиадатель, Демиург, Творец –
Соавтором я стал Его творенья,
Дав плоти душу, озарив прозреньем
Ее, открыв ей Слово, наконец.

Когда же вдохновенный будет наш
Труд завершен, ты всё, чем одарили
Так щедро мы тебя, всё, что любили
В тебе – кому-то третьему отдашь.

Дай бескорыстно Твоего добра
Внять, Господи, когда придет пора.

61

Как было странно после стольких лет
Мне в яблоке увидеть, что повисло
Меж небом и землею, столько смысла, Прекрасно
помня: этого в нем нет...

Как, заповеди вняв Твоей, не знать я
Посмел тогда, что не придет пора
И мне вкусить плодов зла и добра,
Что вечно одиночества проклятье?

В земном раю из листьев и цветов
Готово ложе для прелестной пары,
И за ее грехопаденье кары
Господь уже мне даровать готов.

Зело прекрасен плод Едемской чащи,
Добро одним, а мне – лишь зло сулящий.

62

К его руке твоя скользнет рука,
И губ твоих его коснутся губы.
И наслажденье нежно, властно, грубо
Распнет мое страданье на века.

Нет, никогда того, что тыме бессонной
Я до конца доверии, бы не смог –
Не обрету: судьбы не будет лоно
Благим вовек, благоухай цветок.

Да как я мог, пожизненным томимый Отчаяньем,
проверить хоть на миг,
Не вняв молчанью ветхих моих книг,
Что не пройдет она к другому – мимо?

Отвергнет бытие не тех – двоих:
Меня оставит вне кругов своих.

63

Молчанью стен – безмолвию камней,
Пророков велеречию немому
И неба нарастающему грому
Внимал я, помня о Последнем Дне.

Но, вопреки свечению зловещих
Планет, косноязычью темных книг,
Не веря самому себе, постиг
Я: луч надежды все еще трепещет...

Не возвратится, возвратится прах
Во прах, сольются где-то чьи-то губы,
Плоть – с плотью в страсти судороге грубой –
Откуда мука эта, этот страх?

Ведь не в стране Обетованной мне,
Кончаясь, отвернуть лицо к стене.

64

Не видеть, как ее темнеет взгляд,
Пусть никогда с моим не ждавший встречи,
Как слов – пусть ни о чем – ручей лепечет
Не слышать – что за пытка, что за ад!

Но во сто крат мучительнее знать,
Что – рано или поздно – кто-то, где-то,
Когда-нибудь – из тех, что с края света,
Из тех, чья здесь неисчислима рать, –

Не ведавший отчаянья, таимой
Тоски веков сонетной глубины,
Ее – о как пути судьбы темны –
Осмелится назвать – своей. Любимой.

Что ж. Моего бессмертия удел –
То, что над пылом и над прахом тел.

Искупление

*С любовью связан жизненный мой путь,
И кончиться он должен вместе с ней.*
Шекспир, сонет 92.

65

Искусства благородней в мире нет –
Бросает ли оно в сраженья рать,
Изысканный диктует ли сонет –
Старинного искусства умирать.

Смирение достойней торжества.
Но если тяжко без любви – а с ней? –
Не сказанные – горше всех слова,
И вовремя уйти – всего трудней.

Померкнет изумруд весенних трав,
Лазурь угаснет знойная, и мы,
Опавших листьев золото поправ,
Там, где хрусталь и серебро зимы.

«Ars moriendi...» Постигаю я
Уменье уходить, любовь моя.

66 ИСКУПЛЕНИЕ

Где крутизна предсмертная открыта
Распахнутых столетий всем ветрам,
Там, где Голгофы голый череп, - храм
Был Руфом возведен в честь Афродиты.

Но выпало свидетельствовать мне,
Бродя в руинах капища богини,
Что память Искупления не сгинет
В насущном слове. И любви вине.

Плоть причащенья, кровь его... Опять я,
Жизнь, к твоему источнику приник.
Не иссякай, бессмертия родник,
Несбывшегося тайное распятье!

Круженье сфер, о вечный миг любви,
Касаньем нежных уст останови!

67

Ты снишься мне, любимая. Но мечет –
Хоть сладостна прикосновений дрожь
И ты не без смущения уйдешь –
Кому-то чет судьба, а мне – все нечет.

И, череп оголив, слепая Смерть,
Разинувшая дико рот безгубый,
Давно твердит и ласково и грубо
О том, чего не сметь – уже не сметь...

Что ж. Не цепляюсь за подол идущей
С другим в мольбе о милостыне ласк.
Недолгой плотью одевая лязг
Костей, жизнь да сулит им рая кущи.

Но ты мне снишься, снишься мне. Бредов
Мир вашего Эдема? Этих снов?

68

Острей страданья не было и нет,
Нет изощренней пытки, чем сознанье
Того, что верность и любовь – лишь бред
Бессмысленной толкучки мирозданья,
Что неизбежно будет отдана
Кому-то где-то прихотью случайной
И юности твоей стыдливой тайна,
И тайны сокровенной глубина.

Не мне дарует бытия святое
Святых благословенье этих губ.
С моей – одной – единственной – с тобою
Кто будет плотски, страстно, нежно груб?

Чтобы не знать о вас – о вас двоих –
Быть не хотел бы я среди живых.

69

Мне часто снятся площадь, эшафот,
Палач, его топор и его плаха,
Ступенька за ступенькою – и вот
Конец пути. Пройду его без страха.

Я тяжело, я страшно согрешил:
Осмелившийся молодость утратить –
В любви искал бессмертия души,
О неизбежной позабыв расплате.

И вот она. Дочитай приговор.
Он отменен любимою не будет.
С презреньем отвернись: тайком, как вор,
В мои-то годы возмечтать о чуде...

Улики налицо: я поседел.
Я стар. И смерть – преступника удел.

70

Знать не желая о заботах черни,
В таинствам святого ремесла
Внимал, пока судьба не принесла
Мне весть благую – свет Звезды Вечерней.

Благословенна будь, не мир, но меч
Несущая. Служенье муз измены
Не терпит: что ж, артерии и вены
Одним ударом палачу рассечь!

Взмах. Упоенно онемеет площадь,
И будешь ты со сладкой жутью ждать
В толпе, когда железо мне – что проще? –
Небытия дарует благодать.

В последний миг взбежав на эшафот,
Кто в мир живых меня – увы! – вернет?

71

Над ночи тьмою и сияньем дня
Бесстрастно время совершил свой суд,
И то, что не любила ты меня,
Пусть я с собою в землю унесу,

Но сколько лет ложиться будет тень
Моя, шаги чужие сторожа,
На твой порог, и сколько в темноте
Полночной будет корчиться, дрожа

От непосильной пытки по углам,
Беззвучная, бессильная? Всегда?
Быть может. Как смогла ты, как смогла
Забыть, что я еще не дострадал?

О нет, не знай, что в муках и со дна
Могилы буду звать: «Ты... не одна?»

72

Тебя, которой нет, я ждал всегда
В моих полузыбких жизнях прежних.
Наперекор мелькающим годам
Ты всех смертей казалась неизбежней.

Голубизной сменялась чернота,
Пустынями – чужих эдемов кущи.
Той ночью в Гефсимании цветущей
Ты не была со мной. Ни у креста.

Что ж в храме не раздралася завеса
И тьма по всей не сделалась земле?
Теперь не встать из гроба. Но во мгле
Времен да будет вечно длиться месса!

Я плоть и кровь любви моей отдам
Стихи мои, веков вовеки – вам.

73

Тебя искал я, зная, что ты – мука
Предсмертная и смерть; все, что берег
В себе, – отдать несбыточному смог,
Так и не выдав этого ни звуком...

И – корчащейся плоти суждено
Свою безгрешность искупить страданьем,
И постигать душе: беззвездно дно
Немого океана мирозданья.

Так будет вечно пытку эту длить
Поэзии загробное распятье?
В ее вступая лабиринт, мог знать я,
Что никогда не оборвется нить?

Как утвердить посмел – как мог посметь я –
Бессмертием стиха – страстей бессмертье?

Viatorium Spagyricum

*Издергки духа и стыда растрата –
Вот сладострастье в действии.*

Шекспир, сонет 129.

74 VIATORIUM SPAGYRICUM

*Войди в меня, Гермес.
Лондонский папирус.*

Пусть Лейдена, Парижа, Ватикана
Изучен манускриптов каждый лист.
Но бытия разгадка – в знаках странных?
За ними, – где конец страницы чист?

Ars magna, ars hermetica! Что цель
Близка и путь спагирики – конечен,
Что сновочных неотвратимы встречи,
Поет Гермеса мудрая свирель.

Терпенье... Но Дианы блеск слепящий,
Венеры дымно-пламенный рубин
И рденье Марса мне суютят все чаще
Не пурпур Аполлоновых глубин...

Любить посмел я – и концом концов
Удел – зола. Не Камень Мудрецов.

75

Был Иерусалим – и ныне в Тир
Шлет вечность корабли свои, как прежде
И паруса страниц скользят в надежде,
Что молодости найден эликсир.

Мне власть над плотью даровали вы:
В бессмертье духа – утоленье жажды
Любви. Но обронила ты однажды,
Что мои книги мудрые – мертвы.

Умолкли Голоса, золою жар
Стал юности и письмена невнятны.
И вкусом чьих-то губ твоих запятнан
Немой изгиб. И проклят мир. И стар.

Так сколько длиться этой тьме, пока
Вновь не сверкнет мне звездная строка?

76

*за то, что вы согрешили против Меня...
в пустыне Син... Пред собою ты увидишь
землю, а не войдешь туда...*

Второзаконие, XXXII, 51-52.

Неизрекомо жизни одинокой,
Которую и жизнью не назвать,
Проклятие – на всем его печать
Ни в чем, ни от чего не вижу прока.

Без сожаленья доживаю день,
Долистываю мертвые страницы;
Пью – и в вине отрады, что в воде,
И ночью, знаю, нечему присниться.

Все, что мою качая колыбель,
Лилит – не Ева – пела, - позабыто;
Чему, сойдя со звезд, Кокабиель
Учил меня – пыль на могильных плитах.

Творец, против Тебя в пустыне Син
Я не грешил: за что же я – один?

77

Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?
Одиссея, XI, 93-94.

Не загнан волшебством Цирцеи в хлев,
Внимал в беззвездном сумраке туманном
Под вечный гул ночного Океана
Пророчеству и я – что, одолев

Его просторы, вновь свободен буду:
Лжи лепету, невинности измен,
Чьему-то целомудрию ли, блуду –
Конец. Да остается тленом тлен,

Довольно же взвывать к нему во мраке:
Отчаяние каждому – свое,
С тобою, одиночество, вдвоем
Вернуться к нашей суждено Итаке.

Умолк Тирезий... Был удел поэта
В Аид сойти за истину этой.

78

Себе не веря, шепоту судьбы,
Смолкающему в сумраке закатном,
Внимать вещаньям – издавна невнятным –
Несбыточного обречен я был.

И грозное росло неотвратимо
И близилось, прерывисто дыша
Во тьме, и, замерев, ждала душа
Неведомого, веявшего мимо.

И завершилась вечность, оборвав
С живыми или мертвыми мирами
Связь – чтобы, безнадежности упрямей,
«Сейчас... Сейчас...» - все слышались слова.

Шаги! Нет, нет – не одинок я! Или
Остановились – на другой могиле?

79

Запрету внявший Твоему, с тех пор
Познавший одиночества проклятье,
Какой еще могу награды ждать я –
Кто к древу жизни руку не простер?

Но, жизнь-сивилла, ты не так глупа
С твоим косноязычным бормотаньем:
По краю тьмы отчаянья тропа –
К надбытию иного мирозданья,

Где разуму, безумью ль вопреки
Смысл и абсурд не сплетены попарно,
Где для сонета магии тернарной
Так и блаженства мало, и тоски.

Ведь логике всезнания бесстрастной
Вселенная поэта не подвластна.

80

Сжигаем тщетной жаждою бессмертья,
От первородной плоти плоть, не мог,
Желаньем смутным одержим, узреть я,
Насколько бог любви есть скотий бог,

Пока всевластье гордости поэта
Вселенную души моей в себе
Не заключило, чтобы, о судьбе
Нарцисса помня, отраженным светом

Мерцали в темном зеркале стихов
Мне звезды. И, экстаз познав соитий
Слов, я – не дух и не его обитель –
Длить вечно наслажденье им готов.

То равенства оргазмов и агоний
Мир – недоступных алгебре гармоний.

81

Несбыточного бытие так странно
Впивать в мириах наивных менестрелей...
На те они столетья устарели,
Что стерли жизни пудру и румяна.

Но как, синьоры, леди или донны,
Я кротостью змеи, я голубиной
То мудростью измерю, что – бездонно?
Любви неисчерпаемы глубины.

Гармония мечты не одномерна,
И логике суждений неподвластно
Что в лепете Поэзии прекрасно
И жутко. Что ни верно, ни неверно.

Слов немотой – словами немоты –
Ее бессмертью причастись и ты.

82

С тех пор, как мир живых мне стал чужим
И отступили, искажаясь, лица,
Не думал я, что наважденье длится
И Дьяволом еще я одержим.

Кому-то пусть удел незнанья дан,
Но семя сатаны – как лед: чего ж я
В просторах жду ночного бездорожья –
Не слов emen – hetan... emen – hetan?

Успеть, успеть бы вену проколоть
И кровью имя вывести суккуба,
Пока не взята судорогой грубой
И в корчах не окаменела плоть.

Успеть бы – о забвенья благодать! –
Тьме экзорцизм сонета дошептать!

ARS POETICA

Реликварий

*Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.*

Шекспир, сонет 55.

83

ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ

I

Был мертвым штиль, и море было мертвым.
Я знал, что берег памяти незрим,
Что поглощен пучиной Третий Рим
И не всплынет из глубины Четвертый,

Но правил – на темнеющий закат
И по чужим созвездиям – без веры,
Что мне повеет с острова Киферы
Вечноцветущей тайны аромат.

И вот – один – бреду по гарям диким. Поверженных
колонн закопчены
Обломки – алтари богов ночных...
Со стен развалин пялятся их лики.

Что ж. Отраженье наготы всегда
Тай, забвенья черная вода.

84

*Всесильны законы подземного мира.
«С Великих Небес к Великим Недрам»
(шумерский миф)*

Мне из ладоней сложенных твоих,
Любимая, глотнуть воды забвенья –
Раз нет живой – не суждено, и день я
Кляну, когда зачат был каждый стих,

Рожден был каждый стих проклятой Книги Всебытия,
и помнить обречен
Бесстыдной Шамхат упоенный стон,
Всех вожделений мировых все миги.

Из Недр Великих, помню, к Небесам
Великим ты смогла уйти, Инанна,
Купив мою жизнь себе, но в данной
Мне памяти ад вечных мук – я сам.

Сквозь череду чужих тысячелетий,
Любви не знаящих, нес я строки эти.

85

Я, кто земное воплощенье чуда
Любви словами выразить дерзнул,
Отныне святотатствовать не буду,
Бессилия измерив глубину.

Три сотни строк, поэт многоглагольный,
Ты перечно даруешь кораблей,
Щиту Ахилла – больше ста. Довольно
Трех – красоте Елены... Онемей,

Сонм илионских старцев: так я с ними
Тихонько пошептавшись был бы рад
Ее в Гелладу отослать – назад –
И в Трое ничего не знать о Риме?

Поэзия! Храни – всегда права –
И то, чего не воплотить в слова.

86

Нет, не всосали с молоком волчицы
Они того, что долгие века
И боги их не ведали, пока
Должна была неспешно вечность длиться.

Безумствовал Катулл – ведь золотой,
Гораций, середины нет? Слепее
Слепцов Проперций к портику Помпея
Брели с Тибуллом на свиданье с той,

Из-за кого «Амур беспутен в Риме»...
Но пусть призван был Субуры смрад,
Смешав уже с Эрота медом яд
Мечты, я ждал иного – вместе с ними:

Когда шепнет мне первый день из дней:
«В том месте книги памяти моей...»

87

ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ

II

Колеблется и тает колоннады
Неясный призрак в темной глубине
Забвенья, но звучит, всплывая, мне
Былое в тихом шепоте наяды.

Пусть в пену разбиваются мои
За годом год о берега пустыни –
Не бледный холод мраморной богини
Придонный сумрак бытия таит –

Зов плоти истязаемой: одно,
Единственное, в чем благословенье
Живому – жизни. В чьем прикосновенье
Мне обрести бессмертье не дано.

Есть в ропоте твоем, прибой, такое,
Что мне не знать ни мира, ни покоя.

88

Нет у Шираза меда и вина:
Маг, зелья твоего неизмеримо
Пьянит сильней – кто, слаще вод Таснима,
Прекрасна, соразмерна и стройна.

Манят уста – кровавые рубины,
Темнеют виноградины сосков...
Что все святыни Мекки и Медины
Перед соблазном сладостных окон?

Как джинны, к звездным небесам взлетая,
Внимаем тщетно шепоту судьбы:
Калам предначертал – и мы рабы
Сужденного нам. Истина простая.

Велик Аллах. Но как постигну цель я
Дарящего и хмель нам, и – похмелье?

89

Сродни любви поэзия: они –
Союз души и тела – андрогины...
И, разлучая эти половины,
Себя в несовершенстве не вини.

Праордину небесную когда-то
Покинув, не забыл ее Платон:
«Нагого осязанье – mauvais ton», -
Он завещал запомнить Аквинату.

Нет. Пусть не только истина гола,
Но кое-кто еще такою будет,
Чтоб созерцанья и слиянья – в чуде
Единства – ввыйсь несли нас два крыла!

Дарован или нет судьбой полет, но
Прекрасно только то, что не бесплотно.

90

Когда, пытая ужасом, придут
Вслед за капричес дня дезастрес ночи,
И душу поручить не будет мочи.
Тому – на небе, ни тому – в аду,

Невыносимой обессилен мукой,
Во всем я не признаюсь не смогу
И плоть полуживую оболгу,
Во мраке без движения, без звука

Простерту... О ночь, благослови
Того, кто был судья, палач и грешник,
Исход – в немую тьму, твоей кромешней, -
Причастьем неиспытанной любви.

Как, жертва с инквизитором, вы ждете Помилованья
– и на эшафоте?

91

ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ

III

Все вытоптано, вес разорено,
Разграблено, заброшено, забыто
И заросло крапивою давно.
Но вот Амур с факелом отбитым

Еще мерцает мрамор у пруда,
Там, где сомкнулись сумрачные кроны
Над мертвою водой, пусть мох зеленый
Скрыл герб па пьедестале навсегда.

Что одичанью имена и даты?
Но не пустыня остров тот, не рай,
На берег чей и я ступил когда-то,
Любимая, которой нет. И знай:

Тебя в сонете этом ждать готов я
Тысячелетие нововековья.

Thesaurus Thesaurorum

*Когда на суд безмолвных, таинных дум
Язываю голоса былого...*

Шекспир, сонет 30.

92

До неба звезд, горя в любви огне, я
Все то вознес, чем одержим влюбленный,
Забыв: порою нимфы благосклонны
К земному – что попроще. И наглеев.

Так, ужасом объята, дочь Пенея
Бежала от объятий Аполлона,
И принимала Антиопа в лоно
Свое сатира, от восторга млея.

Что ж, миновать долины козлоногих
Повелевают непреклонно боги:
К возлюбленной иной мне суждено

Идти – им повинуюсь я без гнева.
Приду. И обниму сухое древо
Поэзии. И расцветет оно.

93

У любви есть дар высокий –
Колдовская сила.
Что зимой, в мороз жестокий
Мне цветы взрастила.

Бернарт де Вентадорн.

...Я надеюсь сказать о ней то, что никогда
еще не творилось ни об одной.

Данте, Vita Nova, XLI.

Я «радостной науки» трубадуров
Не под Прованса небом голубым
Все тайны постигал – зимою хмурой
Мой дух в лазурь взнесен любовью был.

Пусть на снегу цветов – как Вентадорну
Когда-то – не взрастила мне она:
За Флорентийцем я из бездны черной
К Благословенной шел кругами сна.

Теперь ни Рая моего, ни Ада
Ни с кем не разделю – и не отdam
Того вам, донна Жалости ль, Услада,
Неведомые мне, что – навсегда.

Ведь слов, что и во мне, и надо мной,
Никто не говорил ни об одной.

94

О пламенные звезды, о родник
Высоких сил...

Божественная комедия, Рай, XXII. 112-113

Не умолкают и не смотрят вслед,
Не шепчутся, когда, один, иду:
«Глядите, это тот, кто был в аду», –
Они, за много вновь смыкаясь, – нет.

Но разве не последние круги
Страданий было одолеть дано
Познав, что вечно истязанья дно,
А вместо Рая – вновь ни зги... ни зги?

Минуй меня, бессмертья благодать,
Пусть музыка терции во мне умрет.
Сумеет ли – посмеет – смертных род Божественным
– безмолвие назвать?

Так я поэт? О, лишь до той поры,
Пока Ты движешь звездные миры.

95

*Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!*
Петрарка, сонет LXI.

Благословен день, месяц, лето, час,
Когда созвездий золотые сети
Вновь погрузились в тьму шести столетий,
Где свет любви последней не угас.

Благословен бессмертия венец,
Но не весталка если – Капитолий
Теперь безмолвен, о какой же доле
Мечтать – бесславья, славы, - наконец?

II что о прахе прошлого должна
Знать, о веках, мелькнувших, как мгновенья,
Один сонет, сонет-благословенье
Отметившая среди всех – она?

Так встретился впервые, жизнь моя,
С тобой в Страстную Пятницу – и я?

96

...лучше б камнем стать...
Микеланджело.

Как гот – в своей век преступный и постыдный
Не чувствовать, не жить, но камнем стать
Мечтал я – и напрасно: мне, как видно,
Не суждена забвенья благодать.

Что мрамора изгибами страданье
Его навеки запечатлено,
Мной не забыто – ведь собою дань я
Платить за многих обречен давно.

В моих руках когда-то потеплела
И шевельнулась статуя моя,
Живою стала плотью, стала телом,
Вздохнула. И – камень я.

Но, вопреки стихов немногословью,
Бессмертна боль, рожденная любовью.

97

Три женщины. Хмель первого бокала
И под конец – мерцанием рубина –
Пыл старого вина... Твоим глубинам,
Безумье, утоленья жажды – мало,

Но с наслажденьем припадая к кубку,
Завещанному мне самим Ронсаром,
Пью за Кассандру – за «Изольду»... В хрупком Сосуде
жизни страсть пылала жаром,

Чтобы я выпил до последней капли
За то, чем наши две Марии были.
Что ж, Светоносец ли поэт, Приап ли, –
Они, как было им дано, любили.

Последние глотки. Будь, о Елена,
За все, чем не была, благословенна.

98

Слова, слова, слова.
Шекспир, Гамлет, II, 2.

Глухой, слепой, со сцены брел и я
К другим – уже недействующим – лицам,
И Автор представления, что спится
Нам всем, земную роль мою деля

На до и после, обозначил встречу
Мне на подмостках бытия – с тобой.
О, сколько смысла в реплике любой,
Весь мир огнями рампы как расцвечен!

Но раз, Любовь, актерское тряпье
Ты в бархат и алмазы обратила
Ночного неба – знают ли светила,
Что в монологе – божье, что – мое?

«Мой принц?» - «Ушла. Дослушала едва».
«Оставила?...» - «Слова. Слова. Слова».

99

...А старость, полюбив, стыдится лет.
Шекспир, сонет 138.

Дань заплатив собою стольким зимам
Тревог моих, сложив из стольких книг
Свое надгробье, я лишь то постиг,
Что было в мире этом объяснимо.

С каким же смутным ужасом познал
За темной далью четырех столетий
Я, как в одном единственном сонете
Твоем бездонна тайны крутизна!

Да, вечность возвращается на круги
Любви, и мы вольны с тобой, Поэт,
Слагать стихи о нашей в том заслуге
И не стыдиться ни веков, ни лет.

Родиться ведь смогла строка твоя,
Уже тогда мою в себе тая?

100

*Я был дитя, и дитя – она
В Королевстве у края земли.
Но любили любовью, что больше любви
Я и Аннабель Ли.*

Эдгар По

Шекспировских сонетов смуглой леди
Ты более, чем всем другим, сродни.
Пусть лавр бессмертен – уж себя вини,
Что лик Благословенной слишком бледен.

Не много ли – Кассандры, и Астреи,
Марии и Елены... Но, смугла,
Похожей кое в чем на ту смогла
Ты стать, и боль с веками все острее.

Двадцатый – чтоб дурмана, белладонны
И знает черт чего втирали сок
Чуть вечер: скотоложцам невдомек
Все то, что не кишенье миллионов.

Что ж, в Королевстве на краю земли
Мы встретиться с тобою не смогли.

Магия сонета

Есть магия сонета.

Ars moriendi; сонет 101

101

Строга огранка – ярче слов сиянье,
Темнее умолчаний глубина...
Но тайная сонета суть – она
Не только диалектика слиянья

Добытия бездонной немоты
С косящимся над ней Творенья Духом...
Божественный глагол коснется слуха,
Или поверишь алгеброю ты

Гармонию, узнай: в подобье точном
Четырнадцати выверенных строк –
Моли о благодати день и ночь, но –
От цели будешь ты еще далек.

Кто верует – блажен. Но вера – это
Еще не все. Есть магия сонета.

102

РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

Один в ночи, я обречен тревожно
Внимать глухому бормотанью тьмы,
Овладевая языком немым
Наведомого, зная, – невозможно

Невнatiцу разъять небытия
На синеву небес и твердь земную,
И, вызов бросив Хаосу, лицу, я,
И дерзости творенья полон я,

Простерший гладь лазурную, где пеной
Кровавой бился в скалы океан,
Я, кем обет не умирать был дан
В подвластной слову моему вселенной.

Плыви теперь в сонета даль, плыви,
Бессмертная печаль моей любви...

103

Познав с недетским ужасом когда-то
Таинственных гармоний отзвук, я
Всю жизнь запретным силам бытия
Отдал, но знаки *librum consecratum*

Искажены: дух, вставший надо мной,
Сильней меня, вне уз моих заклятий,
И шепот запредельных далей внятен,
И, рождены звучащей глухо тьмой,

Диктуют мне себя шеренги строчек,
Самозабвенно ждавшие меня
С тех пор как стало днем сиянье дня,
Всезвездное мерцанье ночи – ночью...

Что ж, если вечность мною видит сны,
И боги мне завидовать должны.

104

Катрена равнодущие немое
Божественно. Жизнь огоньком была,
Но ветром, ночью, пустотою – мгла,
Зовущаяся миром и покоем...

Четверостишье – антитезис. В грусть
Играем или по-телячы рады –
Неумолима логика триады,
Все помнящая строки наизусть.

Еще катрен. Конец. Поставим точку:
Тот, с Кем боролся я всю ночь, был Бог,
И одолеть никто из нас не мог,
Чтобы сонет закончить в одиночку.

Да, вот еще – английский образец...
Терцетов нет: двустрочьем будь, конец.

105

Я знаю, что отравлен твои напиток,
О жизнь, и удержаться не могу,
И пью сухую горечь яда с губ
Твоих за ночью ночь на ложе пыток.

Будь проклят этот еженощный гроб
Постели! Но снотворное диктует
Все то же имя, и душа, ликуя,
Твердит его, бредя любой из троп,

К безумью от бессонницы ведущей.
Так верно ли, что дна у ада нет?
И вот – сулит еще один сонет
Не моего – земного рая кущи.

Или блужданье тайное души
Двустишием рассвет не завершит?

106

Мелькну как тень и растворюсь как тень я
В бегущей смене вспышек светотьмы.
Все неизбежно – вправе лишь рожденья
В грядущих жизнях чуду верить мы.

Так мне? Другому обрести в любимой
Моей бессмертье будет суждено?
Не знает милосердья Время. Но –
Ко мне ли одному неумолимо?

Вот – исказились юности черты,
Вчера еще не верившей утратам
Невосполнимым, – и ложишься ты
Уже, белея, маска Гиппократа...

Любовь моя, не бойся: молода
В моих сонетах будешь ты всегда.

107

Не помню, сколько жизней ждал – придет
То, чего нет, чего не быть не может, -
Провидел и предчувствовал... И все же –
Такого одухотворенья взлет!

Но как бы я источника земного
Живой воды ни жаждал – мне она,
Пустыней снов бредущему, нужна
В купели. Крещено же будет – Слово.

Да станет прах любовников землей,
А кто своею не владел, любимой
В стиха надбытии неистребимом
Навеки бред запечатлеет свой.

Кто этого лишить Эдема властен
Теперь меня с моим посмертным счастьем?

108

...упоим ею вином и в сию нощь...
Быт. XIX, 34.

*И умножу семя твое, яко звезды небесныя,
и дам семени твоему всю землю сию: и
благословятся о семени своем вси языцы
земнии.*

Быт. XXVI, 4.

Еще огнем не стало наше небо,
Ни пеплом опаленная земля,
Мир поглощен пучимой мертвой не был,
Но, смутный ужас предвкушенья для,

Я пьян был, пьян, как Лот в своей пустыне
Под низким сводом звездного шатра,
И ничего не помнил до утра,
Чтобы не помнить ничего доныне, -

И больше в терпком бешенстве вина
Не обрести беспамятства такого
Ни всезабвенья – снова пусть и снова
Даруемое жизнью пью до дна.

Зачат во тьме, рожденный на рассвете,
Стань, мой сонет, наследником столетий.

109 СОНЕТ СУДЬБЫ

Еще мерцает солнце, но не греет,
Читая в книге жизни между строк,
Не сомневаюсь – мой удел жесток:
Дни все короче будут и серее.

Далекие забудут обо мне
И близкими моими буду предан.
Что ж, подведу с собой наедине
Итог. Не поражениям – победам!

Лишь капля океана жизни я,
Но из глубин – валов кипеньем пенным
Был брошен ввысь, но все огни вселенной
Миг моего вобрали бытия...

Не станет ли судьбою звезд навеки
Что не смогло стать вечным в человеке?

Сублимация

*Я ...боль мою переливаю в строки.
Камоэнс, «Амур, на мне истратив
весь свой пыл...»*

110

Пусть вечности бесстрастной все равно,
Как сопричастным стать Творенью мне,
Но быть твоим любимым – не дано,
А Слово было в темной глубине, -

В начале было Слово... Не «люблю»
Оно, и не «твоя»: «Да будет свет» -
Один, один во мраке повелю,
Раз мне пощады не было и нет,

Сужденная не мне судьба моя,
И пытка снов МОИХ, И Связь миров,
И смертного бессмертье бытия, -
Плохое утешенье отзывк слов,

Когда во тьме я так и не познал.
Как твоей плоти светит белизна.

111
ХИРОН

Впивая упоенно плоти пыл
И мудрости божественной причастен,
Я, сопряженье разума и страсти, -
Кентавр, - бессмертья удостоен был.

Но, поражен стрелы Эрота ядом,
Страданием сжигаемый, без сил,
Без воли, без надежды, испросил
Не смерти у всеведущих – отрады

Забвенья... Что ж: богини-сестры нить
Мою с твоей, ни жалости, ни злобы
Не ведая, разъединили, чтобы
В нетленном Слове мог теперь я жить.

Но как бесплотна вечность бытия
Не бывшего, когда ты – не моя...

112

Ночь, ночь. В ее могильной тишине
Часы вешают с хрипом два. И три.
Нет, прелестями розовой зари
Теперь уже не насладиться мне.

Ведь, отвергая вечной тьмы удел,
Но и шепнуть не смея слов любви,
Провидел, верил, знал я – быть беде,
Судьбой ли, карой ли ее зови...

Итак – один. Все поздно. «Никогда»,
Давно ты мой единственный девиз.
Ступеньками во мраке – только вниз –
Ведут пути мои. Стихи. Года.

Не рассветет. Что ж, на груди согрет,
Зашевелись, еще один сонет.

113

*...чтобы никаких сомнений не могли бы
возбудить стихи, которые я сочинил
ранее, - я решил написать сонет...*

Данте, Vita Nova, XXXIX.

ТРИЖДЫ

Давным-давно, когда судьба пеклась
Уже о моем счастье, неустанно
Все, что дышало, втаптывая в грязь,
И я к напитку горькому Тристана

Приник, того, что горечь навсегда
В строке любой останется, не зная...
Скользили в тьму созвездья. Допоздна я
Напрасно ждал, и так была горда

Победой та, кто некогда сумела
Голубизны и золота лишить
Меня, что вечной юности несмело
Осталось прошептать: «Не может быть...»

Что ж, донна Милосердья, - вновь стихами
Да станет все, чего не стало с нами.

114

Я так давно вкус этого напитка
Познал, пусть не с Изольдою – один...
И – различаю знак Венеры в свитках?
И – шепоту Судьбы внимаю: «Жди»?

Да, ликованию юности всевластной
Осмеливаюсь не дивиться я;
Тому, что в жилах алая струя
Поет, что все прекрасное – прекрасно!

И пусть легла костлявая рука,
Мне горло сжав уже, незваной гостьи, -
Бессмертен я, качается пока
Последняя травинка на погосте!

Глоток. Еще... Но – как забыть я мог,
Мои сонеты, что лишь вы – итог?

115

Я смог прожить бесчисленные жизни,
Во времени не ведая препяд, -
И, всем столетьям близок, во сто крат
Верней теперь единственной отчизне –

Поэзии, мне даровавшей власть
За тысячами обликов Протея
Собою быть. В кромешной темноте я
Всех адовых кругов? – не даст упасть.

С бессмертною возлюбленной в разлуке? –
Соединит нас музыкою сфер.
В скитаньях вечных стар, как Агасфер? –
Вернет мне юность – в слове, цвете, звуке...

Творец, я, созиная мир любой,
Все больше становлюсь самим собой.

116

...И ...будеши отец множества языков...

Быт. XVII, 4.

Рече Господь – и я ушел из Ура
Халдейского, от рода своего,
И верил под скитаний небом хмурым:
Неисполнимого нет ничего.

И к Библии склоняясь допоздна,
Увидел – снова в небе темно-синем
Мне засияли звезды над пустыней,
И я был Авраам, и я познал –

Не для меня проклятие бесплодья,
Пусть юную рабыню не введет
Никто ко мне, пусть населит народ
Чужой круг мира – путь Завета пройден!

Я землю унаследовать готов
Бессмертием рожденных мною слов!

117

Шеренги книг, мерцанье бронзы старой,
Круг света на столе. Я не один –
Из полумрака сонно кот следит
За кончиком пера... И властным чарам

Безмолвия ночного – тишины
Сокровища бесценного – покорен,
Я звездного внимамо гулу моря,
Рождающемся из глубины,

Таймой мною от всего дневного,
И то, чем никогда владеть дано
Не будет, вновь дарует мне Оно –
Начало и конец творенья – Слово,
Был Илион. И есть Гомер. Сильней
Любви – и смерти! – вы, стихи о ней.

Поэзия – бессмертия залог...
Ars moriendi, сонет 16.

Все ближе срок, назначенный судьбою,
И горек хлеба вкус, и меркнет свет...
Но не было тебя со мною. Нет.
Не будет. Так сдаваться мне? Без боя?

Нет! Пусть из рук слабеющих моих
Ты, отшатнувшись, вырываешь руку –
Мольбой безмолвной о пощаде муку
Я, унижаясь, не продлю. Одних,

О жизнь моя, с Возлюбленной бессмертной
В густеющей оставь нас темноте –
Не суждено любви быть безответной
Ни за алчбой, ни за распадом тел:

В сонетов этих звездной глубине
Тебя навек Она дарует мне.

ARS SACRA

Афродита Пандемос

*Diabolus potens et mirabilis
spiritus est.*

Лютер.

119

Божественная сущность бытия –
Любовь. Пусть жизни призрачен узор
И в темноте бездонной тонет взор, -
В нем золотые нити вижу я.

Урания, Пандемос, ты – одна?
Одна ли, если волею богов
В любом из ада девяти кругов
Мне звездные сияют письмена?

Но безнадежны ужас и тоска
Вселенной подсознания – в черных дыр
Беззвездности; кровь мира и весь мир –
В горячей розы смятых лепестках.

Ты... Чтобы твердь Земли и хляби вод
Восстали бы и рухнул небосвод...

120

Казалось, узы навсегда порвав
С той оболочкой, что еще не труп, но –
Там, подо мною, – с высью, недоступной
Другим, делил я звездные слова,

Когда страданье корчащейся плоти
Вновь сопрягло с ней исступленный дух,
И я, к нездешней благодати глух,
Все позабыл, чему внимал в полете.

Да, на тебе сошелся клином свет;
Завидна деи Барди и де Сада
Судьба; жизнь без тебя – подобье ада,
И мудрости осмысленное – бред...

Что мне до неба и его огней:
Ты – не моя, не будешь ты моей!

121

Ты совершенство мира, благодать,
Чуть не Святая Дева, и что хуже
Всего – ведь о твоем безвестном муже
В канционах можно не упоминать.

Так будь благословенна, Беатриче,
А небо света обернется вновь,
И вновь, чтобы могла принять любовь
Любое из бесчисленных обличий.

Но будь я проклят, если мне нужна
Она (я не настолько бестелесен)
Всеобщим достояньем этих песен –
Благой удел! – пока с другим нежна.

Увы, я человек, и потому
Не чуждо мне не чуждое ему.

122

...Якоже юница стрекалом стречема...

Осия, IV, 16.

О Движущей светилами вселенной
В сияющем созвездьями венце –
Внимает с нетерпеньем на лице,
С досадливостью скуки откровенной.

О чём слова, о чём быть может речь,
Когда блуженья стречема стрекалом,
И спермою и слизью истекала
От века плоть, чтоб вечно к плоти влечь;

Что юнице неведомое чудо,
Раз на любой фасциний повлечет –
В соитий мировой круговорот, -
Ей раздвигая лядвия, - дух блуда?

Так одному – не разным ли мирам
Дарованы любовь и свальный срам?

123

О сколькими бессонными ночными
Часами я тебе, судьба моя,
Обязан – это от себя тая,
Себе шептать не смея твоё имя...

Но разве тот быть может одинок,
К кому из подворотни вожделений
Вновь мчится жизнь и тычется в колени,
Как вывалявшийся в дерьме щенок?

И мог я думать, все земные связи
Души и тела оборвав давно,
Как за тебя мне будет суждено
Страдать, пока на свете вдоволь грязи?

Кем проклят я, откуда боль и страх,
Раз обречен тянуться к праху – прах?

124

Не знает юность совести упреков...
Шекспир, сонет 151.

Не проклинаю, хоть ты и черна,
Черна душою, и да не изменят
Любимые – тебе, чтобы геенне
Мук ни конца бы не было, ни дна.

Не проклинаю, хоть ты и была
Глухою к слову и слепой для света,
Какой бы ни была награда зла –
Не мною будешь проклята за это.

Мелькали дни, смотрел волчонок в лес,
А верный ямб, как пес лежавший рядом,
Знал: так судьбе неумолимой надо,
Чтобы остался он, а тот – исчез.

Ты знаешь все, стариk, что должен знать я:
Нам не к лицу с тобой сонет-проклятье.

125

Глядится пустота из всех углов,
Подернутая пыльной паутиной.
Да, время для меня приберегло
Все, что казалось ненеотвратимым.

Но такова уж логика любви,
Что не было бы встреч без расставаний;
Все позади. И – Боже избави
От вздохов на продавленном диване:

Степные ветры за цепями гор
Такое мне шепнут еще, такое,
Что в мире не останется с тех пор
Ни мира, ни в спокойствии – покоя.

Каким бы ни был этой ссылки знай,
Простор повеет свежестью родной.

126

*Кто это нас в печали утешает?
Данте, Vita Nova. XXXVIII.*

Ползи во тьме с уступа на уступ, но
Из ада беснования не уйдешь,
Где плоти истязаемой – как нож,
Что Афродита века вседоступна.

Не корчиться на круче, если даль –
Все выше, страх сорваться – еженощен:
Проснуться – и кошмара нет. Что проще –
Для новой дамы новый взять сеньяль?

Нет. Слушая, что на ухо бормочет
Горячая, повисшая на мне
В другом, постыдном, беспощадном сне,
Я пальцы разожму над краем ночи.

Чтобы – в который раз – шепнул рассвет:
Бред или явь – не жди. Надежды нет.

127

Земли и неба так миры темны –
Миры ушедших или нерожденных –
Хоть города чужого миллионы
Огней плывут ко мне из глубины.

Я мог бы знать заранее, что тщетен
Последний, может быть, - слепой полет
Сквозь давний мрак тоски. Не ждал. Не ждет,
Не будет ждать меня никто на свете,

Какой бы ни был выбран мною час,
День или рейс – встречать меня не будут.
Давно уже пора не верить чуду,
Что не бывало чудом каждый раз.

И внятен шепот россыпи огней:
«Кому – она. Кому – сонет о ней».

Афродита Урания

*Кто не любит, тот не познал Бога;
потому что Бог есть любовь.
I послание Иоанна, IV, 8.*

128

Песок струится – в горсти сжатой мне
Его не удержать, и было б странно
Не оказаться вновь наедине
С безбрежною пустыней океана.

Но все же, как надежда ни мала,
Ни необъятны, ни безмерны дали
Воды и неба, - я поверю, я ли,
Что навсегда ты, жизнь моя, ушла,

Что вкуса солнца, зноя, ветра, соли
Вновь не даруешь мне испить из уст
Своих, как неживой простор ни пуст,
Ни сумеречны берега неволи!

Уходит все, течет сквозь пальцы... Нет,
Не угасай закат, не меркни, свет!

129

*Так во вселенной одиноки мы?
Ars moriendi, сонет 2.*

С тех пор, как над собою синева
Таинственную помню глубину, -
И в плеске волн и в шелесте листвы
Сулила мне мечта тебя одну,

Пусть над прекрасным простирая власть,
Велит – раз извиваются, ползут
Аорты бытия – упиться власть
Предсмертной темной сукровицей блуд.

Не синева, - ночная тьма, пора:

Безмолвие извечное нарушь –
Пошли из бездны мрака весть добра
О разуме иных миров. И душ.

С тех пор, как знаки звездные, тая
Ответ, мерцают, - жду, любовь моя.

130

Что противопоставлю темноте,
Чьи берега плывут неумолимо
В мерцании чужих огней – все мимо?
Не те моря. Созвездия не те.

Нигде не ждут меня. Давно забыты
Все гавани. И плавания цель.
Так, завершая странствие, в конце ль
Об острове мечтать мне Афродиты?

Но, жизнь моя, спасибо за рассвет,
За то, что долго шел в кипящей пене,
За то, что опустился на колени,
Увидев на песке твой узкий след.

О жизни! Благодарю за берега,
Где не ступала смертного нога.

131

В слепом полете от звезды к звезде
Из тьмы всплывали мертвые планеты,
Чтобы шептал я вечно: «Где ты? Где ты?» -
Хоть ты была со мной. Всегда. Везде.

В глубинах безнадежности бездонной
Надеждою мою ты была,
Бессмертьем – вопреки всесилью зла –
Миров погибших или нерожденных.

И пусть в конце напрасного пути
Я, пустотою черною объятый,
Познал – вовек тебя не обрести,
Любовь, которой не было, - была ты!

Так молкни, вечный шепот «Никогда» ...
И угасай, последняя звезда!

132

Любовь себе не ведает измен,
И не ее, любя, я предаю, -
Но в незаживших ранах – плоть мою
Для новых мук застенкам, что без стен,

Что ж, истязанья прежнего не будь,
Не стала бы ошеломленьем та
Рук встреча, откровением – уста,
Живой воды мне давшие глотнуть...

Пусть он иссяк, последний мой родник,
Жизнь подаривший мне в пустыне той,
Чей беспощадней обжигает зной
С тех пор, как я к струе его приник, -

Не ведает Любовь измен, и тот,
Кто любит, никого не предает.

133

О том, что начинается в Шумере
Не все, - я знал, хотя бы от меня,
Когда призываю женщины я внял,
Ушли мои степные братья – звери.

Но был Творенья день. И ночь. И утро.
И робость соприкосновенья рук.
Чье постижение нежности и мук
Неведомо всем позам Камасутры.

Так пусть закончен будет, недописан,
В забвенье сгинет мой сонет, в огне:
Причастие гармонии во мне –
В нем – или беснованье Диониса?

Один – «...я червь, - я Бог»... И лишь у двух
Духовна плоть любви, телесен дух.

134

Червей могильных досыта кормя
Или взмывая в небо света, весь я,
И плоть и дух, - разлада равновесье
Мгновенное меж безднами двумя.

Но принц влюблен – теперь природа «иомо»
Иль «bestia» одерживает в нем
Верх? Звездный свод качнется, и в одном –
Неверном шаге – срыв. Сие знакомо.

Кровавая подернет пелена
Пути в глубины Королевства Ночи,
Но шаг один – и облачные клочья
Плынут в сиянье синевы без дна...

Единства неслияности удел –
Любовь, - соитье душ, паренье тел.

135

В свои общедоступные орбиты
Непринужденно вписывая блуд,
Механтропы – несть им числа – снуют,
Забыв, что цель движения забыта.

Величие, падение пророчь
Ты – Риму своему ли, Карфагену, -
Ни чужеземцу ни аборигену
Вещаниям внять этим – не помочь.

Но, чтобы вечность вняла твоей песне,
Люби – один, и верь – один, и жди
Не напрасно, и умри – один,
И будь один в могиле. И воскресни.

Годами одичанья не клянись –
Своей любовью, чья всезвездна высь.

136

Любовь моя – безумие мое...
Рассудок, отступи, не прекословь:
Наполнит чашу жизни до кроев
Безумие мое – моя любовь!

Пусть немоты обету вопреки
Взывает истязаемая плоть:
«Что мукам продаёт меня Господь
В беззвездной глубине моей тоски?»

Пусть эта тьма безмолвная пуста,
И время, свое дело совершив,
Не пощадит ни тела, ни души,
И мной твои не познаны уста,

Любовь моя, ты, ты – награда мне,
Венец безумья в звездной глубине!

ARS AMANDI

...servum tuum...

Крепка, как смерть, любовь.
Песнь песней, VIII, 6.

137

*Без золотой Афродиты какая нам жизнь
или радость?*

Мимнерм

Все дольше тьмы бессонная тоска,
Но – что мне день, когда с рассветом каждым
Белеют рек неутоленной жажды –
Эдема русла мертвые – в песках?

Один, камней и неба озирая
Пустыни, вспоминаю: лишь во сне
Дано было вкусить с тобою мне
Запретные плоды земного рая.

Будь проклято, познанье наготы,
Мерцающей в листве Четырехречья...
Тебя ни избежать, ни уберечь я
Не мог. И будь благословенна ты.

Хотя, ни ненавида, ни любя,
Смерть будет милосерднее тебя.

138

Втопчи в небытие, убей, забудь,
Чтоб не было ее с живыми, с нами:
Бессонницей, а то и хуже – снами
Не перестанет волю твою гнуть.

Презрения любыми именами
Клейми удущье, стиснувшее грудь,
И, вопреки тебе, на тот же путь
Вернет во тьме колеблемое пламя.

Что ж, вырвав холст, поймешь когда-нибудь,
Что пустота, зияющая в раме,
Поведает о Непрекрасной Даме –
Художнику неведомую суть.

А то, что может видеть где-то кто-то –
Всего лишь краски, лак и позолота.

139

Что мне до вод Сейхуна и Джейхуна?
Хотя б Аллахом на скрижалях лба
Начертана была моя судьба –
Пробудет лживой ложь, как юность – юной.

Вкушать ее вина и меда мог
Любой, не я, пока удел Айюба
Не стал моим... Тверди теперь Безгубой,
Что Запад – Запад, а Восток – Восток...

Безумье, слепота, чума, проказа,
Иль от тебя мне исцеленья нет?
Быть может – время, как ни темен бред,
Подскажет средство от дурного глаза?

Великих рек исчезнет след в песках –
Не этих строк бессмертная тоска.

140

Природы нестареющей уловки
Мне ведомы – так до какой поры
Преподносить ровеснику дары
Она готова в той же упаковке?

Еще дурманят сумерки души
Былых цветов благоуханьем сладким,
И шепота ночной листвы загадки –
Все те же – без разгадки хороши...

Блесни же, немудреная палитра
Соблазнов, краской новою... Так рад
Вернуть я свой полузыбый ад,
Натуру полагая столь нехитрой?

Рассудок, воля... Униженье им
Готовлю вновь безумием моим?

141

Презренье ко всему, что низко. Стиль.
Достоинство. Что ж, участь неплохая...
Но только – ничего не ждать, вдыхая
Пятисотлетних фолиантов пыль.

И подтверждят с покорностью овечьей
Пергаменты, что на исходе срок,
Осыпался давно в часах песок,
И каждый стон стихом увековечен.

Не сбылось мне сужденное, и в том,
Что вместо жизни, - не осталось смысла.
Что ж, пусть Весов небесных коромысло
Во мраке перекошено пустом, -

Благодарю тебя за дар и муку,
Судьба, - за все: и встречу, и разлуку.

142

Там, где смыкались вековые кроны,
Где мхам и травам тихо пел ручей,
Рубил я, жег, рай обратив зеленый
В золу и шлак, чтоб стал пустырь – ничей.

Рассыпь в пустыне камни акведука,
Собора мрамор кружевной обруши,
Чтоб рабскую покорность тел без душ
Кувалды дружным утвердили стуком.

Что гения прозренье и экстаз
Безумцу – мне? И вспорот холст, ударом
Одним разбита Pieta... Недаром
Ничто не вечно под луной. Но раз

Любви не заплатил собою дань я, -
Нет. Не было. Не будет оправданья.

143

Благословен Господь, Кто сотворил
Тебя, твои глаза и твои губы.
Твержу себе: будь нем, уйди, умри,
Как умирают – молча – однолюбы.

Благословен Господь, благословен
Будь ныне, присно и веков вовеки
За то, что голубые жилки вен
Вольются в море вечности, как реки.

Был Илион. Был Рим – и даже три –
Речь не о них – о третьем ли, четвертом:
Прикосновений невзначай, смотри,
Чтоб не была и смертью память стерта.

Земля. Трава. Иди по мне босой –
Я ноги окроплю твои росой.

144

Она любить другого рождена –
Твердит мне лет минувших череда.
Но пусть, не зная, как стара стена,
Зеленый плющ прильнет к ней навсегда.

Рассыпаться и грудою камней,
Что высились – все стать обречено.
Руины скрыв, как прежде зеленей
На них, и как бы пи было темно

В подземного забвенья глубине,
Твои побеги к свету надо мной
Тянуться будут: все отрадней мне
Питать их будет с каждою весной.

Я был рожден тебя любить – и как
Мне помешать посмеет смерти мрак?

145 ВСТРЕЧА

*... После того как мне было отказано
в моем блаженстве...*

Данте, *Vita Nova*, XII.

Мечта напрасна о кивке одном,
Улыбке, взгляде, слове мимолетном,
Где мирозданья сумеречно дно
И тень моей возлюбленной бесплотна.

Как можешь знать, как помнить можешь ты –
Ведь не словоохотливы могилы –
То, что затаено когда-то было
Мной – до загробной кары немоты, -

О сонном душ необозримым в тьму
Влекомая, в Эреба мрак беззвездный?
Но, может быть, и здесь еще не поздно
Внять, наконец, молчанью моему?

Нет? Что же, будь немой со мной, немым,
Не зная, что не живы больше мы.

...verbum tuum...

*Мой дух, как предназначено судьбой,
Сумел с любимым воедино ситься,
И тело не взыскует, не томится,
Когда душа – в гармонии с собой.
Камоэнс, «Кто любит – побуждаемый
мечтой...»*

146

Земля и небо; ропот полувнятный
Былого – и грядущей немоты
Обрыв за приближением черты,
От коей нам не повернуть обратно;

Мгновенье между безднами двумя –
Того, что было, и чего не будет –
И есть мой мир. Но шепот был о чуде
Его – в других, предчувствием томя,

Что есть еще иное, есть иное
Над скудным прахом бытия. Всегда –
До Дней Творенья и за Днем Суда –
Сиянье Слова, ты – во мне. Со мною.

Неугасимый свет, любовь, одна
Ты – связь миров над безднами без dna.

147

Благословенны – та из жизней, миг
Из мигов тот, когда, о тьме и свете
Познавший все, я оторвал от книг
Взгляд и ветвей движение заметил.

И Ева – бледнолика ли, смугла,
Как старшая сестра Других Сонетов, -
Меня страданьем одарить смогла
Еще мной неизведенным за это.

И, благодарен за урок судьбы,
За позднюю и горькую науку, -
Каким я мудрым, кротким змием был,
В чужом Эдеме затаивший муку!

Плод сорван. В чьих объятьях все равно –
Ей быть всегда моему суждено.

148

К картине Берн-Джонса «Мерлин и Вивиана».

С тобою Тайным, о дитя, делясь, -
Всевластием постигнутого Слова, -
Что буду сам тобою околдован,
Я знал. И тихо млечная лилась

Река во тьму ночного Океана,
А на рассвете все, что было сном,
Что феей с колыбели суждено
Тебе, - все явь, не так ли, Вивиана?

Боярышник расцвел. Под ним века
Мерлину - мне - лежать в незримых путах...
Что ж, уходи, любимая, к кому-то
С моей волшебной книгою в руках -

Теперь под млечным светом путь любой
Ко мне: навеки Тайное с тобой.

149

О, Господи, - караешь Ты сурово
И, не внимая зову моему,
Не отделяешь от сиянья тьму, -
Но причащаешь благодати Слова.

Пусть той, что не была мне суждена,
Бессмертие даруют строки эти,
Любовь да будет в этом жить сонете,
Забыв свои земные имена.

Сегодня - завтра - кто-то - некий...
Когда бы, с кем и где; бы ни была
Не бывшая моей - как ни мала
Надежда, но в стихе она - навеки!

Пусть и моя теперь горит звезда
В Эдеме том, который - навсегда!

150

Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретии, и, Одиссея. XI, по

Ни молодости вечной, ни бессмертья
Не обретя на острове чужом,
Ждать вести об Итаке день за днем
Семь лет — и трижды семь -- не должен сметь я.

Но рушится прибой за валом вал, Твердя, что гам, у
берега другого, Мне будет суждено 'услышать снова
Из уст Цирцеи всё, о чём я знал:

Что волею богов скитальца жребий —
Напрасно плыть, напрасно, ибо ту,
Кто мука мук моих, я обрету
Лишь в глубине последней тьмы. В Эрсбе.

Да! Буду — пусть безмолвной тенью -- я
С твою тенью, о любовь моя!

151

Я выскользну из тела душной кельи,
И ввысь рванусь, и станут далеки
Плыущие вдоль берегов реки
Огней — уже далеких — ожерелья,

И, пронизав тысячелетний мрак
Когда-то разлучавших нас просторов,
Сольюсь с тобою, без кого никак
Не зазвучать ликующему хору

Небесных сфер, кого моя судьба
Не даровала мне, не даровала,
И пусть минувших лет пусты гроба,
Беззвучна тьма могильного провала,

Забыт я, жив я или мертв давно —
С тобою буду, буду все равно!

152

Я – голос из ничто, из ниоткуда,
И в тьмы к тебе, любимая моя,
Летящий – пусть в просторах мрака я
Лишь голос – им веков вовеки буду.

Бесплодною земля, беззвездной твердь
И ты чужою слишком долго были,
Так что мне до того, по чьей могиле
Неслышными шагами бродит смерть?

Миров слиянье, жизнь всего живого
И мертвых бытие, бесценный дар,
Любовь, – теперь с тобою навсегда,
Расторгнув своды немоты, я – Слово.

По будь немым тогда – в земной ночи –
Я, – и тебя бессмертью б научил,

153

Когда исчезнут, навсегда придет
Из памяти немногих и неблизких –
А не было других – и мой черед,
Останутся сонетов этих списки.

Навряд ли уцелеть им от огня
В чужих руках. Не суждено им будет
Поведать: Нет любви, как пет меня, –
Бессмертна намять о минувшем чуде..."

Но не случаен промысел Господень:
Гъму вечную звезды угасшей свет
Пронзив, шепнет: "Как Слову смерти пет
Не будет подвиг немоты бесплоден".

Сгорит бумага, сгинут буквы –
Мое "люблю тебя" услышишь ты.

И созда Бог человека, персть от земли...
Быт. II, 7.

Пусть времени всезвездная река,
Бурля, несется мимо, - одинокий,
Я обрету бессмертие в веках
На берегу ее – или в потоке?

Минует все. И промелькнут черты –
В улыбке детской – вновь моей любимой.
Все сбудется. Не сбудешься лишь ты,
Унесена рекой всезвездной мимо.

Жизнь, девочка моя, жизнь, молода,
Как Евы нагота, и жизнь-старуха:
Пролепечи, прошамкай: навсегда –
Не глина берегов – стремнина духа!

Будь то могила или колыбель –
Из них тянуться к вечному – не мне ль?

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга стихов «Из глубины» включает примерно одну седьмую часть написанного за 1942-1987 годы.

Стихотворения расположены в хронологическом порядке – за исключением входящих в состав циклов, обладающих собственной композицией.

Тупик Становления. «пантареи ... панта...» (греч.) – все течет... все...

Луна. Serena (лат.) – ясная, светлая, безмятежная, радостная – традиционный эпитет Луны.

Habeas tibi (лат.) – здесь: имей (это) в себе.

Fuit Ilium (лат.) – был Илион (в значении: это ушло безвозвратно).

Подтекст. Memento mori (лат.) – помни о смерти.

Верю. Ad astra (лат.) – к звездам.

Не сегодня. Harmonices mundi (лат.) – гармонии мира, музыка сфер; саттонский викарий – Лоренс Стерн; декан собора св. Патрика – Свифт; епископ клойнский – Джордж Беркли; медонский кюре – Рабле; inferno (ит.) – ад; sub speciae aeternitatis (лат.) – с точки зрения вечности.

Старая книга. In-quarto (лат.) – в четвертую долю (листа) – формат книги; «Non solus» (лат.) – «Не один» (девиз французского печатника XVI века Робера Этьенна); Mare Tenebrarum (лат.) – Море Мрака.

Credo in unum Deum (лат.) – верую в единого Бога.

Deus Factus sum (лат.) – я стал Богом.

Эта Страна. Столбы Мельката – Гибралтар; Magna Charta (лат.) – Великая Хартия; Mater Parlamentorum (лат.) – мать парламентов.

De Magno lapide Sapientum (лат.) – о Великом камне Мудрецов («философский камень» алхимиков); атанор

– печь алхимиков.

В запекшейся крови закатов... Субура – район притонов в древнем Риме.

Из цикла «Pereat». Pereat (лат.) – да погибнет.

Noli tangere circulos meos (лат.) – не прикасайся к моим кругам (слова Архимеда).

Opus Magnum (лат.) – великое делание (философского камня); remember (лат.) – помни.

Requiem aeternam (лат.) – вечный покой.

Dii tui Israel (лат.) – «...вот бог твой, Израиль!» (Книга Исхода, XXXII, 4).

Cum ferro (лат.) – железом.

... erat involutes liber... (лат.) – был неразвернутый свиток.

... veni foras... (лат.) – иди вон (слово Иисуса Лазарю).

Et resurrexit (лат.) – и воскреснет.

Desiderata (лат.) – желанная.

Еще ноктюрн с книгами. Fex urbis (лат.) – городской навоз (чернь).

Клад. Шеол (др.-евр.) – ад; Великие Зеленые Воды – Индийский океан; кровью Озириса в Древнем Египте называли чернила.

По звездам. Вселенная Гутенберга – книгопечатание, вселенная Орфея – архитектура.

За краем. Клауструм – здесь закрытое помещение, хранилище; скрипторий – в средине века – помещение для производства рукописных книг.

Похищенный. Lactea via (лат.) – Млечный Путь.

Орфей. Ad Calliopen (лат.) – к Каллиопе; Ad Apollinem – к Аполлону.

Восхождение. Eccelenza (ит.) – обращение высокопоставленной особе; infantia, pueritia, adolescentia, juventus, aetassensor, senectus (все – лат.) – семилетние возрастные циклы жизни: младенчество, детство, отрочество, молодость, средние годы, старость; immortalitas (лат.) – бессмертие; «Волк рвался» - апокалиптический образ скандинавской мифологии.

Ситаea (лат.) – Кумская (сивилла); некий царь Гор-

дец – Тарквиний Гордый; роспись Микеланджело на Алтарной стене Сикстинской капеллы скрыла» фреску Перуджино.

Да будет – 6. *Domine Deus, voluntas tua* (лат.) – Господи Боже, воля Твоя.

Мой мудрый кот... *Ego* (лат.) – я.

Алисы Кэрроловой профиль... «Комнаты» – серия офортов Ларисы Зеневич.

В книге сонетов «*Ars moriendi*» - семь (число сакральное) разделов: *Ars hermetica*, *Ars vitae*, *Ars moriendi*, *Ars magna*, *Ars poetica*, *Ars sacra* и *Ars amandi*; в каждом из разделов от одного до четырех циклов: *Incipit...*, ...*vita novissima* и так далее; всего циклов по ведомой Автору причине –семнадцать; в каждом цикле – девять (число Беатриче, см. *Vita Nova*, главы XXVIII-XXIX) сонетов;

всего в книге *Ars moriendi* 154 сонета, что, разумеется, проявление не дерзости Автора, но его любви к несравненным сонетам Шекспира.

Данные примечания отнюдь не ставят задачей объяснение всех образов, имен, аллюзий, реминисценций текста и подтекста сонетов, ограничиваясь комментариями самыми необходимыми.

Ars moriendi (лат.) – искусство (наука) умирать.

To the onlie begetter of these insuing sonnets...

...Mr. K. H. (англ.) – «Тому единственному, кому обязаны своим появлением нижеследующие сонеты, мистеру К. Н. – посвящение, предпосланное первому изданию сонетов Шекспира, - но с изменением «Mr. W. H.» оригинала (что по некоторым предположениям означает «Mr. William Himself» - т.е. «самому мистеру Вильяму») на «Mr. K.H ... Одна из целей данного эпиграфа – подчеркнуть неправомочность отождествления лирического «я» книги сонетов *Ars moriendi* с личностью ее автора в аспекте биографическом.

Ars hermetica (лат.) – тайное искусство (наука).

Incipit vita nova (лат.) – начинается новая жизнь.

Сонет 4. Ависага – см. Третью Книгу Царств Ветхого Завета, I, 1 – 4.

Сонет 5. Beata – см. картину Данте Габриеле Россетти «Beata Beatrix», изображающую дантовскую Беатриче; альт и рожок – в увертюре-фантазии П. И. Чайковского «Ромео и Джульетта».

...vita novissima – завершал заглавие предыдущего цикла, перефразирует строку Данте из вступления к «Vita Nova».

Сонет 11. «Conjuro... posco... voco» (лат.) – заклинаю, требую, зову (магическая формула вызова духа).

Сонет 12. Sigillum diabolicum (лат.) – клеймо дьявола; «miracula» и «natura», «чудеса и естественный ход вещей, - схоластические термины» (примечание В. Брюсова в его романе «Огненный ангел»).

Сонет 15. Realiora (лат.) – из девиза Вячеслава Иванова «A realibus ad realiora», - от реального к реальнейшему.

Ars vitae (лат.) — искусство жить.

Mundus Subterraneus (лат.) – подземный мир.

Apparuit iam beatitudo vestra (лат.) – вот уже появилось ваше блаженство.

Сонет 26. Ева – от др.-евр. «живая» - «жизнь».

Сонет 30. Абу Нурра (отец Горечи) – дьявол; Афлатун – Платон; Сулейман ибн Дауд – Соломон, сын Давида.

Сонет 31. Veni (лат.) — приди.

Сонет 36. Творение, Грехопадение, Искупление и Страшный Суд – основные этапы библейской космогонии и истории.

Сонет 47. Утренний Люцифер и вечерний Веспер – Венера.

Сонет 50. Единоборство с Богом – см. Быт. XXII, 24-30.

Сонет 52. Аль-Гарб – закат.

Ars Magna (лат.) – великое искусство (наука), традиционное название магии, алхимии.

Viatorium Spagyricum (лат.) – алхимический путеводитель.

Сонет 74. *Ars hermetica* (лат.) – тайное искусство (наука) (от Гермеса, покровителя алхимии, магии и т. д.); «Дианы блеск слепящий» и далее – этапы алхимического великого делания «философского камня» («Камня Мудрецов»).

Сонет 76. Кокабиель (от др.-евр. *kokabi* – звезда) – по Книге Еноха знание астрологии получено людьми от пришедшего со звезд существа.

Сонет 82. *Emen* – *hetan* – слова заклинания, переносящего на шабаш; экзорцизм – здесь заклинание, изгнанное бесов.

Ars poetica (лат). – искусство поэзии.

Сонет 84. Шамхат – см. «Эпос о Гильгамеше».

Сонет 85. Поэт многоглагольный – Гомер.

Сонет 86. «Из-за тебя в наши дни в Риме беспутен Амур» - Проперций, кн. II, VI, 22; «В том месте книги памяти моей» - первая строка «*Vita Nova*» Данте.

Сонет 88. Маг в поэтической традиции Востока – виноторговец.

Сонет 89. *Mauvais ton* (фр.) – дурной тон; Аквинат – Фома Аквинский.

Сонет 90. «*Caprichos*» (капризы) и «*Desastres*» (ужасы) – серии офортов Ф. Гойи.

Thesaurus Thesaurorum (лат.) – Сокровищница Сокровищ.

Сонет 92. Дочь Пенея – Дафна; «И обниму сухое дерево...» - см. миф о Демофонте и Филлиде.

Сонет 93. Флорентиец – Данте; донна Жалости, Услада – здесь сеньяли.

Сонет 95. «Но не весталка если...» - см. оду Горация «К Мельпомене»: «Буду я вновь и вновь Восхваляем, доколь по Капитолию Жрец верховный ведет деву безмолвную» (пер. С.Шервинского); в Страстную Пятницу Петрарка впервые увидел Лауру.

Сонет 97. Кассандре, Марии, Елене посвящал свои сонеты Ронсар.

Сонет 100. Лавр – Лаура; Благословенная (Благодатная) – Беатриче.

Сонет 103. *Librum consecratum* (лат.), здесь – книга за-
клиний.

Сонет 106. Маска Гиппократа – искажение черт лица
умершего.

Сонет 111. Богини-сестры – парки.

Ars sacra (лат.) – священное искусство (наука).

Пандемос — всенародная.

Diabolus potens et mirabilis spiritus est (лат.) – дьявол
могущественный и удивительный дух.

Сонет 119. Урания – здесь – небесная.

Сонет 120. Симоне деи Барди – муж Беатриче, Уго де
Сад – Лауры.

Сонет 121. Небо света (см. *Vita Nova*, I) в космологии
Птолемея – сфера Солнца.

Сонет 133. «О том, что начинается в Шумере Не все»
– широко известен труд С. Н. Крамера «История начи-
нается в Шумере»; «Ушли мои степные братья...» - см.
«Эпос о Гильгамеше».

Сонет 134. Согласно мнению Макиавелли (трактат «Го-
сударь»), правителю необходимо сочетать в себе при-
роду зверя (*bestia*) с природой человека (*uomo*).

Ars amandi (лат.) – искусство (наука) любви.

...*servum tuum...* См. Евангелие от Луки, II, 29:

*Nunc dimittis servum tuum, Domine, secundum verbum
tuum in pace* (лат.) – ныне отпускаешь раба Твоего,
Владыко, по слову Твоему, с миром...

Сонет 139. Айюб – Иов.

...*verbum tuum...* (лат.) – по слову Твоему (см примеч.
к циклу «...*servum tuum...*»).

Сонет 148. О картинах Берн-Джонса «Мерлин и Вивиа-
на» (и Россетти «*Beata Beatrix*») – см. Р.Сизеран, «Сов-
ременная английская живопись», М., 1 908 г., другие
источники сведений о прерафаэлитах.

СОДЕРЖАНИЕ

Избранное (1947 – 1987)

Скальд	5
Женщины	6
Вечерняя молитва	6

Из цикла сонетов «Harmonices Mundi» «Музыка Сфер»)

Красное смещение	8
Тупик становления	9
Прозрение	9
Луна	10
Созвездия	10

Ты одна	11
Давно уже все не ново	11
Камбала	12
Habeas tibi	12
Немой	13
Рассвет	13
Fuit Ilium	14
У черта душу я купил...	15

Из цикла сонетов «Лики Вечности»

И стало так...	16
«господа Бога квантовая механика»	17
Родословная	17
Последний	18
Страсбургский собор	18
Зори	19
Подтекст	19

Верую	20
Баллада о Последнем Кабаке	21

Отчасти Апокалипсическая баллада...	22
Не сегодня	22

Триптих

1 Молча	24
2 Шепотом	25
3 Вполголоса	25
 Старая книга	26
Русская поэзия	27
«Credo in unum Deum...»	29
Deus factus sum	29
Мерцанием праха бездонным	30
Клятва	31
Добро	32
Эта Страна	33
Поэзия. XX век	35
Обладание	37
Из цикла «Запечатление»	37
Ноктюрн – 1	38
Ноктюрн – 2	38
Хотя бы	39
Из Книги Заповедей	40
«Благовещение» Боттичелли	41
Затих зловонный обезьянник	42

Из цикла «De Mango Lapide Sapientum»

Что ж, фея-крестница, ко мне ты не спешила...	44
Бессмертно Слова бытие. Хотя бы стер...	45
 Из Книги Пророков	46
Познание	47
В запекшейся крови закатов...	48

Из цикла «Pereat»

Спеши, двадцатый век, спеши...	50
Сорной травой забвенья ...	51
Уже Плеяды – Атлантиды...	53
 Сонет Хромого Джентльмена	55
Noli tangere circulos meos	55

Преображение	56
Случайно уцелевший в бойне ...	57
Напрасно корчиться на нарах...	58
Орфей	58
Остров Голосов	59
Псалом Свободы	61
Так долго – за любой строки...	62
Нет	63

Камни

1 Вот каменная россыпь храма...	64
2 С осыпи голой кручи...	65
3 Прозрачной дымкою едва...	65
4 Вновь долины былого...	66
Opus Magnum	67
Мужество без надежды	68
Из цикла «Remember»	69
Пусть ужас голыми когтями...	69

Самосожжение

1 Без сожаленья думаю, что в прах...	70
2 Что день, что век – настигнет смерть...	70
3 Пусть мимолетною была...	71

Из цикла «Дельфы»

В бреду безумной девы мне сулил когда-то...	73
Звездный ноктюрн	75
Неведомого никому – не знать...	75

Reguiem

1 Reguiem aeternam	76
2 Dii tui Israel	77
3 Cum ferro	78
4 Агония	79
5 Верь	80
6 Вместе со всеми	80
7 Один из множества	81
8 Умолкшие	82
9 ... erat involutus Iiber	83

10 ...veni foras...	84
11 Et resurrexit	85
Desiderata	86
Мы	87

Из цикла «Из Книги Ночи»

1 Восторженным захлебываясь визгом...	88
2 Ноктюрн с книгами	89
3 Еще ноктюрн с книгами	90

Из цикла «Юность»

1 Древес немало красных...	91
2 Опасней знать немного ...	92

Клад	93
------	----

За краем тьмы

1 На круги своя	95
2 По звездам	96
3 О Бессмертии	97
4 «Не смертию умрете»	97
5 За краем	98
6 Похищенный	99

Аррефор	100
Преемственность	101
Из глубины	101
Прозрение	102
На темной пропасти ...	103

Из цикла «Память»

Сосуд благодати	104
Круговорот перевоплощений	105
Я обретал следы былого ...	107
Лишь тиканья чуть слышными стежками ...	108

Из цикла «Прогресс»

Век XVIII	109
Век XIX	110
Век XXI	110

Орфей в аду	111
Слово	112

Из цикла «Орфей»

Золотая ветвь (Ad Calliopen)	113
Склоняясь к западу, Квадрита...	114
Золотая ветвь (Ad Apollinem)	115

Восхождение

1 Infantia	116
2 Pueritia	117
3 Adolescentia	118
4 Juventus	119
5 Aetas senior	120
6 Senectus	121
7 Immortalias	122

Из цикла Cumaea

Он сгинет – на костях успев, однако ...	123
Сивиллы Сикстинской капеллы	124
Алтарная стена	124
Что Гордецу до мертвых – миллионов ...	125
Участь	126
Остаться вопреки себе – собой ...	126
Расстояния, расстояния...	127
Поэзия – слова. Слова, слова...	128

Из книги «Все подробности»

1 Бессмыслицею стало для меня ...	129
2 Ждать должен был все жизни, все века я ...	130
3 Горящие в Эребе помня реки ...	130
Не верю. Как могла ты, как могла ...	131
Когда оборваны все связи ...	131
ЗНАНИЕ (венец сонетов)	132
ДА БУДЕТ (созвездие сонетов)	135
ВЫСОТА (корона сонетов)	139
Суровый Данте не презирал сонета ...	144
Из цикла «Сонеты с Понта»	144

Сплелась моя когда-то, где-то...	145
Мой мудрый кот, собрат, коллега...	145
Алисы Кэрроловой профиль...	146
Льву Кропивницкому	147
И меркнувшая даль былого...	147
Немое красноречье книг...	148
Благословенным не был год...	149
<i>Из цикла «Свет»</i>	
«Благословенны – час, день, лето...»...	150
Грозит ее проклятье всем. Но полон...	151
Суровый Данте не презирал сонета ...	151
Есть некая земля – где с Океаном ...	152
Ars moriendi	
I ARS HERMERICA	
1 Incipit...	159
2... vita novissima	163
II ARS VITAE	
3 Mundus Subterraneus	168
4 Тогда	173
III ARS MORIENDI	
5 Далеко от Эдема	178
IV ARS MAGNA	
6 Все о Змие	183
7 Грехопадение	188
8 Искупление	192
9 Viatorium Spagyricum	197
V ARS POETICA	
10 Реликварий	202
11 Thesaurus Thesaurorum	207
12 Магия сонета	213
13 Сублимация	217
VI ARS SACRA	
14 Афродита Пандемос	223
15 Афродита Урания	228
VII ARS AMANDI	
16 ... servum tuum ...	233
17 ... verbum turim ...	238
Примечания	243

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

Проект реализован за счет гранта,
предоставленного Фондом **«Русский мир»**

КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ
ИЗ ГЛУБИНЫ

Редакторы
Нана МАЧАВАРИАНИ
Арсен ЕРЕМЯН

Художник
Виктория ПОПОВА

Компьютерное обеспечение
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ
Алена ДЕНЯГА

კონსტანტინე სერიგის ძე გერასიმოვი
სილრმიდან
(რუსულ ენაზე)